

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

3

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TÜRKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhdiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

С. Н. ИВАНОВ

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ГРАММАТИКИ

(ГРАММАТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО ОТРАЖЕНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ)

Для привычки постоянно следовать представлениям прерывание их понятием столь же тягостно, как и для формального мышления, которое всячески рассуждает, не выходя за пределы недействительных мыслей.

Гегель [1. С. 31].

Вопрос о соотношении конкретных наук и философии — главная методологическая проблема, имеющая очень важное значение для языкознания в целом и для сложнейшего его раздела — грамматики. Теоретическое богатство марксистско-ленинской диалектики и диалектического материализма, безусловно, используется при исследовании вопросов внешней лингвистики [2—4], но почти не привлекается для объяснения фактов внутренней лингвистики. Применительно к этим последним, и в особенности к грамматике, признание важности марксистско-ленинской методологии носит в основном декларативный характер. Не отличаются большой конкретностью и работы языковедов, специально посвященные методологическим вопросам [5. С. 257—288].

В настоящей статье предпринимается попытка обратить внимание лингвистов, занимающихся изучением грамматики, на возможности конкретного понимания методологических задач. Такие возможности открываются перед исследователем при осмыслении взглядов классиков марксизма-ленинизма на соотношение философии и частных областей научного исследования.

Энгельс обосновал такое понимание материалистической философии, согласно которому «...материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование высунуть свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, как-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» [6. С. 25]. «Это вообще уже больше не философия, — писал также Энгельс, — а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, „снята“, то есть „одно-

временно преодолена и сохранена“, преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» [6. С. 130—131]. Энгельс постоянно подчеркивал гносеологическое значение диалектической философии: «Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скерб — за исключением чистого учения о мышлении—станет излишним, исчезнет в положительной науке» [7. С. 167]. «...Диалектика, — указывал также Энгельс, — является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [7. С. 24].

Эти воззрения Энгельса полностью разделял В. И. Ленин, цитировавший в статье «Карл Маркс» мысль Энгельса о том, что диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками» [8. С. 54]. Для рассматриваемого вопроса решающее значение имеет и известное положение В. И. Ленина о совпадении логики, диалектики и теории познания: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...» [9. С. 301].

Острый интерес к гносеологическому аспекту диалектики характеризует ту обширную литературу по философии, которая вышла после периода 30—50-х гг., отмеченного излишней «онтологизацией» диалектики, когда диалектика односторонне определялась как наука «о наиболее общих законах природы и общества» [10. С. 5—18]. В названной литературе есть чрезвычайно интересные исследования, помогающие ученым, работающим в самых различных областях науки, углубить свое представление о методологической функции марксистско-ленинской диалектической философии [11—14]. Основная мысль относительно современного понимания диалектики четко сформулирована Э. В. Ильенковым: «У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), так же как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики» [15. С. 227]. «Диалектический метод в том или ином конкретном исследовании, — пишет Г. А. Подкорытов, — применяется не отдельно от частнонаучных методов, не наряду с ними, а в них и через них. Он реализуется в методах частных наук — непосредственных орудиях добытия истины» [16. С. 47]. Науки вне философии не существует. «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, — писал Энгельс, — над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» [7. С. 167]. В современном языкознании на то, что лингвистика не может быть независимой от философии, указывал Э. Косериу [17. С. 280; 18. С. 179]. В этом плане чрезвычайно интересны свидетельства крупных ученых о том, как им помогает в их конкретных исследованиях марксистско-ленинская теория познания [19. С. 49—63]. Предметом философии, как справедливо указывал академик Н. Н. Семенов, «...не может быть „мир в целом“, как утверждают нередко некоторые философы, ибо мир в целом познается всей системой естественных и общественных наук. Такое представление делает философию практически беспредметной». «...Самым ценным завоеванием, которым может и должна поделиться с естествознанием философия, — резюмирует Н. Н. Семенов,—является прежде всего марксистский диалектический метод мышления» [19. С. 49].

Почти полное отсутствие интереса у лингвистов к диалектике как логике теоретического мышления весьма досадно и необъяснимо. Принадлежность к той или иной философии отражается в мировоззрении ученого. В современной науке марксистско-ленинской диалектике как определенному научному мировоззрению противостоит позитивизм в различных его проявлениях. Все школы позитивизма объединяет одно — отрицание наличия у исследуемого ряда явлений скрытой от наблюдения сущности и признание истинной задачей науки «упорядоченную запись непосредственных наблюдений», их формально-логическую непротиворечивую интерпретацию [18. С. 34—56]. Необходимо постоянно помнить, что вся работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» направлена именно против позитивизма [20]. Утверждение о том, что методы исследования вообще не связаны с мировоззрением [21. С. 268], глубоко ошибочно.

После этих необходимых вводных установок возможен переход к тому основному, что, по мнению автора настоящей статьи, следует рассматривать как конкретное признание и применение марксистско-ленинской диалектики в качестве логики теоретического мышления. В прямую связь с грамматическими исследованиями должно быть поставлено диалектическое учение о научном *понятии*. Вопросы, связанные с теорией научного понятия, занимают существенное место в современной советской философской литературе [22. С. 42—63, 172—210; 23; 24; 13; 14].

В диалектике, в диалектической логике термин «понятие» используется как синоним развернутого теоретического объяснения, *понимания* определенной совокупности фактов, а не как категория формальной логики, соотносимая с другими ее категориями (формами мышления) вроде суждения, умозаключения и т. п. Понятие в диалектико-логическом его понимании коренным образом отличается от обиходного понимания этого термина, т. е. от простых общих наименований («человек», «дом», «богатство», «резкость», «подчинение» и т. п.), и от формально-логического его понимания как абстрактно-общего представления, отвлекающегося от конкретных характеристик предметов или явлений, обозначаемых данным словом («человек вообще», «растение вообще» и т. п.) [25. С. 345—348]. Как известно, формальная логика при определении понятий ограничивается требованием указывать «существенные признаки» того, что обозначается понятием, и не конкретизирует — что именно надо понимать под «существенными признаками» [13. С. 38—44; 22. С. 42—48].

В противоположность формальной логике, диалектическая логика совершенно четко определяет то содержание, которое должно быть отражено в научном понятии. Понятие должно отражать «единство многообразного» (Маркс), соотношение общего и единичного, целого и частей, системы и элементов этой системы, сущность определенного ряда, определенной совокупности явлений как скрытую от непосредственного наблюдения противоречивую основу многообразия, наблюдаемого исследователем, противоречивое отношение сущности к самой себе. Выявляемая сущность должна предстать в понятии о ней как некая основа, порождающая, закономерно развертывающая из себя все частные свои проявления [23. С. 295—329; 22. С. 42—65; 13. С. 18—37]. Классиками марксистско-ленинизма обоснован строго научный диалектико-логический способ достижения знаний о скрытой противоречивой сущности явлений — метод восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. переход от отдельных (и потому абстрактных) определений к расчлененному цельному (и потому конкретному) пониманию объекта

исследования [11. С. 112—185]. «...Понять.., — говорил В. И. Ленин, — значит высказать ...сущность в форме понятия» [9. С. 231].

Сведение эмпирического многообразия к теоретическому единству — задача каждой науки. Очень остро эта задача стоит и перед грамматическими изысканиями. В том или ином виде задача объединения грамматических частных в цельном знании о них ставилась языковедами. Однако диалектико-логическая интерпретация соответствующих грамматических проблем еще не проложила себе путь в науке о языке. Между тем если существует, например, грамматическая проблема соотношения общих и частных значений у грамматических форм, а с другой стороны, имеется диалектико-логическое толкование проблемы соотношения общего и единичного, то естественно рассмотреть первое соотношение в свете второго. К этому же должно побуждать и законное стремление обосновывать научные *понятия* о грамматических фактах, а не удовлетворяться простым описанием фактов или схематическими их дефинициями. Вопрос об отношении исследователя к самой идее построения научного понятия об объекте исследования и о способе конструирования научного понятия — это вопрос методологический, мировоззренческий.

Рассмотрим вопрос о том, как решалась в языкознании проблема соотношения частных значений грамматических форм и наличия (или отсутствия) общих значений. Со времен Н. П. Некрасова в отечественном и современном зарубежном языкознании, в работах Р. Якобсона и его последователей общее значение понималось как возможный общий семантический знаменатель всех частных значений каждой конкретной грамматической формы [26. С. 183—201; 27. С. 133—175]. Сами поиски общих значений закономерны, так как науке свойственно стремиться к обобщениям и обоснованию определенных инвариантных представлений. Однако способ отыскания общих значений, предлагаемый учеными названных направлений, целиком основывается на законах формальной логики, которые в современной диалектико-логической литературе признаются недостаточными для теоретического понимания предмета исследования, для построения научного понятия о нем [22. С. 21—29, 42—49; 28. С. 244; 29. С. 403; 30. С. 207—208]. А. Эйнштейн также указывал, что никакой формально-логический путь не ведет к построению теории [31. С. 9—10].

Диалектическая логика в принципе иным образом решает вопрос о соотношении единичных явлений и того общего, что их объединяет. Если формальная логика стремится отыскать общий, абстрактно-одинаковый признак во всех фактах, которые в данный момент подвергаются обобщению, то диалектическая логика утверждает как раз обратное: такая процедура формальной логики имеет лишь ограниченное применение, и всеобщее в явлениях не может быть установлено путем нахождения некоего абстрактного признака, одинаково свойственного всем явлениям данного ряда. Общее по отношению к единичному в диалектической логике — это система, в которую включены единичные явления данной совокупности фактов. Путь, предлагаемый формальной логикой в данном вопросе, ведет к образованию не *понятия* об общем, а лишь абстрактно-общего *представления* [22. С. 64; 23. С. 295—329; 11. С. 5—11; 32. С. 204—229].

Следовательно, с точки зрения диалектической логики, общее грамматическое значение в принципе не может быть абстрактно-общим семантическим знаменателем всех употреблений исследуемой грамматической формы [33]. Общим для частных случаев использования грамматической формы будет система ее различных значений в

их закономерных отношениях друг к другу и ее отношения к другим грамматическим формам данного ряда форм, т. е. к данной грамматической категории в целом. Поэтому с позиций диалектической логики оказываются совершенно неприемлемыми и несостоятельными формально-логические по своей сути дефиниции значений грамматической формы, претендующие на полную ее характеристику, типа: «такой-то падежный показатель сигнализирует о том-то (и только об этом!)». В этом смысле глубоко прав В. В. Виноградов, отвергающий следующую характеристику родительного падежа, данную А. А. Шахматовым: «Родительный падеж имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти» [34. С. 176].

Хотя постулирование диалектического подхода к отысканию в грамматических явлениях не формально-логического абстрактно-общего, а конкретно-общего в грамматических трудах и не удается обнаружить, тем не менее в недеklarированном виде борьба между формально-логической, классифицирующей, систематизирующей тенденцией и диалектико-логическим *пониманием* фактов грамматики в отечественном языкознании идет давно. В этом плане очень характерны и другие, кроме указанного, случаи критической оценки В. В. Виноградовым формально-логических установок и построений его предшественников при интерпретации ими тех или иных грамматических проблем. В. В. Виноградов считает несостоятельной попытку А. А. Шахматова обосновать наличие абстрактно-общей единицы мышления («коммуникации»), которая лежала бы в основе всех видов предложения в русском языке [35. С. 85—86]. Отвергает он, полагая их бесплодными, и устремления А. М. Пешковского найти абстрактно-морфологическое определение сказуемости (предикативности) [36. С. 55].

Особый интерес представляет противоборство формально-логического и диалектико-логического подходов к объяснению проблемы разграничения частей речи в русской грамматической традиции. В. В. Виноградов считает, что Ф. Ф. Фортунатов, усвоивший от Германа Пауля скептицизм в отношении частей речи, покоящийся, по словам Пауля, «на непоследовательно проведенных логических принципах» [37. С. 41], тем не менее самой языковой действительностью поставлен был перед необходимостью признать недостаточность одних лишь формальных критериев для разграничения грамматических классов слов и применить для этого комбинированный, синкретический метод [37. С. 54]. Он отмечает и аналогичную эволюцию воззрений А. А. Шахматова на проблему частей речи [37. С. 85—89]. Особо резкой критике В. В. Виноградов подвергает сугубо формалистические классификаторские построения Д. Н. Ушакова [37. С. 59—62] и М. Н. Петерсона [37. С. 62—68], выдержанные в формально-логическом духе и основанные (у М. Н. Петерсона) на «узко-формальной однопризнаковой классификации слов» [37. С. 67].

Бесплодность поисков единого формально-логического критерия для разграничения частей речи далеко не так очевидна, как это может казаться. Даже такой лингвист, как М. И. Стеблин-Каменский, уже после приведенных выше критических выступлений В. В. Виноградова продолжал сетовать на то, что части речи выделяются не по одному общему признаку, а по нескольким и что это не соответствует формально-логическим требованиям. И хотя далее М. И. Стеблин-Каменский сам отказывается от поисков единого основания классификации частей речи, он тем не менее делает поразительный вывод о том, что части речи не образуют стройной и последовательной системы [38. С. 19—22;

39. С. 24]. Таким образом, система понимается им только в формально-логическом, а не в диалектическом плане.

В связи со сказанным нельзя не удивляться замечательным диалектическим прозрениям А. А. Потебни, который категорически отвергал методiku извлечения из рассматриваемых явлений однопризнакового «экстракта» [40. С. 43] и «подведения чего-либо под общее понятие» [41. С. 15] («общее понятие» в данном случае у Потебни — абстрактно-общий формально-логический признак. — С. И.).

Из всего этого следует, что формально-логическая классификация по какому-либо одному абстрактному признаку имеет в науке лишь ограниченное и вспомогательное значение и она должна непременно корректироваться и преодолеваться конкретным диалектико-логическим пониманием общего как системы, в которую включены данные в наблюдении единичные факты, а не как наличие абстрактно-одинакового признака, служащего основанием для классификации. Следовательно, формально-логическая классификация и систематизация фактов не могут заменить собою поисков внутренней, глубинной системы фактов.

Диалектика отражает объективные законы мышления, и потому она часто скрытым, неосознанным образом прокладывает себе путь в научные построения ученых. Э. В. Ильенков справедливо указывает на то, что все лучшие достижения науки связаны с диалектической традицией в логике [15. С. 212]. Иначе говоря, все наиболее значительные завоевания науки связаны с диалектическим проникновением в сущность наблюдаемых явлений, а не с формально-логической их классификацией. «К диалектическому пониманию можно прийти, будучи вынужденным к этому накапливающимся фактическим материалом естествознания, — писал Энгельс, — но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру естественно-научных фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» [6. С. 14].

В самых разных науках исследование выявляет диалектическую противоречивость фактов, находящую истолкование в двух как бы накладывающихся друг на друга объяснениях, являющихся синтезом различных определений. К. Маркс, вооруженный диалектическим пониманием действительности и диалектическим методом исследования, не ищет однопризнаковой характеристики всеобщего труда, а осмысляет его в двух контекстах — как противопоставление и дополнение к труду совместному и как наиболее полную реализацию совместного труда [14. С. 242]. Примеры из других наук, когда наиболее трудные их проблемы находят, по существу, диалектическое объяснение, даже при отсутствии осознания этого, также весьма поучительны. Известные парадоксы теории множеств в математике могут быть разрешены лишь при осознании того, что внешне противоречивый логический субъект в них входит в два разных множества, а не в одно [14. С. 33—35]. Известно, что к однопризнаковой классификации химических элементов по их атомному весу подступали и некоторые предшественники Д. И. Менделеева. Однако только Д. И. Менделееву удалось построить периодическую систему элементов, так как он сгруппировал их не по одному — количественному — признаку, а по двум соизмеримым свойствам, добавив к количественному основанию классификации еще и качественный признак — способность давать определенные формы соединений, на основе которого элементы и были объединены в группы. Не случайно Д. И. Менделеев в своей рукописи заменил первоначально значившееся там слово «классификация» словом «система» [42. С. 236—290]. С полным основанием Б. М. Кедров определяет метод Д. И.

Менделеева как метод диалектической логики [42. С. 298]. Весьма примечательным в этом же отношении является и признание акад. Н. Н. Семенова в том, что объяснение понятия разветвленных цепных реакций и предельных явлений в химической кинетике стало возможным лишь тогда, когда он и его коллеги поняли, что свободные атомы и радикалы в исследуемых ими явлениях ведут себя двояким образом [19. С. 53—60]. Показательной в этом же плане является и одна из капитальных проблем современной физики — вопрос о двойственной корпускулярно-волновой природе электрона. Здесь в самой сути своей исключается возможность однопризнаковой характеристики электрона и принцип дополнительности выступает как объективно-диалектический [43. С. 257; 13. С. 86—92]. Наконец, к этому же имеет отношение и открытие современной генетикой двойного строения («двойной спирали») наследственных молекул [44]. Различие между формально-логическим и диалектико-логическим обобщением Энгельс уподоблял различию между элементарной и высшей математикой [6. С. 126—127; 46. С. 117].

Автором настоящей статьи была предпринята попытка диалектико-логической интерпретации тюркских грамматических категорий на материале староузбекского и турецкого языков, т. е. попытка отражения их собственной диалектической сущности в диалектико-логических понятиях о них [47—49]. Поиск формально-логического общего семантического знаменателя при попытках уяснить единство многозначных падежных, например, форм дает определенные результаты лишь в известных пределах. В принципе же *все* значения каждого падежа не могут быть сведены к непротиворечивому единству, и у многочисленных значений каждого падежа имеется предел сводимости. За этим пределом остается некоторая совокупность значений, которая может быть понята только на фоне общепарадигматического противопоставления всех падежей в рамках категории склонения в целом. При этом выясняется, что все многообразие значений каждого падежа поддается объяснению, если исходить из факта двоякого противопоставления каждого падежа другим падежам: семантическое противопоставление внутри каждого из двух малых рядов падежных форм, в которых падежи непосредственно коррелируют друг с другом (основной, винительный, родительный падежи — один малый ряд, дательный, исходный, местный падежи — другой малый ряд), и синтаксическое противопоставление в рамках всего большого ряда форм, т. е. всей грамматической категории склонения [50]. Говоря иными словами, каждая падежная форма обязательно входит в два ряда оппозиций, а не в один [48. С. 66—97; 51. С. 101—109; 52. С. 130—150]. Аналогичным образом получают объяснение из единых оснований многозначность и многорядовость других грамматических категорий — числа, принадлежности, залога, времени, а также причастий и деепричастий. Противоречивое единство каждой грамматической формы любой грамматической категории и состоит в том, что грамматическая форма проявляет свою сущность в двух рядах оппозиций [53].

Теория, отражающая научную истину в *понятиях*, основывается, конечно же, на фактах, но она в принципе не может быть выведена только из эмпирических наблюдений: она не возводится на фактах путем последовательного «надстраивания» формально-логических выводов из них, а «сажается» сверху на факты таким образом, чтобы все «разрозненные» в наблюдении явления были охвачены и объяснены ею с единых позиций как необходимые проявления уловленной, понятой теоретическим (диалектико-логическим) мышлением единой скрытой сущности наблюдаемого многообразия. В поисках теории, обладающей

достаточной объяснительной силой, и состоит творческий, а не догматический характер диалектики, которая, собственно, и является творческим мышлением. Именно диалектика никогда не рассматривает свои теоретические построения как окончательные и завершённые: они всегда открыты для поисков новых, неучтенных связей.

Трудность теоретического объяснения обширной группы явлений, составляющих одно «поле», однородный ряд (например, грамматическую категорию), всегда состоит в том, что каждое отдельное явление должно быть понято в его отношениях со всеми другими явлениями данного ряда. Если удастся объяснить каждое возможное значение, например, какого-либо падежа в его закономерных связях со всеми другими его значениями, и, поняв их как нечто целое, показать данный падеж в его необходимых отношениях с другими падежами, и при этом ни один факт из взятого ряда явлений не будет выпадать из предложенного развернутого объяснения, то это и станет теорией, *понятием* о данном падеже, которое «сцеплено» с другими понятиями [55]. Само понятие системы вообще в языке, в том числе и в грамматике, возможно только на диалектической основе: сцепление понятий отразит объективно существующую глубинную систему фактов, связь сущностей всех форм друг с другом [13. С. 31].

В свете всего сказанного об отражении в понятии диалектически противоречивой грамматической действительности необходимо еще раз подчеркнуть принципиальное отличие понятия от дефиниций. В. И. Ленин осуждал «...простое сочинение дефиниций» [56. С. 311]. «Дефиниций может быть много, — отмечал В. И. Ленин, — ибо много сторон в предметах» [9. С. 216]. «...Понятие как нечто конкретное, — писал Гегель, — ...существенно представляет в самом себе единство различных определений» [25. С. 140], «...постижение предмета в понятиях как раз и означает познание его как конкретного единства противоположных определений» [25. С. 167]. Энгельс указывал, что Маркс в «Капитале» разбивает конкретное знание об объекте исследования в объяснении его и что «...у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений» [57. С. 16]. Эти мысли перекликаются также и с характеристикой, которую давал дефинициям Гегель: «Дефинирование... само отказывается от настоящих определений понятия, которые были бы по существу принципами предметов, и довольствуется признаками, то есть такими определениями, существенность которых для самого предмета есть нечто безразличное и которые скорее имеют свою целью быть только отметками для внешней рефлексии» [58. С. 266].

Следовательно, дефиниции, т. е. отдельные определения, приписываемые субъекту предикаты, сколь бы они ни были важны в процессе постепенно уточняемого знания, являются тем не менее недостаточными, когда речь идет о постижении в понятии глубинной сущности исследуемого ряда явлений [59]. «Конкретное потому конкретно, — говорил Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» [60. С. 727].

В современной советской философской литературе высказана чрезвычайно глубокая мысль о принципиальной импредикабельности понятия. При этом имеется в виду, что даже при осознании того, что предмет исследования, т. е. логический субъект, должен быть в понятии осмыслен как противоречащий сам себе и имеющий как бы два определения, каждое из этих двух определений не может быть кратким («тошим») предикатом, а должно представлять собою развернутое объяснение. В результате получается, что исследуемый предмет расщеп-

ляется надвое, и его противоречивость проявляется в том, что в понятии он представлен двумя тождественными субъектами, определений которых — не тоще-предикатные, а понятийно-расчлененные — содержат диалектическое противоречие: данный субъект (т. е. предмет исследования) представляет собою то-то и то-то (одно развернутое объяснение), и тот же субъект представляет собою уже нечто другое (другое развернутое объяснение, не совпадающее с первым) [14. С. 32—35, 149—152, 242—246]. Это и будет, по Марксу, «синтез различных определений», т. е. понятие о сущности исследуемого предмета.

Признание наличия скрытой сущности, постигаемой в понятии, представляет собою субстанциальное понимание действительности, и это последнее реализуется в диалектических категориях *предмета* (вещи), *свойства* и *отношения* [61. С. 23—43]. Субстанциальное понимание грамматической формы также предполагает рассмотрение ее как предмета, имеющего свойства, которые проявляются в его отношениях. Сущность, постигаемая в понятии, — это глубинная субстанция предмета, проявляющаяся вовне в виде многообразных его отношений, которые возможны благодаря наличию у него определенных свойств [47. С. 20—21; 48. С. 73—77]. «...Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [59. С. 67]. В общем виде сущность грамматической формы складывается из ее свойств, каковыми являются ее значения, проявляющиеся в отношениях — синтагматических и парадигматических. Именно из этих отношений узнаются свойства грамматической формы, т. е. значения, а диалектически противоречивая совокупность значений и составляет ее сущность [47. С. 19—26; 48. С. 73—97; 51. С. 101—109; 54. С. 65—66; 52. С. 130—150]. И здесь снова вспоминается замечательное, по сути своей истинно диалектическое, понимание грамматической формы А. А. Потебнею: «Синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою: она ведь и узнается по этим отношениям» [40. С. 50—51].

В мировоззренческом аспекте материалистические и диалектические позиции ученого следует понимать как признание сущностного, субстанциального статуса окружающей действительности, в том числе и исследуемого объекта, и признание того, что сущность отражается в понятии.

У каждой науки имеются своя область изысканий, свой конкретный и особый объект исследования, свой корпус фактов, и потому методологические основания не претендуют на непосредственное объяснение всех фактов данной науки и всех связей этих фактов. Смысл и назначение методологии в том, что она формулирует метод построения теории и слагающих данную теорию понятий. Следовательно, методология — это применение философии к конкретным наукам, к конкретным проблемам, отражающее собою мировоззрение исследователя. В этом смысле следует различать методологию исследования, т. е. использование определенного метода построения теории (понятия), и методику — использование частных методов, определяемых спецификой конкретных наук. Соответственно диалектика — не метод всех наук, а метод мышления во всех науках. Проникновение в самое существо диалектики и владение ею являются показателем культуры мышления ученого, так как диалектика — это не «учение о мире в целом», а логика [15. С. 229]. Сознательное применение диалектики, логики «Капитала» Маркса — завтрашний день науки [11. С. 155]. «Если Магх не оставил „Логики“ (с большой буквы), то он оставил логику „Капитала“...» [9. С. 301].

Таким образом, сферы формальной логики и диалектической логики совершенно четко разграничиваются: обобщение эмпирического

материала, систематизация и классификация, рассудочные дефиниции — область формальной логики; теория, познание ненаблюдаемых связей и глубинной внутренней системы, разумные понятия — область диалектической логики. Применительно к грамматике это означает, что она должна не описывать грамматические факты, а *объяснять* их в их всеобщей связи. Не следует забывать при этом, что борьба с позитивистским описанием за сущностное понимание изучаемого — идеологический, мировоззренческий рубеж науки.

Диалектико-онтологическая интерпретация отдельных фактов языка и грамматики, имеющая место в некоторых лингвистических исследованиях [62. С. 23—31; 63. С. 3—22], должна быть дополнена применением в грамматических изысканиях диалектики в ее гносеологическом аспекте, т. е. как логики, теории познания. Советский историк П. Ф. Преображенский справедливо предостерегает ученых от «философского недомыслия и философской некультурности» [64]. Необходимо преодолеть имеющее еще место среди лингвистов равнодушие к философии и недоверие к ней, понимаемой как беспредметное философствование.

В заключение нельзя не сказать и об эстетическом факторе методологии: красотой и глубиной учения Гегеля о научном понятии, скорректированного и углубленного К. Марксом и В. И. Лениным, невозможно не восхищаться, подобно тому, как восхищался еще в ранние свои годы Эйнштейн геометрией Евклида [31. С. 134].

«Дорога диалектического материализма, — писал С. И. Вавилов, — доступна далеко не всем. О ней знают многие, но по ней надо научиться ходить, ленинский метод должен быть применен к конкретной работе» [65. С. 27].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 4: Система наук. Ч. 1: Феноменология духа.

² Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970.

³ Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977.

⁴ Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.

⁵ Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.

⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Госполитиздат, 1948.

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1948.

⁸ Ленин В. И. Карл Маркс//Полн. собр. соч. Т. 26.

⁹ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. Т. 29.

¹⁰ Кедров Б. М. Соотношение диалектики, теории познания и логики: (Общая постановка вопроса)//Диалектика — теория познания: Историко-философские очерки. М.: Наука, 1964.

¹¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

¹² Оруджев Э. М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку: Азернешр, 1964.

¹³ Диалектика — теория познания//А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967.

¹⁴ Библер В. С. Мышление как творчество: (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975.

¹⁵ Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974.

¹⁶ Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1967.

¹⁷ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3.

- ¹⁸ Зотов А. Ф. Структура научного мышления. М.: Политиздат, 1973.
- ¹⁹ Семенов Н. Н. Марксистско-ленинская философия и вопросы естествознания: Научное творчество в свете марксистско-ленинской теории познания//Коммунист. 1968. № 10.
- ²⁰ См.: Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М.: Политиздат, 1980.
- ²¹ Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.
- ²² Диалектика и логика: Формы мышления. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- ²³ Диалектика—теория познания: Историко-философские очерки. М.: Наука, 1964.
- ²⁴ Логика научного исследования. М.: Наука, 1965.
- ²⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 1: Наука логики.
- ²⁶ Некрасов Н. И. О значении форм русского глагола//Хрестоматия по истории грамматических учений в России/Сост. В. В. Щеулин, В. М. Медведова. М.: Высш. шк., 1965.
- ²⁷ Яобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- ²⁸ См. также: Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1965.
- ²⁹ Баженев Л. Б. Строение и функции естественно-научной теории//Синтез современного научного знания. М.: Наука, 1973.
- ³⁰ Маркова Л. А. Концепция развития науки В. Уэвелла//Ученые о науке и ее развитии. М.: Наука, 1971.
- ³¹ Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Наука, 1965.
- ³² Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М.: Соцэкгиз, 1960.
- ³³ Кстати сказать, и признание у грамматических категорий так называемых «некатегориальных» значений — тоже пример формально-логического, а не диалектико-логического обобщения: «некатегориальными» объявляются сбывчно значения, не поддающиеся формально-логическому сведению к непротиворечивому единству. Так появляются утверждения о «нечисловом» значении числа, о «невременном» значении временных форм и т. п. С диалектической точки зрения, все, что обозначает данная категория, конечно же, категориально для нее.
- ³⁴ Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
- ³⁵ Он же. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова//Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950.
- ³⁶ Он же. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия//Там же.
- ³⁷ Он же. Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1938. Вып. 1.
- ³⁸ Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1974.
- ³⁹ Он же. Грамматика норвежского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- ⁴⁰ Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1—2.
- ⁴¹ Он же. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3.
- ⁴² Кедров Б. М. День великого открытия. М.: Соцэкгиз, 1958.
- ⁴³ Хютт В. Н. Дополнительность Н. Бора и ее методологическое значение//Логика и методология науки. М.: Наука, 1967.
- ⁴⁴ Для специалиста достаточно простой констатации данного факта, хотя бы и в научно-популярной статье [45. С. 31].
- ⁴⁵ Сойфер В. Горький плод//Огонек. 1988. № 2.
- ⁴⁶ Молодший В. В. Очерки по вопросам обоснования математики. М.: Учпедгиз, 1958.
- ⁴⁷ Иванов С. Н. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк: (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент: Фан, 1969.
- ⁴⁸ Он же. Курс турецкой грамматики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1975. Ч. 1: Грамматические категории имени существительного.
- ⁴⁹ Он же. То же, 1977. Ч. 2: Грамматические категории глагола.
- ⁵⁰ Семантические и синтаксические значения падежей имеют в этом объяснении в принципе иное содержание и соотношение, нежели у Б. Куриловича. См.: [48. С. 89—91].
- ⁵¹ Иванов С. Н. К истолкованию многозначности грамматических форм: (На материале тюркских языков)//Вопр. языкознания. 1973. № 6.
- ⁵² Он же. Об историзме в содержании грамматического понятия//Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1978.
- ⁵³ Автором настоящей статьи была предпринята попытка обосновать диалектико-логические понятия о тюркских грамматических категориях (методология), истолковывая эти понятия на основе собственно грамматических понятий (методика) о субстанциональном содержании грамматических форм, о взаимной связанности и взаимной обус-

ловленности синтагматической (синтаксической) и парадигматической (морфологической) характеристик грамматической формы, о непрерывном вхождении каждой грамматической формы в два ряда оппозиций, о наличии в грамматических категориях с многочисленным противопоставлением форм двух рядов оппозиций — «малого» (семантического) и «большого» (синтаксического), вхождением в которые определяется диалектическая двойственность и противоречивость значений каждой формы, о пределе сводимости значений грамматической формы, о непрерывной поляризации грамматических значений в каждой из двух форм, являющихся коррелирующими антиподами, о тенденции многочисленных категорий к двучленности, а двучленных — к многочисленности, о прогрессивном и консервативном элементах в составе противоречивой двойственности грамматической формы, о характере диахронических элементов в синхронной системе грамматических категорий и форм. См. указанные в примеч. 54—53 работы автора, а также [54. С. 54—66].

⁵⁴ Иванов С. Н. Об изучении грамматики тюркских языков: История и современность//Сов. тюркология. 1976. № 5.

⁵⁵ В диалектической логике отмечается известное тождество терминов «теория» и «понятие» как синонимов развернутого понятийного объяснения. См.: [13. С. 21—37]. Некоторые оттенки различия между указанными терминами В. С. Библер объясняет следующим образом: «Характеризуя научную теорию как *единство* многообразия, мы характеризуем ее как понятие. Характеризуя понятие как *единство многообразия*, мы осмысливаем его как научную теорию» [13. С. 23].

⁵⁶ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм//Полн. собр. соч. Т. 18.

⁵⁷ Маркс К. Капитал. М., 1954. Т. 3.

⁵⁸ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 6.

⁵⁹ Различие между дефинициями и понятием соответствует давно осознанному философами различию между рядополагающим рассудком и понимающим разумом. См., например: [12. С. 34—37].

⁶⁰ Из рукописного наследия К. Маркса: Введение//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.

⁶¹ Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1956.

⁶² Шендельс Е. И. Сближение полярных грамматических значений: (На материале немецкого языка)//Иностранные языки в высшей школе. М., 1962.

⁶³ Шелякин М. А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий [2]//Учен. зап. Тартуского ГУ. Вып. 486: Проблемы описания системы языка и ее функционирования: Тр. по рус. и славян. филологии. Сер. лингв. Тарту, 1979. Т. 30.

⁶⁴ Цит. по: [13. С. 202].

⁶⁵ Вавилов С. И. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 3.

М. С. ПОЛИНСКАЯ, В. Ю. ЧЕРНИН

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА У КРЫМЧАКОВ

1. *Вводные замечания.* Крымчаки — тюркоязычная субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в XIV—XVI вв. на территории Крымского ханства в ходе языковой, конфессиональной и культурной консолидации осевших в Крыму выходцев из еврейских общин различных стран Ближнего Востока, Южной и Восточной Европы, а также потомков старожильского населения полуострова — приверженцев ортодоксального (талмудического) иудаизма. Крымчаки традиционно проживали почти исключительно в городах, что не могло не отразиться на их материальной и духовной культуре (крымчакские сельские населенные пункты — колония Раатлы-кой, или Рогатлы-кой, в середине XIX в. и два колхоза в 30-х гг. XX в. — существовали очень недолго и концентрировали незначительную часть группы). Традиционным центром расселения крымчаков был г. Карасубазар (ныне Белогорск); в настоящее время относительно большая группа крымчаков проживает в Симферополе, Новороссийске и Сухуми. В результате массового уничтожения крымчаков нацистами в период временной оккупации Крыма во время Великой Отечественной войны (1944—1945) численность группы резко сократилась и составляет, по данным 1979 г., 1,8 тыс. чел. (Куповецкий 1983: 87).

До первой трети XX в. языком повседневного общения у крымчаков был крымчакский говор (далее КРЧ) крымско-татарского языка (далее КРТ); см. характеристику КРЧ как городского жаргона: Дейнард 1878: 115—116; Самойлович 1924: 111 и как этнолекта: Чернин 1983: 98. О владении крымчаками древнееврейским языком, использовавшимся как язык богослужения, см.: Чернин 1988. Существовала письменная традиция КРЧ на основе квадратичного алфавита, к настоящему времени она практически полностью утрачена. По-видимому, особая письменная традиция способствовала сближению КРЧ с крымско-караимским (КАР) и несколько увеличивала расхождение между КРЧ и КРТ. Введенная в конце 20-х гг. XX в. письменность на латинской основе широкого распространения не получила. У современных крымчаков КРЧ практически вытеснен русским языком (удовлетворительное владение КРЧ наблюдается в основном у лиц не моложе 1915 — 1917 г. р.). Крымчаки более молодого возраста склонны характеризовать утраченный КРЧ как особый язык (в литературе такая точка зрения впервые высказана в: Филоненко 1972: 9; ср. также Moskowitch, Tukan 1986: 10). Однако наиболее пожилые из информантов и носители среднего и южнобережного диалектов КРТ оценивают КРЧ как «татар-

ский» язык; так, трое из опрошенных информантов, 1910, 1915 и 1917 г. р., предлагали авторам этих строк послушать крымско-татарские песни как крымчакские.

Лексико-статистическое сравнение КРЧ, степного и среднего КРТ позволяет классифицировать КРЧ как говор среднего диалекта КРТ (см.: Козинский, Полинская 1987: 56). В цитированной работе не учтены данные КАР; по стандартному 100-словному списку (см.: Сводеш 1960), полученному от носителя КАР, КРЧ и КАР демонстрируют 94% совпадений. Это дает возможность объединить их как варианты одного говора, который — с учетом фактов истории и культуры крымчаков и крымских караимов — может справедливо быть охарактеризован как этнолект. Данные лексико-статистического сравнения КРЧ, КАР, трех традиционно выделяемых диалектов КРТ (степного, среднего, южнобережного), ногайского и турецкого показаны в таблице.

Данные лексико-статистического сопоставления КРЧ, КАР, КРТ (с — средний, ю — южнобережный, ст — степной диалекты), ногайского (НОГ) и турецкого (ТУР) по стандартному 100-словному списку, %

	КАР	КРТс	КРТю	КРТст	НОГ	ТУР
КРЧ	94	89	84	83	80	79
КАР		89	84	86	85	81
КРТс			92	82	83	84
КРТю				82	79	91
КРТст					87	81
НОГ						78

2. *Терминология родства. Общая характеристика и типологические параллели.* Термины родства КРЧ записаны от ряда информантов: Бакши А. Я., 1916, уроженец Карасубазара, Бакши Я. М., 1905, уроженец Керчи, Бакши Е. С., 1912, уроженка Карасубазара, Габай Д. А., 1910, уроженец Феодосии, Габай С. А., 1915, уроженка Карасубазара, Конфино Ш. А. (урожд. Пейсах), 1917, уроженка Феодосии, Набуко С. Г. (урожд. Гурджи), 1915, уроженка Симферополя, Пейсах А. М., 1900, уроженец Карасубазара, Пиастро М. Е., 1894, уроженец Симферополя. Работа велась с 1977 по 1987 г. (с перерывами).

В связи с резким сужением сферы функционирования КРЧ часть терминов родства и свойства могла быть утрачена информантами; соответственно в приводимом ниже материале могут быть лакуны.

При описании терминосистем родства обычно различают референтивную систему (систему, используемую индивидом, который выступает как «точка отсчета», для характеристики его родственных и свойственных отношений) и вокативную систему (термины, используемые для прямого обращения к родственнику/свойственнику). Основное внимание уделено референтивной системе; там, где это не оговаривается особо, имеется в виду именно она.

Термины родства (для Эго — мужчины) показаны на рис. 1. Треугольник обозначает лицо мужского пола, кружок — лицо женского пола, брак изображается символом =, вертикальная прямая линия обозначает рождение потомства в данном браке. Символ Эго заштрихован. Обозначения поколений: «0» — поколение Эго; «+1» — родители Эго (первое восходящее), «+2» — родители родителей Эго (второе восходящее), «+3» — родители родителей родителей Эго (третье восходящее), «-1» — дети Эго (первое нисходящее), «-2» — внуки Эго (второе нисходящее), «-3» — правнуки Эго (третье нисходящее). Сравнительно менее употребительные термины, предлагавшиеся информантами как альтернативные более частым, взяты в скобки. Знак для отно-

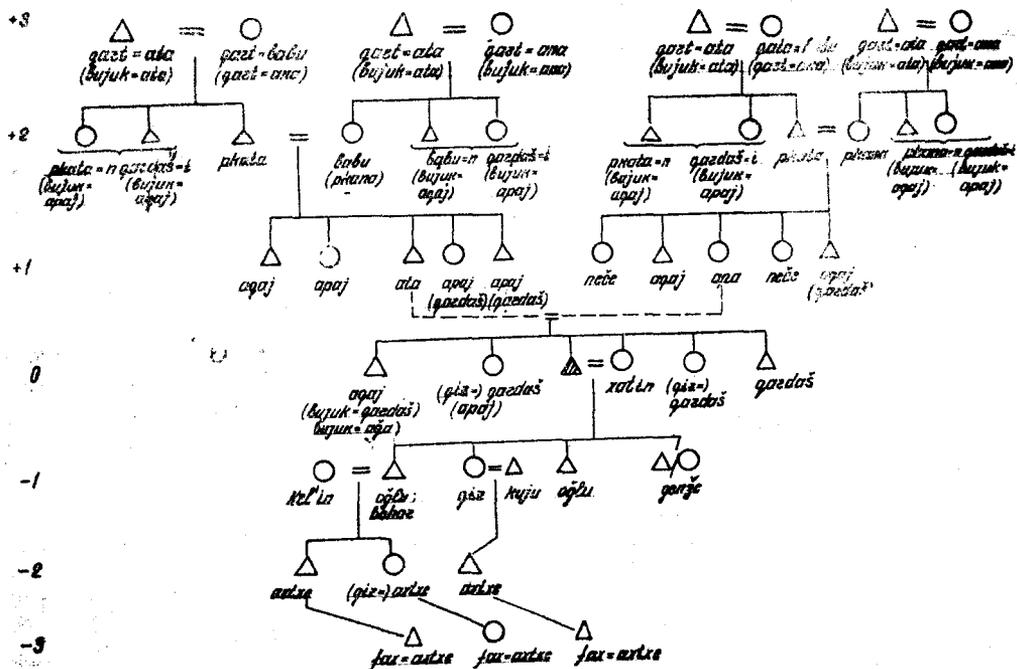

Рис. 1 «Терминология родства у крымчаков».

нительно старшего siblingа в горизонтальном поколении располагается левее.

Термины для Эго — женщины аналогичны показанным на рис. 1, термин для мужа — *qoza*. На рис. 1 приведены только специальные термины; описательные термины, построенные с использованием притяжательной конструкции (например, 'племянник/племянница' *aqaj-ım-nın bala-sı*, букв. 'моего=дяди(ген.) ребенок=его'), опущены.

На рис. 2 показаны основные термины свойства для Эго — мужчины (термины родства, для облегчения чтения, не повторяются). Тер-

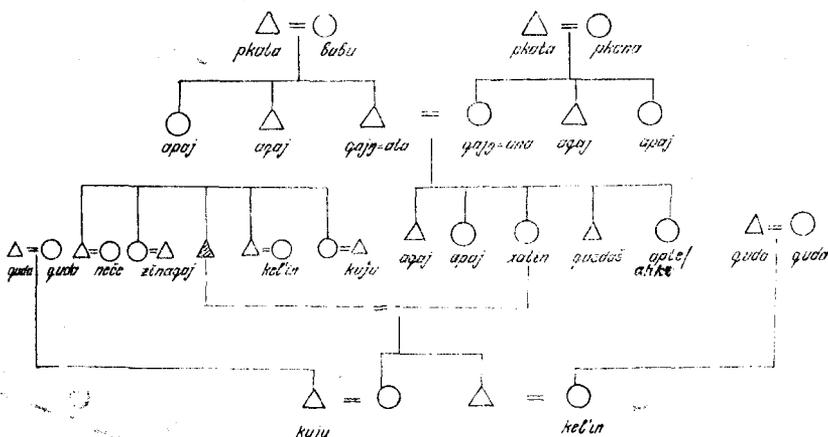

Рис. 2. «Терминология родства у крымчаков».

мины свойства для женщины Эго в основном совпадают с показанными на рис. 2 (см. также словарь в п. 3).

Родовые термины для родственника и свойственника образуют, по-видимому, следующие оппозиции. Наиболее общим наименованием для родственника и для свойственника (т. е. наименованием для всякого индивида, входящего в фиксированные отношения с Эго) является *tuğan*. При необходимости указать именно на родство *tuğan* может противопоставляться *doğmuş* 'кровный родственник' (*doğ-* 'родить, родиться'). Представление о кровном родстве, вероятно, устойчиво связывается с представлением о близком родстве, зафиксированы случаи, когда термин *doğmuş* применяется к супругу. Таким образом, в противопоставлении *tuğan—doğmuş* первый член не маркирован, а второй маркирован как указывающий на кровное/тесное родство. При описании отношений свойства *tuğan* может быть противопоставлен термину *quda* в расширительном употреблении последнего ('свойственник'). Оппозиция *tuğan—quda* функционально аналогична оппозиции *tuğan—doğmuş*: различительным признаком в обоих случаях является степень родства/свойства.

Сравнение терминологии родства КРЧ с терминологией родственных, в том числе ареально близких, тюркских языков [1] позволяет сделать следующие наблюдения:

1. Обращает на себя внимание наличие в КРЧ отдельных терминов для предков женского пола по мужской и женской линии (соотв. в +2: *rkapa—babu*, в +3: *qart-babu—büjuk ana*). Такое противопоставление терминов, пусть в некоторой степени стертое за счет использования дублирующих терминов, отличает данную терминологию родства от турецкой, где предки женского пола в +2 поколении обозначаются одним термином *büyük-anne*, в +3 — *kart-ana*. В прочих рассмотренных терминосистемах прослеживается различие предков (причем обоего пола) по мужской и женской линии в +2 поколении. Следует также отметить наличие в КРЧ отдельных терминов для обозначения сестер отца и матери (соотв. *araj—peşe*). Аналогичные противопоставления наблюдаются в среднем и южнобережном КРТ и в турецком, однако отсутствуют в степном КРТ и в ногайском. Во всех рассмотренных терминосистемах, кроме ногайской, отсутствует различие потомков в —2 поколении по полу.

2. В системе терминов родства КРЧ различаются сиблинги старше и младше Эго (соотв. для муж./жен. *aqaj/araj* и *qardaş/(qız-) qardaş*), причем термин для старшего брата совпадает с термином для дяди по обеим линиям, а термин для старшей сестры — с термином для тетки по отцу. В первом нисходящем поколении имеются специальные термины для сына-первенца и младшего ребенка любого пола (подробнее об этих терминах см. п. 3). В других рассмотренных нами терминосистемах указанное противопоставление имеет место для первого восходящего поколения и поколения Эго; особый термин для младшего ребенка, совпадающий с термином КРЧ, имеется в турецком и среднем/южнобережном КРТ. В терминологии свойства КРЧ наблюдается противопоставление супругов сиблингов старше и младше Эго, а также аналогичное противопоставление сиблингов старше—младше супруга Эго (для Эго обоего пола), соотв. *peşe—kel'in*, *zıpaqaj—kuju*, *aqaj—qardaş*, *araj—arpe/ahke*. Существует ли противопоставление названных свойственников в зависимости от того, старше они Эго или младше, неизвестно (информанты затрудняются ответить на соответствующие вопросы). Однако противопоставление такого рода зафиксировано для терминов, обозначающих жену брата отца: в том случае, если она старше Эго, используется термин *peşe* (и как вокативный и как референтивный),

если младше — *keł'in*. Показанные противопоставления прослеживаются во всех рассмотренных терминологиях, но в степном КРТ и ногайском они подверглись меньшей редукции.

3. С существенностью для терминологии родства КРЧ признака «близкое родство/свойство» согласуется, на наш взгляд, неразработанность терминов для непрямых сиблингов в 0, -1 и -2 поколениях (для понятий «кузен», «племянник» имеются только описательные термины, построенные по притяжательной модели). Аналогично устроены турецкая и КРТ (средний и южнобережный диалекты) терминосистемы; в степном КРТ и ногайском имеются специальные термины для непрямых сиблингов в горизонтальном поколении.

4. Термины родства и свойства КРЧ в первом и втором восходящем поколениях совпадают вплоть до рассмотренного выше противопоставления *rkaπα—bav*. Основная терминология свойства в нулевом поколении (ближайшие родственники супруга) близка к терминологии родства, с тем отличием, что для младшей сестры жены имеется особый термин *apte/ahke*, этимологически связанный с характерным для кыпчакского ареала термином *apte* (ср. ног. *apte* 'старшая сестра Эго', КРТ степ. *apte* 'старшая сестра Эго; жена старшего брата Эго').

Анализ терминологии родства свидетельствует о преобладании огузских элементов в КРЧ (так же, как в южнобережном и среднем КРТ), в то время как терминология степного КРТ сближается с кыпчакской, например, с ногайской (аналогичные заключения о генетическом и ареальном соотношении названных языков, полученные на ином материале, имеются в: Изидинова 1983: 89; Doerfer 1959: 369—373; Lazzerini 1985: 110—112).

3. *Некоторые термины родства КРЧ*: внутриязыковой комментарий:

1. Для традиционного использования терминов КРЧ характерно неупотребление слов *qoza* (как вокативного и как референтивного термина) и *aqaj* (только как референтивного термина, в значении «старший брат»), с заменой их соответственно описательными терминами «отец моего сына, отец X—а» (где X—личное имя ребенка) и «сын моего отца»;

2. Обращает на себя внимание многозначность терминов *kuji* и *keł'in* (любопытно, что термины симметричны в своей многозначности). Вероятно, эту полисемию можно объяснить общим значением «родственник, приобретаемый через связи по браку»;

3. В КРЧ имеется специальный термин для первенца — *bohog*, восходит к др.-евр. *bəkoḡ* 'первородный (о людях и животных)'; можно предполагать позднейшую контаминацию с турецким, средним и южнобережным КРТ *baḡar* '1) весна; 2) молодость, пора молодости'. Наличие термина отражает одну из религиозных традиций крымчаков — обряд *bohog satmaḡ* ('продажа первенца'). Аналогичный обряд, др.-евр. *pidjon haben*, известен и у других субэтнических групп евреев. Обряд связан с заповедью посвящать первенца богу.

Термину *bohog* у крымчаков придавалось большое значение, он употреблялся при обращении к первенцу (не только родителями) столь интенсивно, что в некоторых случаях воспринимался как имя собственное (этому могла способствовать неясность этимологии термина основной массе крымчаков, не владевших древнееврейским языком, а также известная чужеродность термина внутри чисто тюркской по происхождению терминологии родства). Иногда *Boxor* регистрировалось как единственное личное имя или как компонент двойного имени (напри-

мер, *Бохор-Шолом*) в официальных документах. С утратой религии термин стал выходить из употребления.

4. Параллельно с термином для первенца имеется термин для младшего ребенка в семье — *geŋze* (общетюрк. «последыш»); другое значение этого термина — «мизинец»; ср. совмещение названных значений в др.-евр. *qīp* (соотв. *qaṭop* и *qoṭan*) и в идиш, ср. *miziniql*; для тюркских языков такое совмещение в целом, вероятно, типологически частое, относительно менее характерно.

5. В рамках терминологии родства КРЧ прослеживается взаимодействие вокативных и референтивных терминов. В частности, этимологически вокативные *aqaj* и *araj* и сложные термины с этими компонентами внедряются в референтивную терминологию. Одновременно эти же термины используются как вокативные, причем как самостоятельные вокативы и как гонорифические постфиксы при именах старших/занимающих более высокое положение лиц, ср.: *Avgam-nisim-aqaj* 'Дядя/господин Аврам-Нисим', *Ster-araj* 'Тетя/госпожа Эсфирь'. В последнем употреблении *-aqaj/-araj* сохраняются у крымчаков и в русской речевой практике: подобное обращение к пожилым людям явно предпочтительнее названия по имени-отчеству.

6. Ряд терминов родства восходит к уменьшительно-ласкательным наименованиям, вероятно, исходно-вокативным, — например, *axtixe* (**axtix-ke*). Можно предположить аналогичное развитие для термина *ahke* (впрочем, здесь нельзя исключить и его происхождение из **araj-ke* 'тетюшка—госпожа', ср. аналогичную структуру в *zīnaqaj*).

7. Ряд терминов родства и свойства образован метатезой компонентов или слогов, ср. *bij(-)ağa* < **ağa-bij* (тур. *ağabeu*, южнобереж. КРТ *ağabi(j)*); *peŋce* < **eŋce* (с ассимиляцией билабиального), ср. тур. *aŋça*, КРТ сред. *eŋze* 'младшая сестра отца', КРТ южнобереж. *eŋce/eŋce* 'младшая сестра отца; жена дяди по отцу', тур. диалект. *eŋze* 'брат/сестра' (дополнительная поддержка для формы *peŋce* могла исходить от тур. *peŋce* 'аŋça ve daui karisi').

8. Обращает на себя внимание множественность крымчакских терминов для третьего восходящего поколения, в особенности для прабабок. Можно предположить, что исходно для обозначения прабабки по женской и мужской линиям имелись только специфические термины. Затем это противопоставление начало утрачивать свое значение, в результате чего термин *qart-apa* стал употребляться недифференцированно, применительно ко всем предкам женского пола в третьем восходящем поколении. Термин *qart-babu*, по-видимому, сохранил свое исходное значение. Наряду с терминами с компонентом *qart-* 'старый', в КРЧ — как и в среднем КРТ — употребляются альтернативные термины на *biŋik-*, которые в большинстве других тюркских языков служат для обозначения родственников во втором восходящем поколении.

4. Словник референтивных терминов родства и свойства КРЧ.

Термины родства, свойства и некоторые близкие термины приводятся в алфавитном порядке. Помимо толкования, даются закодированные значения с использованием следующих символов: д — дитя, р — родитель, м — муж., ж — жен., с — супруг, Э — Эго. При наличии оппозиции «старший — младший» **черной буквой** помечается старший член противопоставления, *курсивом* — младший. В цепочке из двух символов левый элемент — принадлежность, правый — посессор. Подробнее об используемом коде см.: Левин 1970; Членов 1977.

ahke — вариант *arte* (см.)

apa — мать (РжЭ)

araj — тетка по отцу; старшая сестра; старшая сестра жены; старшая

- сестра мужа (ДжРРмЭ; Дж РЭ; ДжРСЭ)
 arte — младшая сестра жены (ДжРСЭм)
 aqaj — дядя по отцу; дядя по матери; старший брат; старший брат мужа (ДмРРЭ, ДмРЭ; ДмРСЭж)
 ata — отец (РмЭ)
 ata-ana — родители (собират.)
 ata-babu — деды и бабки; прадеды и прабабки; предки (собират.)
 axtxe — внук, внучка (ДДЭ)
 babu — бабка по отцу (РжРмЭ) (по-видимому, из славян., ср. гагауз., тур. диалект. babu 'старуха, бабушка')
 bala — ребенок, отпрыск (ДЭ)
 bala-şağa — дети, потомки; младшие; домочадцы (собират.)
 bažanax/bažepax — мужчины, женатые на сестрах; младший брат жены (ДмРСЭм)
 bebe — грудной ребенок, новорожденный
 bij(-)ağa — братья мужа (обобщ. термин)
 bohor — сын-первенец
 bujuk-ağa — старший брат (ДмРЭ)
 bujuk-ana — бабка; прабабка (РжРЭ; РжРРЭ)
 bujuk-ata — дед; прадед (РмРЭ; РмРРЭ)
 dogmuş — кровный/близкий родственник
 egiz/ekiz — близнецы
 emçek-ana — молочная мать
 emçek-arağ — кормилица; молочная мать [2]
 fax-axtxe — правнук, правнучка (ДДЭ) (букв. «малый внук», ср. сред. КРТ jufağ-torup с той же структурой значения; fax < *jufağ)
 genže — младший ребенок (любого пола)
 kel'in — невеста; жена дяди по отцу (младше Эго); жена дяди по матери; жена брата жены; жена брата мужа; жена младшего брата; младшая сестра мужа; невестка (СДмРРмЭ; СДмРРжЭ; СДмРСЭ; СДмРЭ; ДжРСЭж; СДмЭ)
 kel'indeş — женщины, замужние за братьями; младшая сестра мужа (ДжРСЭж)
 kuju — жених; муж тетки по обеим линиям; муж младшей сестры; зять (СДжРРЭ; СДжРЭ; СДжЭ)
 peşe — тетка по матери; жена старшего брата; жена дяди по отцу (старше Эго, ср. kel'in) (ДжРРжЭ; СДмРЭ; СДмРРмЭ)
 oği-ana — мачеха (СРмЭ); приемная мать
 oği-ata — отчим (СРжЭ); приемный отец
 oği-bala — пасынок, падчерица (ДСЭ); приемный ребенок [3]
 oği-oğlu — пасынок (ДмСЭ); приемный сын
 oği-qiz — падчерица (ДжСЭ); приемная дочь
 oğlu — сын (ДмЭ) (форма с суффиксом принадлежности, т. е. «его-сын», -u > *i под влиянием корневого лабиализованного гласного)
 pkaпa — бабка по матери; бабка жены по матери (РжРжЭ; РжРжСЭм) (pkaпa < *pek-ana, где pek — интенсифицирующая частица; по семантической структуре термин аналогичен распространенным тюркским наименованиям для второго-третьего восходящего поколения с компонентом bujuk- 'большой')
 pkata — дед по отцу; дед по матери; дед жены по обеим линиям (РмРЭ; РмРСЭм) (pkata < *pek-ata)
 qajη-ağa — братья жены (обобщ. термин) (qajη-ağa < *qajin-in ağa-si, где qajin — общее наименование для ближайших родственников супруга любого пола)
 qajη-ana — свекровь; теща (РжСЭ)

- qajη-ata — свекор; тесть (РмСЭ)
 qardaş — младший брат (у некоторых носителей — брат); сестра (в этом значении также qız-qardaş); младший брат жены; младший брат мужа (ДРЭ; ДмР СЭ)
 qarı-ana — бабушка по женской линии одного из родителей (РжРжРЭ) (букв. «старая мать»)
 qart-ata — прадед (РмРРЭ)
 qart-babu — бабушка по мужской линии одного из родителей (РжРмРЭ)
 qız — дочь (ДжЭ)
 qoşa — муж (СЭж)
 quda — сват, сватья (РСДЭ); свойственник, являющийся близким родственником супруга
 şeker — сестры жены (обобщ. термин)
 tuğan — родственник, свойственник
 tul — вдовец, вдова
 tul adam — вдовец
 tul xatın — вдова
 xatın — жена (СЭм)
 zıpaqaj — муж старшей сестры (СДжРЭ) zıpaqaj < *ızın-aqaj 'хозяин-господин'.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Вайсенберг С. А.* Коганиты и левиты в истории и современности//Еврейская старина. Пг., 1918. Т. 10.
Дейнард Э. Маса Крым. [Варшава], 1878.
Изидинова С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымско-татарского языка в ареальном освещении//Вопросы восточного языкознания. М., 1983.
Кая И. С. Крымчаки//Еврейская старина. Спб., 1916. Т. 9.
Козинский И. Ш., Полинская М. С. Об одном случае контактного взаимовлияния родственных языков: крымско-татарский крымчакский, турецкий//Возникновение и функционирование контактных языков. М.: Наука, 1987.
Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет//География и культура этнографических групп татар в СССР. М.: МФГО, 1983.
Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства//Сов. этнография. 1970. № 4
Самойлович А. Н. Названия дней недели у турецких народов//Яфетический сборник. Л.; М., 1924. Т. 2.
Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании//Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1.
Филоненко В. И. Крымчакские этюды//Rocznik orientalistyczny. 1972. Т. 35. Z. 1.
Чернин В. Ю. О появлении этнонима «крымчак» и понятия «крымчакский язык»//География и культура этнографических групп татар в СССР. М.: МФГО, 1983.
Он же. Крымчакское произношение иврита//Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М.: Наука, 1988.
Членов М. А. Опыт исследования малайской системы родства//Малайско-индонезийские исследования. М.: Наука, 1977.
Doerfer G. Das Krimtatarische//Philologiae Turcicae fundamenta. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. Т. 1.
Lazzerini E. Grimean Tatar: the fate of a severed tongue//I. Kreindler (ed.). Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985.
Moskowitch W. A., Tukan W. Du parler des juifs Krimtchaks//Massorot. 1986. V. 2.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Данные по трем диалектам КРТ получены от информантов, данные для турецкого получены от информанта и дополнены по словарю, ногайский материал получен по словарю и проверен с информантом; надежных данных для КАР получить не уда-

лось. В записи турецких терминов родства авторы следуют нормативной турецкой орфографии.

² По-видимому, етбек-апа указывает на отношение между лицами, а етбек-арај, по крайней мере в исходном значении, — на занятие.

³ Традиционно у крымчаков введение в семью приемного ребенка-сироты (как правило, крымчака или ашкеназа) одобрялось и было широко распространено. По свидетельству информантов, носители среднего КРТ, составлявшие основное этническое окружение крымчаков, старались избегать введения в семью приемных детей-сирот, считая, что на них лежит «печать несчастья». Соответственно в среднем КРТ имелся особый термин для обозначения приемного ребенка, evlet bala '[введенный в] дом ребенок'; термины для пасынка и падчерицы совпадали с крымчакскими.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Х. КОРОГЛЫ

К ТЮРКСКО-ВЕНГЕРСКИМ ФОЛЬКЛОРНЫМ СВЯЗЯМ

Историко-культурную близость народов обнаруживает, прежде всего, их устно-поэтическое творчество. Тюркские и финно-угорские народы тысячелетиями жили рядом, обменивались духовными богатствами, в том числе фольклором. Этим объясняется поразительное сходство, а иногда и детальное совпадение созданных ими мифов, легенд и преданий.

На Втором Международном конгрессе тюркологов в 1981 г. в турецком городе Бурсе венгерский фольклорист Вильмос Войгт справедливо сетовал на отсутствие фундаментальных трудов, затрагивающих проблемы фольклорных связей между тюрками и венграми [1. С. 31]. Историко-культурные и этнографические контакты венгров-мадьяров-маджаров с древними тюрками достаточно изучены [2—4; 5. С. 83—101], поэтому в данной статье рассматриваются конкретные мифо-фольклорные связи, существовавшие между этими народами, на материале опубликованных текстов.

Наибольший интерес для исследования представляют мифы, легенды, предания древних тюрков и финно-угорских народов Сибири, Урала, Поволжья, Северного Кавказа. Некоторые из них, письменно зафиксированные еще в эпоху средневековья, продолжают бытовать и в наши дни, в особенности в Сибири. Здесь речь пойдет лишь о двух мифологических мотивах, отражающих контактно-генетические связи между древними мадьярами и тюрками гуннского происхождения.

1. Мифы об оленях-проводнице. Олень—один из наиболее распространенных фольклорных персонажей, выступающих помощниками человека в устной традиции тюркских и финно-угорских народов. В этой функции чаще наблюдается олень-самка (олениха).

Гуннская версия мифа об оленях. Гунны имели генетическую связь как с тюрко-монгольскими, так и с венгерскими народами, поэтому, очевидно, зафиксированный у них миф имеет параллель у всех этих этносов. Византийский историк VI в. Иордан приводит любопытный миф гуннов Запада. Древние гуннские охотники, говорит автор, преследуя дичь, дошли до болот Маеотиса (Азовское море). Вдруг заметили олениху, которая стала указывать им дорогу в болотистые топи. Она то шла, то стояла, следя за передвижением охотников, и, наконец, вывела их на сухой берег, о существовании которого они даже не подозревали, ибо считали эти болота непроходимыми. Противоположная сторона болот была местом обитания скифов. Как только гунны вступили на их земли, олениха исчезла [6. С. 11].

Эта легенда во многих деталях сохранилась у поздних огузов, в частности в сказании об их праотце Огуз-кагане, с той только разницей, что войску Огуз-кагана вместо оленихи указывал путь серогривый волк (тотемное животное у тюрко-монголов). Это не удивительно, так как огузы не только имели генетическое родство с гуннами, но и повторяли их миграционный путь с востока на запад.

Миф гуннов в незначительно трансформированном виде сохранили их потомки кутургури и утургури. Первые занимали территорию между Тиссой и Дунаем, вторые — от места впадения Дона в Азовское море до Боспора Киммерийского. Их миф этиологичен: у киммерийского короля было два сына — Кутургур и Утургур. Однажды они выехали на охоту и встретили олениху. Гонясь за ней, они достигли берега моря. Вплавь они пересекли море, но, когда вышли на берег, олениха внезапно исчезла. На новых землях впоследствии расселились потомки двух братьев [6. С. 11].

Венгерская версия мифа об оленихе. Сюжет об оленихе-проводнице был распространен и среди венгров [мадьаров]. Однажды охотники отправились за добычей на болота Маеотиса. По пути им встретилась олениха, которую они стали преследовать, но вдруг она исчезла, и поиски оказались безуспешными. Охотники решили вернуться домой, но заблудились и остались в болотах, где жили пять лет. На шестой год они встретили женщин и детей, которые оказались членами семьи принца Белара (очевидно, имеются в виду булгары, потомки гуннов). Все мужчины в этой семье были убиты. Охотники привели встреченных в свое жилище. Среди женщин оказались две дочери аланского принца Дула, и двое охотников Нипог и Магог женились на них. Так возник мадьярский род [6. С. 11].

Как видно, венгерский миф в начальной своей части весьма близок к гуннскому. Совпадает и финал обеих версий. В самом деле, аланы венгерского мифа — это скифы, о которых говорится в гуннском мифе. В обеих версиях действие происходит на берегу Маеотиса. Мотив болот в венгерской версии также имеет параллель в этимологическом мифе древних тюрков: враги истребили всех, остался в живых один девятилетний мальчик, которого бросили в болото. От него и волчицы пошел род [7. С. 23]. Мотив болота как места обитания восходит к исторической реалии. А. Н. Бернштам, говоря о союзе гунно-аварских племен с остатками кушанского союза в Средней Азии, заключает: «Естественно, что в коалиции имели место и новые явления в социально-экономическом строе — большая, например, оседлость, связанная с распадением древних форм кочевого быта. В этом свете следует отметить плодотворную гипотезу С. П. Толстова о том, что в серии „болотных городищ“ нижней Сырдарьи и Приаралья имеются гунно-эфталитские поселения, впоследствии города гузов» [8. С. 191]. Эта археологическая находка в какой-то степени дает право объяснить сохранившиеся мотивы «жизельства на болотах» в мифах гуннов, тюрков и венгров.

В мотиве о семье Билара венгерский миф сохранил, очевидно, память о генетических связях мадьаров с другой ветвью гуннов — булгарами, в соседстве с которыми жили венгры до переселения на Запад. Однако в этом случае миф отмечает лишь контакты между булгарами и оногурами-мадьарами. Правоммерно заключить, на наш взгляд, что в мифе отразились «исторические» факты. Оногуры и мадьары на Северном Кавказе, по-видимому, брали болгарских женщин в наложницы, и впоследствии образовался особый клан.

В отношении двух имен Нипог и Магог можно предположить, что первое означало мифического прародителя, а второе непосредственно

связано с мадьярами, которые в VIII в., живя в соседстве с ираноязычными аланами, в какой-то степени смешались с ними. Эта гипотеза подкрепляется этимологическим мифом венгров. Жил гигант по имени Menroth, у которого было несколько жен и много детей. Два его сына Нипог и Магог жили в Иране (Персии). Ростом и цветом кожи они были похожи на гуннов, но в речи их были различия.

Имеется еще один вариант этого мифа: бассейн реки был захвачен военачальником Mогout. После его смерти власть перешла к его потомку Menmogout. Так его называли венгры (мадьяры) потому, что у него было много жен. Страна, которой он правил, называлась Хазар [6. С. 10].

Первый миф трудно поддается толкованию. Сам образ гиганта, у которого был гарем, совершенно необычен даже в иранской мифологии, притом гигант здесь не отрицательный персонаж, демон, а глава рода. Уместно отметить, что в иранской мифологии дивы (гиганты) также имели семьи, причем дивы — это аборигены, земли которых впоследствии заняли пришельцы-арийцы. Большая часть Кавказа, где жили гунны и мадьяры, о которых говорится в венгерском мифе, в раннем средневековье входила в состав Ирана (в мифе — Персии). В иранской мифологии часто говорится о гуннах (хйяоны «Авесты», хиюн «Шах-наме» и др.) и столкновениях с ними иранцев. Большой интерес представляет имя Menmogout в венгерской легенде. В иранском мифе о саках (скифах) и сакских богатырях див по имени Menheras возглавляет борьбу против Рустама. Тот факт, что в обеих версиях (иранской и венгерской) действие происходит в Иране, явно свидетельствует об их взаимосвязанности.

Второй венгерский миф более четко определяет «происхождение» тюрко-хазаров. Специалисты по истории Венгрии [6] слово Menmogout выводят из тотемного значения. Так, первый слог «men» — «жеребец», последний слог «gout» означает «принц» — по-венгерски «иг», по-остяцки (по-хантыйски «urt»), но в самом мифе нет прямого указания на происхождение рода от жеребца.

Из сказанного следует, что венгерский миф об оленихе непосредственно восходит к гуннскому мифу. Это не означает, однако, что предки венгров и мадьяров заимствовали его, тем более если учесть генетическую общность, существующую между гуннами и протовенграми.

Олень считается тотемным животным у финно-угорских племен. У вогулов (манси) Сибири (наиболее близких генетически к венграм) сказочный герой Тунк Пах вечно парил над землей. В полнолуние он полнел и старел и, наоборот, в новолуние худел и молодел [9]. Однажды он заметил шестиногую олениху и стал догонять ее, но не смог поймать, а лишь перебил ей две ноги, и олениха осталась на четырех ногах. Гоняясь по небу за оленихой, Тунк Пах оставлял следы своими лыжами, вагулы (манси) называли их Млечным Путем. По этому пути начали летать дикие селезни — семь братьев. По представлениям вогулов, у бога Нуми Торема было семь сыновей, и поэтому некоторые считают, что семь селезней-братьев и есть семь сыновей бога [6. С. 5].

Как видно, в этом мифе образ оленихи и ее функция выражены нечетко. Думается, это свидетельство поздней деформации. Аналогичный характер носит еще один миф вогулов, также связанный с образом оленихи. Два брата-богатыря жили в лесу. Однажды они отправились на охоту и встретили олениху. Один из братьев, умевший летать, выстрелил в нее, но из-за этого не стал главой рода и остался на небе. Предводителем вогулов стал другой брат, живший на земле.

Третий миф вогулов об оленихе в какой-то степени сохранил перво-

начальное содержание, сильно деформированное в двух предыдущих мифах. Два брата жили в лесу. Один из них парил над землей, а другой умел только убивать и потому чувствовал себя одиноким. Однажды он поймал стога ветра и убил его, но без ветра нельзя было охотиться, и братья стали голодать. Одному из них приснился сон о том, что большой олень предупреждает олениху о скорой ее гибели от руки одного из братьев. Младший брат, который умел летать, поднялся в небо и на краю света, где сходились небо и земля, нашел олениху и убил ее. У нее было семеро детей. Считают, что олениха и есть вогульское верховное божество Нуми-Торема, имевшее семь сыновей.

Из мифа вогулов очевидно, что финно-угорские племена, в том числе протовенгры, до контактов с тюрками гуинского происхождения имели свои мифы об олене-тотеме. Аналогичный миф имели и гуинские племена. Олень и поныне является почитаемым животным у некоторых тюркских народов, например, у киргизов (см.: Ч. Айтматов. Белый пароход). Что касается протовенгров, то, войдя в контакт с гуннами, они не только смешались с ними, но и заимствовали некоторые мифотворческие мотивы, привнеся их в свои исконные верования и представления. В пользу этого положения говорит и еще один мотив фольклора двух этносов.

2. Мотив о чудесном зачатии широко представлен в мировом фольклорном процессе. Тюрко-монгольская его версия сильно переключается с венгерской. Рассмотрим их в сопоставительном плане.

Башкирская версия этого этиологического мифа имеет большое значение для нашей темы, поскольку в этногенезе башкир немалое место отводится финно-угорским племенам [2; 11; 3]. «В очень давние времена в некоем городе Макине у Белого моря (имеется в виду Аральское море) жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялик-Курклык. Отец спрятал ее от посторонних глаз в темнице, где она забеременела от солнечных лучей. Тогда рассерженный хан посадил ее в серебряную лодку, которая затерялась в Аральском море. Лодку увидели деды бурзян и тангауров и еще с берега поделили между собой добычу: лодка достанется бурзянскому батыру, а то, что в лодке, — тангаурскому. Выловив лодку, батыры увидели в ней ханскую дочь. Батыр тангауров женился на красавице, и от них пошло племя тангауров» [3. С. 126].

Аналогичный сюжет записал В. В. Радлов у киргизов. Этот миф связан с рождением Чингиза. У хана Алтын-Беля родилась дочка, прекрасная, как луна, прелестная, как солнце. Он приказал не показывать ее людям, запер ее в подземелье со старухой-прислужницей. Девочка выросла и однажды спросила старуху, куда она уходит. Та ответила ей, что есть белый свет, где живут ее отец и мать. Девушка попросила взять ее с собой, обещав старухе никому об этом не говорить. Но, когда она вышла на свет, она потеряла сознание и зачала. Хан приказал убить дочь, но ханша велела соорудить золотой ящик, посадила туда дочь и пустила в море. Дамгагул Сакур и Токтогул-Мерген (охотник) увидели плавающий в море ящик. Мерген привязал к стреле шелковую веревку, выстрелил в ящик и вытащил его на берег. Из ящика вышла девочка красивее полной луны. Мужчины упали в обморок, пораженные ее красотой. Токтогул-Мерген взял ее себе в жены, она родила сына, которого назвали Шингис [12. С. 13].

Монгольская версия этого мифа более сжата, но в основных сюжетных линиях повторяет две предыдущие: город Малта на Белом море, правитель Алтын-хан, ханша Карлавуч, необычайной красоты девочка Алмалык, каменный дворец, куда спрятали ее от солнца и

луны, а с ней рядом Орду-хан, ее дядя по матери. Девушка задает вопрос: «Есть ли другой мир, кроме этого дворца?». Ответ дяди: «Есть, там светят луна и солнце». Чудесное зачатие от солнечного луча. Лодка, куда посадили девушку и пустили в море [13. С. 107].

В этом мифе интересно имя девушки — Алмалык, созвучно с именем дочери константинопольского императора в венгерском мифе, где, как и в предыдущих, отец прячет от света на острове свою новорожденную дочь Аллемали (ср. Алмалык) и пятнадцать девушек. К острову запрещено приближаться под страхом смерти. Аллемали вырастает в одиночестве. Луч солнца проник к ней через окно, и она зачала (ср. с монгольской версией). Узнав об этом, отец посадил девушку и ее свиту на корабль (в монгольской и башкирской версиях лодка) и пустил в открытое море. Ветер направил корабль к берегам Кавказа, где жили мадьяры. Лишь отдельные дегали — названия Константинополь, император, а также необитаемый остров, свита — отличают эту версию от предыдущих. Вероятно, это связано с поздней модификацией. Основной сюжет остается неизменным, связан с восточными версиями, особенно с киргизской, и имеет продолжение. Молодой вождь мадьяров был на охоте (ср. с киргизскими охотниками), увидев судно, он пустил стрелу, к которой была привязана шелковая веревка (только у киргизов). Совпадают и дальнейшие события. Освобожденная Аллемали рождает сына Солнца (то же в монгольской версии), выходит замуж за мадьярского принца и рождает еще одного сына. Став взрослыми, молодые люди ненавидят друг друга, и после смерти отца между ними начинается раздор.

Эту версию приводит А. Н. Веселовский, считавший, что ее занес на Кавказ и связал с мадьярами тюркоязычный народ Кавказа — карачаевцы. На наш взгляд, более вероятно, что мадьяры, как и башкиры, киргизы, монголы, сохранили в памяти древнюю версию этого мифа, зафиксированную китайцами и переведенную впоследствии на русский язык Н. Я. Бичуриным (Иакинфом). Она называет его гуннским мифом. «У хуннского шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: „Можно ли мне таких дочерей выдавать за людей?“. Итак, на севере от столицы в необитаемом месте (ср. с необитаемым островом венгерской версии) построил высокий терем и, поместив там своих дочерей, сказал: „Молю небо принять их“. По прошествии трех лет мать пожелала взять их. Шаньюй сказал: „Невозможно, еще не пришло время“. Через год после сего один старый волк стал деном и ночью стеречь терем, производя вой, почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: „Наш отец поместил нас здесь, желая представить небу, а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование“. Она только хотела сойти к нему, как старшая сестра в чрезвычайном испуге сказала: „Это животное, не осрамляй родителей“. Меньшая сестра не послушала ее, сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них разумножилось, и составилось государство» [14. С. 241].

В этом мифе к лучу солнца прибавился еще волк, который как тотемное животное почитается тюрками и монголами. Культ волка был и у западных гуннов. Так, в «Эдде» рассказывается о том, как Атли (Атилла), чтобы убрать со своего пути зятя Гуннара (может быть, это связано с гуннами. Ср. тюрк. гунн+эр) и овладеть его богатством, пригласил его к себе. Жена Атли Гудрун почувствовала замысел своего мужа и, чтобы спасти брата, послала ему перстень, покрытый волчьей шерстью. Это должно было послужить сигналом об опасности. Дума-

ется, в данном случае «волчья шерсть» как аллегория могла попасть в сагу благодаря контакту европейцев с гуннами, тем более что в упомянутой саге есть еще один мотив, восходящий к центрально-азиатским реалиям, но позднее перенесенный на Запад. Еще Геродот отмечал, что скифы (впоследствии гунны) из черепа убитого врага пили кровь или вино. В исландской саге жена Атиллы, мстя мужу за убийство брата, убивает двух сыновей Атиллы и из их черепов пьет вино.

В этом сообщении нашли отражение лишь отдельные штрихи огромной и очень важной проблемы фольклорного наследия тюрков и венгров (в более широком плане—финно-угорских народов). Дальнейшее углубление исследований, думается, приведет к более ценным выводам о взаимосвязях фольклора и в целом—культуры этих народов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ II Milletlerarasi Türk Folklor Kongresi. Ankara, 1981.

² Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971.

³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

⁴ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины. М., 1960.

⁵ Короглы Х. Мифы, легенды и предания народов Сибири//Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986.

⁶ Réheim. Hungarian mythology. New York, 1954.

⁷ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

⁸ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.

⁹ Этот мотив имеется в финской сказке «Липпо и топпи» [10. С. 75 и след.].

¹⁰ Тренцини-Вальдапфель Имре. Мифология. М., 1959.

¹¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

¹² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893. Т. 3.

¹³ Усманов А. У. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972.

¹⁴ Бицурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1.

Дж. НАГИЕВ

ЮГОСЛАВСКОЕ ИЗДАНИЕ «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД»

Изучение истории, культуры и литературы древних тюрков, несмотря на многочисленные исследования в этой области, до сих пор нельзя считать исчерпывающим. Некоторые историографические и культурные вопросы и в настоящее время остаются спорными; для их разрешения требуются совместные усилия историков, археологов, этнографов, этимологов и филологов.

Одним из источников изучения истории, этнографии и культуры древних тюрков, в частности огузов, является богатое наследие «Огуз-наме». В последнее время в Азербайджане интерес к изучению неизданных источников этого памятника возрос [1; 2]. Появились труды, освещающие историю местного населения Азербайджана и охватывающие период создания и формирования уникального огузского памятника «Китаби Деде Коркуд» [3; 4].

Более полутора столетий огузский героический эпос известен мировой культурной общественности, и многие востоковеды-тюркологи постоянно обращаются к его изданию и всестороннему исследованию. В настоящее время коркудоведение располагает капитальными трудами как русских и советских, так и зарубежных ученых.

Особенно заметен сдвиг в области перевода «Китаби Деде Коркуд» на язык мира. Кроме уже имеющихся немецкого, английского, итальянского переводов, в последнее время появились переводы на некоторых славянских языках, в частности на чешском и сербско-хорватском.

Югославское издание «Китаби Деде Коркуд» [5] можно назвать очередным этапом изучения средневековой тюркской культуры в зарубежных славянских странах, которое способствует расширению азербайджанско-югославских литературных взаимосвязей. Это издание привлекает внимание прежде всего тем, что автор обширного предисловия и комментария к эпосу на основе имеющихся многочисленных исследовательских работ в этой области и сложившихся международных переводческих традиций подготовил относительно совершенный перевод произведения.

В предисловии к своему изданию [5. С. 5—25] Славолюб Джинджич пишет: «„Книга Деде Коркуда“ представляет культурное наследие трех современных тюркоязычных народов — туркмен, азербайджанцев и турков, в этногенезе которых приняли участие огузские племена» [5. С. 5].

Югославский исследователь придерживается в основном уже устоявшихся мнений в вопросе об истории древних огузов: «В IX веке огузы

из областей Алтайских гор и Байкальского озера направились на запад и остановились на берегах Сырдарьи и в начале X века основали собственную державу. Их край простирался от длинных берегов Сырдарьи до Каспийского моря и до степи Аральского озера на севере» [5. С. 5—6].

Однако до сих пор остается неразрешенным вопрос об этнической принадлежности коренного населения Азербайджана, о том, когда первые тюркоязычные племена поселились в этих землях и каковы их связи с огузами. С этой точки зрения нельзя согласиться с позицией З. М. Буниятова, который в одной из своих последних статей пишет: «Не отрицая существования в Азербайджане каких-то тюркоязычных племен, говорить о тюркизации Азербайджана можно только начиная с огузско-сельджукского вторжения с востока на запад и никак не раньше» [6. С. 126]. Многочисленные работы античных и современных историков подтверждают более раннее пребывание древних тюркских племен на территории Азербайджана.

По мнению известного советского востоковеда Х. Короглы, тюркоязычные племена на Кавказе появились еще в I в. н. э. На этой же территории с древних времен селились хазары и гунны, которые также относятся к тюркской этнической группе [7. С. 13—15].

Как и С. Джинджич, все исследователи, занимающиеся этим вопросом, согласны с тем, что тюрки-огузы в Азербайджане появились позднее. З. М. Буниятов также подтверждает, «что зенитом тюркского прорыва на запад, в мусульманские земли, является конец X века, а точнее — период создания государства Газневидов» [6. С. 126].

Как видно, он имеет в виду «тюркский прорыв» вообще, а не миграцию тюрков-огузов. У Х. Короглы эта мысль высказана более точно и ясно: «Огузские массы, прибывшие в Азербайджан в первые десятилетия XI века, столкнулись с довольно компактным тюркоязычным местным населением. Этническая близость пришельцев — огузов и кыпчаков к тюркам, главным образом гуннского происхождения, ставшим уже коренным населением Азербайджана, подтверждается многими фактами» [7. С. 126].

Развивая свою мысль, Х. Короглы приводит довольно интересную концепцию, существующую в тюркологической литературе, которая подтверждает этническое и генеалогическое родство древних гуннов и огузов. Работами Н. Я. Бичурина, А. Н. Бернштама, Х. Короглы устанавливается тождество легендарного Огуз-кагана с одним из первых предводителей гуннов Модэ, жившим в III в. до н. э.: «...в исторической литературе и в эпосе немало сказано о тождестве образов Огуз-хана (Огуз-кагана) и Модэ-Шань-юя гуннов» [7. С. 15, 44, 45, 62, 78, 79].

Особую ценность в данном вопросе имеет высказывание А. Н. Бернштама, приведенное Р. М. Шукюровой в вводной статье к «Огуз-наме». Р. М. Шукюрова пишет: «Еще А. Н. Бернштам зафиксировал в „Огуз-наме“ пять эпох исторического процесса на Востоке: формирование патриархальных отношений; формирование классовых отношений; гуннская эпоха; тождество с Модэ; тюркская эпоха VI—VIII вв. и печенего-половецкая эпоха IX—XII вв.» [2. С. 8—9].

В предисловии к югославскому изданию «Китаби Деде Коркуд» рассматривается и более поздний период истории создания и формирования огузского государства на Переднем и Ближнем Востоке. Проследив бурные исторические события на протяжении нескольких веков, югославский исследователь пишет: «Сельджукский султанат пал с наездом монголов (1225—1258). После падения монгольского государства в Средней Азии кочевые огузские племена поселились на территории Южного Кавказа и Малой Азии, создали в начале XIV века туркменский

союз под названием Ак-коюнлу (Белый баран) и Кара-коюнлу (Черный баран)» [5. С. 6—7].

Утверждая огузское происхождение населения этого государства, С. Джинджич определяет и границы исторических событий, которые происходили в те времена и часть которых описывается в «Китаби Деде Коркуд»: «Государство Белого барана (Ак-коюнлу) достигло вершины своей мощи в середине XV века, во время Узун Хасана из династии Баюндур, когда в его границы вошли Южный Азербайджан, Армения, Восточная Анатолия, Диярбекир, Месопотамия и Северо-Западный Иран. Даже столица была перенесена в Тебриз (1468—1501)» [5. С. 7].

Формирование единого азербайджанского государства и утверждение государственного языка, развитие и процветание национальной культуры и литературы относятся именно к периоду правления Ак-коюнлу. По словам С. Джинджича, «в начале XVI века держава Белого барана потерпела поражение от тогда более мощного объединения османских турков и иранских Сефевидов. Елвенду, внуку Узун Хасана, нанесли поражение Шах Исмаил в 1502 году, и к 1508 году вся территория Белого барана перешла в руки Сефевидов» [5. С. 7].

В предисловии к югославскому изданию рассматривается и вопрос о племенной структуре древних огузов, который имеет важное значение не только для полного осмысления огузского эпоса, но и истории древних тюрков. Дело в том, что в «Огуз-наме» вообще и в «Китаби Деде Коркуд» в частности содержится ценная информация о первых племенах древних тюрков. С. Джинджич пишет: «Огузы по традиции делятся на 24 племени, из которых двенадцать составляют левое, двенадцать — правое крыло (внутренние и внешние огузы). Цифра 24 племени упоминается и в „Книге Деде Коркуда“» [5. С. 7]. Специально не углубляясь во многие тонкости данного вопроса, он выделил именно те огузские племена, которые являются основными в «Китаби Деде Коркуд». Отмечая их место и значение в истории огузского государства и в настоящих эпических сказаниях, он считает, что «более известные огузские племена как раз те, которые упоминаются в „Книге...“. Это прежде всего племя Кайы, на основе которого создавалось Османское государство в Малой Азии. Племя баюндур также сыграло значительную роль в государственной организации огузов; оно образовало сильную династию Белого барана, а в эпосе Баюндур является ханом всех огузских земель» [5. С. 7].

Здесь же исследователь указывает, что многие герои эпоса — выходцы именно из этих племен. Связь некоторых героев огузского эпоса с историческими личностями, происходившими из этих племен, неоднократно подтверждалась многими источниками и исследователями. С. Джинджич подчеркивает и происхождение главного героя — озана Деде Коркуда, который, судя по огуз-наме, вышел из племени баят.

Довольно интересна также мысль о роли племени баят в развитии истории и литературы Азербайджана: «Из этого (баят.—Дж. Н.) племени вышел известный поэт XVI века Физули, одно из значительнейших имен средневековой тюркской диванной поэзии» [5. С. 7].

Проследившая историю развития тюркоязычной литературы, С. Джинджич уделит внимание и некоторым вопросам поэтики и эстетики эпоса. Вслед за такими ценнейшими памятниками древнетюркской литературы, как «Дивани лугат ат-тюрк» М. Кашгари, «Благодатное знание» Ю. Баласагуни, следующим этапом развития тюркского литературного процесса является формирование «Огуз-наме», в частности эпического сказания «Китаби Деде Коркуд». Рассматривая этот вопрос, югославский исследователь пишет: «Разнообразные формы эпической

поэзии, которые оживляли легендарные и исторические предания из жизни огузских племен, объединены у огузских тюрков под общим названием „Огуз-наме“» [5. С. 8].

В истории изучения коркудоведения существуют некоторые вопросы, связанные с типом творчества и временем создания «Китаби Деде Коркуд». Большинство исследователей согласны с тем, что это произведение написано в традиционной тюркоязычной дастанной форме и, следовательно, представляет собой сочетание прозаической и поэтической форм. В. М. Жирмунский об этом писал следующее: «По-видимому, огузские „былины“ представляли в устном исполнении довольно обычное в эпической поэзии тюркоязычных народов чередование прозаического рассказа, исполняемого речитативом, со стихотворными вставками песенного характера, сопровождаемыми музыкальным аккомпанементом» [8. С. 615].

Тем не менее следует отметить, что и прозаические и поэтические части эпоса по своей структуре, стилю и художественной форме отличаются от традиционных типов тюркоязычного эпоса. Несмотря на некоторые попытки определить слоговую систему «поэтических вставок» эпоса, стихотворная форма здесь, как и повествовательная, отличается ритмикой и своеобразной интонацией, свободным характером размера. Именно по этой причине до настоящего времени отсутствует единый, цельный вариант издания эпоса. Многие части, напечатанные в одном издании в поэтической форме, в другом даны в прозаической, и наоборот.

По этому поводу у югославского исследователя имеется свое мнение. В предисловии он пишет: «Главы (песни) „Книги...“ оторваны от большого стихотворного эпоса и составлены из его частей» [5. С. 23]. Но тем не менее он тоже склонен к тому, что стиль существующего текста эпоса создан сочетанием поэтической и эстетической форм: «В рассматриваемой форме главы (песни) „Деде Коркуда“ находятся между эпосом и народной притчей. Одна из композиционных специфик произведений — это инкорпорация стихотворных частей в прозаический текст, характерный для так называемого дастанского эпоса потомков огузов — туркменов, турков и азербайджанцев» [5. С. 23].

В истории коркудоведения неразрешенным остается и вопрос о точном времени создания эпоса. Большинство исследователей полагает, что «Китаби Деде Коркуд» начал слагаться как цельное произведение после XI в. и процесс этот продолжался до XV в. Многие тюркологи согласны и с тем, что значительная часть сюжетов, мотивов, мифических образов, описываемых в эпосе, своими корнями уходит в более древние времена. Этот вопрос получил свое отражение и в работе югославского исследователя.

Соответственно в связи с вопросом о времени создания эпоса возникает и другой немаловажный вопрос — о месте его создания. С. Джинджич, как и многие коркудоведы, дает однозначный ответ на вопрос о времени записи существующих рукописей и о территории его создания: «Большинство тюркологов между тем согласны с мыслью, что эпос записан во второй половине XVI века на территории Азербайджана» [5. С. 9].

Определенное место в предисловии уделено идейному содержанию, сюжету, характеристике главных героев эпоса. На основании фактического материала анализируются быт, психология и мировоззрение древних огузов, их обычаи и обряды, религиозные представления, которые создавали свою особую модель мира.

По-прежнему требует более тщательного рассмотрения вопрос о поэтике эпоса. Этот вопрос может быть решен только после точного прочтения текста. Пока наиболее подробным остается издание О. Ш. Гекаяя, в котором одновременно использованы оба существующих варианта. Тем не менее и в нем имеются некоторые неточности в прочтении отдельных слов и предложений. Иногда пропущены даже целые предложения.

Существующее азербайджанское издание совершенно не отвечает тому уровню, который необходим для разностороннего изучения такого эпоса, как «Китаби Деде Коркуд».

Югославское издание «Китаби Деде Коркуд» заставляет еще раз вернуться к изучению некоторых вопросов эпоса.

Сравнительно-аналитический анализ югославского, азербайджанского [9], турецкого и русского изданий и сверка их с самим текстом позволяет внести ясность в некоторые вопросы, которые до сих пор остаются спорными. В турецком и азербайджанском изданиях наблюдаются многочисленные разночтения текста, которые, в свою очередь, расходятся с русским и сербско-хорватским переводами. Мы ограничимся лишь некоторыми из них, более характерными, которые выявились при сравнении названных текстов.

А з е р б.: Сәрп жүрүркән газылыг ата намәрд јикит минә билмәз, мининчә минмәсә jej [10. С. 12].

О. Ş. G.: Sarp yürürken kazılık ata namerd yigit binebilmez, binince binmese yeg [12. С. 2].

Серб.: Rotavom džigitu koji na kazilik-konju ne zna da jezdi no teškim putevima, bolje je da ne seda na konja [5. С. 28].

Р у с.: На трудных путях не умеющему ездить на кавказском коне негодному джигиту лучше на коня не садиться [13. С. 10].

Текст: مغرب يوررکن قاضلق انا نامرد يکت
[14. С. 4 (4⁴⁻⁵)]. بنه بيلمز بننجه بنحسه يك

В переводе этого предложения на сербский и русский языки допущены некоторые ошибки. Выражение «*مغرب يوررکن*» «сәрп жүрүркән» ('при шибкой езде') в сербском варианте дано как «*po teškim putevima*» — 'на трудных путях', как и в русском варианте.

В комментарии к русскому изданию, составленному Г. Араслы и М. Г. Тахмасибом, об этом предложении говорится следующее: «В тексте: *بنه بيلمز بننجه بنحسه يك*

مغرب يوررکن قاضلق انا نامرد يکت

Тут слово «*نامرد*» («намәрд») переведено как «негодный», тогда как «*نامرد*» означает «ненадежный», «неблагочестивый», «недостойный».

Перевод: При шибкой езде неблагочестивый джигит не может садиться на коня казылыг. Чем садиться на него, лучше бы не садиться ему на него» [13. С. 160].

Прежде всего, следует отметить, что слово «*يکت*» «јикит» в тексте комментария напечатано неверно — как «*يکت*». Здесь второй буквы «и» в оригинале нет. В комментарии также не говорится о переводе выражения «*سرب يوررکن*» — «сәрп жүрүркән», который у Бартольда переведен как «на трудных путях», а в комментарии — как «при шибкой езде». Слово «*سرب*» («сәрп») имеется и в древнетюркском языке:

«Sagr — трудный, нелегкий» [16. С. 489]. А слово «نامرد» («намэрд») имеется в современных тюркских языках (азербайджанском, турецком): «Nameert — 1. бесчеловечный, низкий, подлый, трусливый; 2. подлец» [17. С. 670]. В комментарии эти значения не указаны.

Выражение «قاسملىق اتا» — «газылыг ата» в сербском варианте дано как «па kazilik-kopju» («на коне казылыг»). С. Джинджич в комментарии к своему изданию, основываясь на издании О. Ш. Гекая, пишет об этом этнониме: «Казылык конь, вероятно, — порода коня, которая происходит с горы Казылык, которую Гекай идентифицирует с маленькими горами между Ташкентом и Сайрамом» [12]. Казалык в книге встречается и как имя собственное (VII песнь) [12. С. 189].

В русском издании акад. В. В. Бартольд топоним «Казылык» перевел как «Кавказский».

О. Ш. Гекай комментирует это выражение следующим образом: «Казылык конь, порода коня, которая обитает на горе Казылык, быстрая, сильная порода коня» [12. С. 243]. Далее, определяя топоним Казылык, он пишет: «Гора Казылык — маленькая гора между Ташкентом и Сайрамом» [12. С. 336].

В комментарии к русскому изданию, несмотря на то, что этот топоним сохранен, объяснений различия с переводом тем не менее нет. Это предложение можно перевести так: «При нелегкой (трудной) езде подлый (трусливый) джигит не может ездить на Казылык коне, если он сядет на него, лучше бы он не сидел».

Азерб.: Ат ајағы көлүк, озан дили чевик олур [10. С. 18].

О. Ш. Г.: At ayağı külük, ozan dili çevik olur [12. С. 6].

Серб.: Noga konja brza je kao vetar, a jezik pevaca je hitar [5. С. 33].

Рус.: Нога коня хрома, язык певца проворен [13. С. 17].

Текст: [14. С. 9 (15⁶)]. ات اباغى كولاك اوزان دلى چوك اولور

Эта пословица (паремия) на сербский язык переведена неточно. Смысловым значением ее заинтересовался В. В. Бартольд, и вполне естественно, анализируя значение слова «كولاك» («көлүк»), в сноске своего перевода указал: «Поговорка, соответствующая нашей: „Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается“. Ср. в словаре Радлова [11. С. 1467] глагол „кюлемек“ в значении „семенить ногами“ (об уставшей лошади). Если здесь предполагать слово „кюлек“ — „буря“ [Jbid—1468] и переводить „нога коня (быстра), как буря“, то исчезает антитеза» [13. С. 17].

Настоящая паремия на самом деле построена на антитезе, а что касается расшифровки слова «كولاك» («көлүк»), то здесь допущена неточность. Это слово В. В. Бартольд перевел как «хрома» от глагола «кюлемек». О. Ш. Гекай прочитал это слово как «külüg», которое, по его мнению, имеет значение «adlı, sanlı, meşhur, ünlü» 'известный, именитый' [12. С. 255]. Это слово никак не подходит к содержанию и даже форме (по Бартольду) паремии.

Слово «كولاك» («көлүк») более правильно прочитано в азербайджанском варианте. Кроме того, это слово имеется и в древнетюркском словаре, значение которого полностью подходит к данной паремии: «Kölük — 1. вьючное животное» [16. С. 314].

Сербский перевод совершенно не передает значение оригинала.

Если оригинал дословно переводится как «Нога коня тяжела (как у выючной лошади), а язык озана проворен», то сербский перевод на русский языке звучит так: «Нога коня быстра, как ветер, а язык озана проворен». Здесь, как мы видим, антитеза, о которой говорил В. В. Бартольд, потеряна. Кроме того, слово «көлүк» переведено неверно — «быстра, как ветер».

А з е р б.: Бир күн Улаш оғлу, Тулу гушунун јаврусу, бизэ мискин умуду, үммэт сојунун арсланы, Гарачугун гапланы, гонур атын әјасы, хан Урузун ағасы, Байындыр ханын көјкүсү, галын оғузун дөвләти, галмыш јикит архасы, Салур Газан јериндән дурмушду [10. С. 28].

О. Ş. G.: Bir gün Ulaş-oğlu (ol erenlerün arslanı) tülü kuşun yavrısı beze miskin umudu, Amit suynuñ aslanı, Karacığün kapları, koñur atıñ iyesi, Han Uruzun babası, Bayındur Hanuñ güyegüsü, kalın Oğuzun devleti, kalmış yigit arhası Salur Han Kazan yerinden durmuşdı [12. С. 16].

Серб.: Jednog dana je ustao sa svoga mesta junak nad junacima, Salur-han Kazan, Ulašev sin, pile ptice dugog perja, nada očajnih i bespomoćnih, lav reke Amit, tigar Karadžuka, gospodar konja mrkova, otac hana Uruza, zet Bajinder-hana, sreća moćnih Oguza, uzdanica moćnih džigita [5. С. 44].

Р у с.: Однажды сын Улаша, детеныш птицы Тулу, надежда для нас бедных, лев племени и рода, тигр черной толпы, хозяин каурого коня, отец хана Уруза, зять Баюндур-хана, счастье остальных огузов, опора остальных джигитов, Салор Казан встал со своего места... [13. С. 27].

Текст:

برکون الاشی اوغلی [اول ارنلر ارسلانی] تولو قوشک یاورسی بزه میسکین اومودی امت صوینک اصلانی قرجوغک قبلانی قوکرآتک ایاسی خان اوروزک اغاسی بایندر خانک کویکی سی قالن اغورک دولتی قالمش یکت ارخاسی سالور قزان بیرندن طورمشدی.
[14. С. 19(35¹¹⁻¹³) — 20(36¹⁻²)]. [15. С. 84(53⁶)].

Выражение «امت صوینک اصلانی»

в азербайджанском издании прочитано как «үммэт сујунун арсланы», в издании О. Ш. Гекайя—как «Amit suynun aslanı». Последний вариант следует считать более точным. Слово «امت» не «үммэт», а «Амит» (Диярбекир). В азербайджанском издании при прочтении слова «اصلانی» откуда-то появилась буква «р». В сербском издании выражение прочитано правильно и переведено как «lav reke Amit» ('лев реки Амита'). В русском переводе оно дано неправильно: «лев племени и рода». Здесь слово «صوینک» — «сујунун» ('реки') прочитано как «сојунун» ('племени'), а слово «امت» — так же, как и в азербайджанском издании, — как «үммэт». Слово «Ummät» [ا. امته] — «религиозная община» [16. С. 625]. Это слово и в древнетюркском языке используется в значении «община».

Выражение «بزه میسکین اومودی» — «бизэ мискин умуду» на сербский язык переведено как «nada očajnih» ('надежда отчаянных'), а следовало бы как «надежда для нас бедных». Выражение «قالمش یکت ارخاسی» «галмыш јикит архасы» прочитано как «uzdanica moćnih džigita» ('опора для мощных джигитов'); здесь слово «галмыш» означает «слабый», а переведено как «мощный».

Слово « *قوجوغك* » — «Гарачугун» в сербском варианте сохранено как реалия, и об этом в комментарии говорится следующее: «Качаджук — город Фараб, один из огузских городов в бассейне Сырдарьи в современном Казахстане» [5. С. 191]. На русский язык слово переведено как «черная толпа», что неправдоподобно.

В турецком издании слово « *اغاسى* » («ағасы») почему-то прочитано как «*babası*». По всей вероятности, О. Ш. Гекайя перевел это слово на современный турецкий язык. «Ағасы-*babası*» имеет значение «отец».

Перевод: Однажды сын Улаша (лев тех мужей), детеныш птицы Тулу, надежда для нас бедных, лев реки Амит, тигр Караджука, хозяин каурога коня, отец хана Уруза, зять Баюндур-хана, богатство мощного Огуза, опора для слабых джигитов, Салор Казан встал со своего места.

Азерб.: Гара полад үз гылыңчдан гајытмајан [10. С. 98].

Серб.: Što pred crnom sabljem ne odstupa [5. С. 121].

Рус.: Не отступает он перед черным булатным мечом... [13. С. 97].

Текст: [14. С. 94 (184²⁻³)]. *قره يولاد اوز قىلجىن تايىتىن*

Эта строка на сербский язык переведена правильно. Она имеется в азербайджанском, русском, сербском переводах, но отсутствует в турецком издании. Поскольку эта строка есть в рукописи, О. Ш. Гекайя в своем издании просто упустил ее из виду.

Азерб.: Ондан Шәрукун учундан Көјчә дәнیزә тәкин ел чарпды. Гәләбә дојум олду [10. С. 131].

О. Ш. Г.: Andan Şürügün ucundan Gökçe Denize degin el çarpdı, galaba doyum oldu [12. С. 125].

Серб.: Onda su granicom Šuruguna udarili na Gekčedeniz i došli do bogatog plena [5. С. 159].

Рус.: ...потом ударили на народ от Шерю-гюза (?) до Гокче-дениза, собрали много добычи [13. С. 130—131].

Текст: *اندن شروكون اوجندن كو كجه دليزه دكن ايل چارپدى غلبه طيوم اولدى*
[14. С. 129 (2551-2)].

В этом предложении наблюдается разночтение слова « *شروكون* ». В азербайджанском издании оно прочитано как «Шәрукун», а в турецком — как «*Şürügün*». В сербском переводе это слово дано как «*Suruguna*», и к этому приводится пояснение: «*Šurugun* — крепость из османского времени, известная под названием *Suregel*. Находится в провинции Карс» [5. С. 195].

Слово в русском издании дано как «Шерюгюза (?)»; как видно, сам переводчик усомнился в точности его передачи. Об этом в комментарии говорится следующее: «В тексте *اندن شروكن اوجندن كو كجه دليزه دكن ايل چارپدى*

Тут слово « *شروكن* » прочитано как «Шерю-гюз». А, по-нашему, это « *شروكن* » — «шәрил» или «шәрур», находится в Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республике. Описываемый в этой песне штурм, согласно географическому расположению, где он имел место, указывает на то, что речь идет именно о Шаруре. В этой песне упоминаются названия, кроме Шарура, и «Дерешам», и «Алинджа галасы», которые расположены в Нахичеванской республике. Отсюда также недалеко «Гойджа дениз», т. е. озеро Гейджа, которое называется ныне Севаном [13. С. 197—198].

Этот комментарий представляется правдоподобным, и слово *شروكون* по всей вероятности, — топоним Шарур. Однако следует отме-

туть, что в рукописи, приведенной в комментарии, имеются некоторые неточности. В одном месте слово «*شروكون*» напечатано как «*شركن*», а в Оба варианта неправильны. Слово «*شروكن*», другом — как «*كوكجه*» ('Гокче') напечатано как «*كوكجه*» ('Кокдже'), что также неверно.

В турецком издании имеется топоним «*Şürügün*», который комментируется так: «Название крепости, которая является центром очень плодородной долины и находится на востоке от Карса, в стороне от Яхни к Элегезу на севере и на юге от горы Акбаба простирается до гор Аладжа, воды с которых попадают в реку Арпачай. Карсцы с древних времен эту долину называют Шюрек-Эль, Шюрен-Эль, ныне деревня, которая входит в состав округа Кызыл Чакчак. Эта крепость находится на месте слияния рек Шюрегельчай и Арпачай, которые пересекают деревни Карахан и Тикнис, и которая находится на наших границах на карте Кырзы-оглу — «Широкован-уджу» (Kırzı-oglu M. Fahrettin, aynı yer. s. 110 v. d.) [12. С. 337—338].

По всей вероятности, топоним «Шарур» по форме написания сходен с топонимом «*Şürügün*», хотя это совершенно разные слова.

Х. Короглы также высказал об этом свое мнение: «В Дрезденской рукописи — „*شروكون*“. Очевидно, последняя буква принята Эргином и Кырзыоглу за „*ن*“, но стиль письма переписчика не дает основания последнюю букву читать как „нун“. Вероятно, правильное чтение „Ширюгювез уджи“, т. е. „граница Ширюгювеза“ [7. С. 147].

Перевод предложения «*غلبه طوم اولدی*» («гэлэбэ дојум олду») в сербском варианте имеет следующий вид: «*i došli do bogatog plena*» ('и дошли до богатого плена'); в русском варианте — «собрали много добычи». Оба перевода неточны. В турецком издании это выражение объясняется так: «во время боя (набега) захватить у врага много добра (богатства)». Это объяснение несколько сомнительно, так как в том месте, где приводится это выражение, борьбы еще не было, и соответственно не могла идти речь о богатстве, трофеях. Возможно, это выражение означает: «были многочисленные (большие) пиршества». Слово «*طوم*» вероятно, происходит от слова «*тој*», которое имеется в древнетюркском и во многих современных тюркских языках и означает «пир, пиршество» [16. С. 572], а слово «*غلبه*» — «*kalaba*» встречается во многих современных тюркских языках в форме «гэлэбэлик» — «*kalabalık*», одно из значений которого «многочисленный» [16. С. 498].

А з е р б.: Гызгын шишлэр жүкэлиб јердэн чыхса,
Габа өнчэмлә пәрчин гылан Газан әр идим [10. С. 143].

О. Ş. G.: Fir'avun şişler yükleyüp yerden cıksa
Kaba ökçemile percin kılan Kazan eridüm [12. С. 136].

С е р б.: Kad je faraon sa stubovima ispod zemlje izlazio
Ja sam bio junak koji ih je tvrdom petom zakovao [5. С. 172].

Р у с.: ...когда из земли поднимались, согнувшись, горячие наросты,
их вдавливал в землю своей крепкой пятой я, муж Казан [13. С. 142].

Т е к с т: فرعون شیشلر بوکلیب بردن چقهسه قجا او کچمله پرچین ملان قران اریدم
[14. С. 141 (278¹⁻²)].

В этой строке имеются некоторые разночтения. Слово «*فرعون*» в турецком издании прочитано как «*Fir'avun*» ('фараон'). К этому эпизоду в турецком издании дается обширный комментарий. «Фиравун, по свидетельству комментаторов, — псевдоним или знак правителей Ама-

лика. Здесь имеется в виду эл-Велид б. Мус'аб — самый жестокий и сильный правитель Египта, посланный ради Моисея. Держа в руках сыновей Израиля, он эксплуатировал их. Растолковывая сон, который он видел, астрономы и жрецы предсказали ему, что однажды у одного из сыновей Израиля родится мальчик и, когда он вырастет, правление Египта возьмет в свои руки. О, тогда он приказал убивать всех мальчиков, рожденных от сыновей-израильтян. Но, видя, что сокращается число рабов, он решил убивать детей не каждый год, а через год. Моисея положили в сундук и бросили в воду, и, когда этот сундук плывал в Ниле, жена Фиравуна увидела и взяла его, и, таким образом, Моисей был спасен от смерти. В преданиях о Фиравуне речь идет еще о башне. Фиравун на построенной для него башне хотел достать бога Моисея. Когда завершилась постройка башни, он поднялся на самый верх и для того, чтобы убить бога Моисея, пустил на небо стрелу. В это время бог направил на землю эту же стрелу, окрашенную в красный цвет, чтобы испытать его. Фиравун подумал, что достиг цели. Но Гавриил своим крылом разбил эту башню на три части, одна часть башни упала в Индию, другая — в Океан, а третья часть — на Запад. Такая высокая была башня. А по другому преданию, одна часть упала на армию Фиравуна и убила многочисленных его солдат» [12. С. 323].

По всей вероятности, слово «*فرعون*» следует читать, как в турецком издании — «Фиравун». Выражение «гызгын шишләр» ('горячие шамгуры') не сходится с другими сравнениями и гиперболами. Здесь имеется в виду «башня Фиравуна».

В югославском издании в комментарии к этому выражению говорится: «Фараон из 38-й суры Корана упоминается как „владелец опоры (башни)“ („*Fir'aun al aftarad*“), но неясно, на что намекают слова Казана» [5. С. 196].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что речь о Фиравуне в Коране идет не в 38-й, а в 40-й суре, которая называется «*Mū'min*» («*Kafir*») 'Верующий' (неверный). В этой части Корана говорится о Фиравуне именно в том смысле, который подразумевается в эпосе (аят 24—41). Здесь речь идет о башне Фиравуна: «36. Фиравун сказал: „Эй, Хаман, воздвигни для меня одну такую высокую башню, чтоб я мог достичь эти причины (пути)“. 37. (Вернее), чтобы (я мог достичь) дороги небес и чтобы я поднялся и посмотрел на бога Моисея (Мусу). Потому что я его (Моисея) (Мусу) считаю обманщиком. Таким образом, Фиравун, совершивший свое плохое дело, показавшееся ему изысканным, заблудился. Западня Фиравуна совершенно не удалась» [18. С. 345, 436].

Видимо, югославский переводчик не уловил гиперболу (метафору). Это слово на русском языке, так же как и на азербайджанском, дано в значении «горячие». В комментарии к русскому изданию об этом говорится: «В тексте: « *فرعون شيشلر يوكليب يردن چتسه قبا اولجمله پرچين تلان اريلم* »

Как видно, В. В. Бартольд слово «*يوكليب*» («*јукэлиб*») прочел как «букүлүт» и перевел как «согнувшись». На наш взгляд, его можно прочесть и как «*јукэлиб*», т. е. «вырастая» [13. С. 201].

В комментарии слово *پرچين* написано неверно — как *پرچيني*. Последняя буква «и» в оригинале отсутствует. Разъяснение слова «*يوكليب*» в турецком издании дано как «*yükleyür*» ('погрузившись'). На сербский язык слово переведено как «*izlazio*» ('выходили'). Это его наиболее правильный вариант. В русском переводе слово дается в значении «поднимались». Предложение можно перевести так: «Я тот муж Казан (который) своей грубой (твердой) пятой заклепывал (вдавливал —

Бартольд) в землю башни Фиравуна (фараона), которые поднимались (выходили) из земли».

Перевод «Китаби Деде Коркуд» на сербско-хорватский язык и его издание в Югославии ценны еще и потому, что позволили еще раз вернуться к многочисленным, до сих пор неразработанным проблемам, особенно в области текстологического изучения эпоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Огузнаме/Чапа назырлајаны С. Элизаде. Баку: Јазычы, 1987.
- ² Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме/Пер. и подготовка к печати Р. М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987.
- ³ См.: Эбу Эли Гасэн ибн Эли Хаџа Низамулмук. Сијасэтнаме/Фарсчадан тәрчүмә едәни Р. Султанов. Баку: Элм, 1987.
- ⁴ Фазлуллах ибн Рузвихан Хунджи. Тарих-и Алам-арайи Амине/Пер. с англ. Г. А. Минорской. Баку: Элм, 1987.
- ⁵ Knjiga Dede Korkuta: herojski ep oguskih Turaka/Predgovor, prevod, napomene i rečnik manje poznatih reči Slavoljub Dinotić. Beograd: Narodna knjiga, 1981.
- ⁶ Буниятов З. М. О некоторых тенденциях в освещении средневековой истории Азербайджана: (по страницам журнала «Элм ве хаят»)//Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права. 1987. № 3.
- ⁷ Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976.
- ⁸ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1974.
- ⁹ За основу взято издание [10]. После этого в Азербайджане вышли переработанные и более совершенные издания 1978 и 1987 гг. Составителем их также является Г. Араслы. В тех местах, где имеются разночтения, использовано последнее издание [11].
- ¹⁰ Китаби-Дедә Горгуд/Чапа назырлајан, мүгәдимә изаһлар Н. Араслынындыр. Баку: Азәрбајчан Дөвләт нәшријаты, 1962.
- ¹¹ Азәрбајчан әдәбијаты инчиләри: Дастанлар. Баку: Јазычы, 1987.
- ¹² Dedem Korkut'un Kitabı/Hazırlayan Orhan Şaik Gökay. İstanbul: Milli Eğitim basımevi, 1973.
- ¹³ Деде Коркут/Пер. акад. В. В. Бартольда; подготовили к печати Гамид Араслы и М. Г. Тахмасиб. Баку: Изд-во АН АзССР, 1950.
- ¹⁴ Dede Korkut Kitabı, I (giriş, metin, faksimile, 1958; II 1963/Ergin Muharrem).
- ¹⁵ Ватиканский вариант.
- ¹⁶ Древнетюркский словарь. Л.; Наука, 1969.
- ¹⁷ Турецко-русский словарь. М.: Рус. яз. 1977.
- ¹⁸ Kur'an-ı Kerim (meâli): Doç. Dr. Suleyman Ateş, İstanbul.

Л. С. САМЕДОВА

ПЕРЕВОД РОМАНА «ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Переводная литература играет важную роль в процессе взаимного ознакомления народов с духовными ценностями, накопленными национальными культурами, в приобщении к мировой литературе. В. Г. Белинский писал, «что... переводы преимущественно назначаются для не читавших и не имеющих возможность читать подлинники, а главное, что на переводах произведения литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собой, взаимное распространение идей, а отсюда самое процветание литератур и умственное движение...» [1. С. 264].

В дореволюционном Азербайджане первые переводы произведений русской литературы относятся к концу 60-х—началу 70-х гг. XIX в. Нередко они были подражательными, не лишенными буквализма; иногда переводчики, стремясь «улучшить» оригинал, подвергали текст изменениям, но в целом эти переводы имели позитивное значение, способствовали формированию в национальной литературе передовых эстетических, идейных критериев.

Издававшаяся в Баку на русском языке газета «Каспий» писала по этому поводу: «Пусть эти переводы вначале несовершенны, пусть они грешат и в смысле, и в точности передачи. Все это ничего! Величие выказанного в них ума, красоты чувства, совершенство отделки, даже пострадавшие в переводе... привлекут в конце концов читателей, разогнут вкусы, создадут потребность в новых, более совершенных переводах» [2].

Авторы переводов с русского на азербайджанский язык, сознавая общекультурную роль перевода, рассматривали его как средство общения широких читательских кругов к иноязычной литературе, миру ее идей и образов. В свете этого «обусловлен был и выбор переводимого автора» [3. С. 97].

Особое место в этой связи занимает перевод произведений М. Ю. Лермонтова. Деятели азербайджанской культуры конца XIX—начала XX в. были знакомы с критической оценкой творчества великого русского поэта. Русскоязычные периодические издания, выходившие в Баку, публиковали статьи, посвященные его поэзии. В одних лирика Лермонтова оценивалась как «созерцательно-пассивная» [4], в других отмечалось, что «в раздумьях и переживаниях Лермонтова нашли свое выражение характерные черты идеологии целого поколения... 30—40 годов XIX столетия, которые слышали в творчестве Лермонтова отголоски своих дум и чувств» [5]. Еще в 1894 г. видный педагог, просветитель

С. М. Ганизаде в своей книге «Рус дилинин дилманджи» («Переводчик русского языка») поставил роман «Герой нашего времени» и поэму «Демон» на один уровень с шедеврами мировой литературы. Все это привлекало внимание просвещенной части населения к произведениям Лермонтова, творчество которого начало осмысляться в Азербайджане через переводы.

Первыми достоверными переводчиками поэзии Лермонтова («Воздушный корабль», «Мцыри», «Спор», «Три пальмы», «Дары Терека», «Хаджи Абрек» и др.) на азербайджанский язык, по свидетельству Ф. Кочарлинского, были А. Адигезалов, Р. Эфендизаде, А. Джаваншир, А. Сиххат. К сожалению, многие переводы приходится считать безвозвратно погибшими [6. С. 17—18].

Некоторые свои переводы из Лермонтова А. Сиххат опубликовал в учебнике («Эдабийят междмуаси»), составленном и изданном в 1912 г. в Баку Ф. Агаевым.

Переводчиками лермонтовских произведений были также Р. Эфендиев, Абдулла Шаик, И. М. Акперов и другие, а после установления Советской власти — С. Вургун, Р. Рза, М. Рагим, А. Джамиль, М. Мушфик, А. Юсифзаде, М. Рзакулизаде и др.

В данной статье рассматривается первый перевод на азербайджанский язык романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Сведения об этом, правда, весьма скупые, приводит А. А. Сеидзаде, который сообщает, что перевод нескольких глав романа был впервые выполнен в 1901 г., автором его был «Вачнази» (Вачнадзе), сын кадия Абдул Лятифа [7. С. 75].

Долгое время об этом переводе других данных не имелось.

В 1982 г. в архиве Республиканского рукописного фонда (ныне Институт рукописей АН Азербайджана) была обнаружена арабграфичная рукопись перевода на азербайджанский язык «Героя нашего времени» [8].

В рукописи указано самим переводчиком его полное имя — Гаджи Ариф Эфендизаде «Вачнази» (Алибек Гаджи Ариф оглы Эфендизаде «Вачнадзе»). Это рассеяло все сомнения относительно его национальной принадлежности. Упоминание места, откуда автор был родом, а также даты выполнения перевода — «гәсәбәји Хартусија 1318 аинәсинә Рамазан әләминдә» (местечко Хартуси, 1900 год — соответственно 1318 г.) — дают основание полагать, что переводчик-азербайджанец, проживавший в Грузии (на что указывает и псевдоним «Вачнази»), свободно владел русским языком и, по собственному признанию, осуществил перевод непосредственно с оригинала.

Естественно, напрашивается вывод, что в данном случае мы имеем дело с переводом, о котором упоминал А. А. Сеидзаде. Есть, однако, и ряд неясностей. Сам переводчик датирует свой труд 1900 г., и А. А. Сеидзаде указал 1901 г. Название «Герой нашего времени» он переводит как «Бизим вәгтин пәһләваны некајәләриндән» («Из рассказов о герое нашего времени»), тогда как следовало бы перевести «Зәманәминин гәһрәмань». Вполне возможно, что такой эрудированный ученый, каким был А. А. Сеидзаде, не мог не знать, что в свое время журнал «Отечественные записки», напечатавший «Бэлу», «Фаталиста», «Тамань», представлял читателю будущий роман как собрание повестей [9]. А. А. Сеидзаде называл переводчика «Вачнази» (Вачнадзе) — сын кадия Абдул Лятифа, в то время как в рукописи он себя называет Алибек Гаджи Ариф Эфендизаде «Вачнази». Можно предположить, что существовал еще один список. Все эти вопросы ждут своего решения.

Алибек Гаджи Ариф оглы Эфендизаде, безусловно, вырос в образованной семье. Отец его Арифбек Абдул Эфендизаде родом из грузинского села Месхет Джавахетия (ныне с. Хыртыз Аспиндзского района) исполнял должность кази, владел языками русским, арабским, фарси. Один из двух его сыновей — Биналибек был писателем. О том, что именно Биналибеку принадлежал перевод «Героя нашего времени», сообщала в свое время газета «Иршад»: «Среди переводов с русского языка обнаружен и перевод романа Лермонтова „Герой нашего времени“ („Бизим вэтин пәһләвани“), осуществленный Биналибеком». Попутно газета информировала своих читателей, что Биналибеку принадлежат также переводы прозы А. С. Пушкина — «Дубровского» и «Повестей Белкина» [10].

Работа над таким произведением, как «Герой нашего времени», ставила перед переводчиком весьма сложную задачу: создать перевод, адекватный подлиннику, т. е. способствовать второму рождению оригинала на инонациональной почве. Насколько удачен тот или иной перевод, об этом можно говорить лишь тогда, когда «сопоставимость оригинала и переводимого текста проверяется на ...уровнях: идейном, смысловом, эмоционально-содержательном, образном, интонационно-ритмическом, лексическом и т. д. Наличие такой сопоставимости дает нам право говорить именно о переводе, а не фантазии» [11. С. 257].

Рукопись азербайджанского перевода «Героя нашего времени» объемом 523 с. охватывает все без исключения главы романа, что немаловажно, ибо история дореволюционных переводов «Героя...» на языки народов бывшей Российской империи знает примеры, когда роман переводился частично. (В 1863 г. М. Кипиани перевел на грузинский язык лишь главы «Бэла», «Максим Максимыч» и «Тамань») [12. С. 298].

В. Г. Белинский считал композицию «Героя нашего времени» оправданной психологическим содержанием романа, а потому неделимой: «Несмотря на... эпизодическую отрывочность, его (роман. — Л. С.) нельзя читать не в том порядке, в каком расположил его сам автор, иначе вы... романа не будете знать» [1. Т. 4. С. 146].

Печатный экземпляр первого перевода «Героя...» до сих пор не найден, поэтому сопоставительный анализ оригинала и азербайджанского перевода «Героя нашего времени» проведен по рукописному экземпляру, хранящемуся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР. Глава «Бэла» («Зиба-ханум») охватывает 1—131 с., «Максим Максимыч» — 132—163 с., «Журнал Печорина» — 164—166 с., «Тамань» — 167—207 с., «Княжна Мери» — («Мехри-ханум») — 208—490 с., «Фаталист» — 491—523 с. Как видим, в главах «Бэла» и «Княжна Мери» А. Эфендизаде изменил имена героинь. Очевидно, переводчик руководствовался определенной целью — приблизить текст к читателю, — практика, весьма распространенная в начальный период истории художественного перевода. А. Эфендизаде сумел найти «стилистический ключ», под которым теоретик перевода Г. Гачечиладзе подразумевал «познание переводчиком ритма оригинала, интонации, манеры передачи мысли, связи всех этих компонентов с фабулой ... и композицией произведения, со всеми другими элементами формы» [13. С. 175—176].

Сохранение ритмики оригинала при переводе «Героя нашего времени» особенно важно, ибо, как известно, лермонтовская проза тяготеет к звуковым образам. На наш взгляд, А. Эфендизаде удалось передать в азербайджанском адеквате эту особенность художественного метода Лермонтова. Сравним два отрывка — описание Койшаурской горы в оригинале («Бэла») и его перевод: «Славное место эта долина!

Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея, своею чешуею» [14. С. 184—185; 15]. — «Бура тэмиз вэ көзэл бир мөкан иди! Нэр тәрәфи сыра даглар, гырмызы гајалар, этрафыны исэ јашыл сармашыглар асылмыш чинар ағачлар бөзөмиш, көксүнү селләр јармыш сары учурумлар, ашағыда исэ Арагва чајы гаранлыг бир дәрэдән шырылты илә ахан ирмаг илә гарышыб, бир курулту илә күмүш дил кими узаныб парлајараг ахыб кедирди» [8].

Не «отстраняя» ни единой лермонтовской строчки (за исключением синтагмы «а там высоко-высоко золотая бахрома снегов», отсутствующей в тексте перевода), А. Эфендизаде сохраняет конструкцию фразы оригинала: интонационное членение речи, определяющее темп, удлиненные периоды, способствующие выражению на другом языке свойственной оригиналу певучести. Переводя слово «долина» как «мөкан», а не «вади», автор находит доступное для азербайджанского читателя понятие, несущее в себе определенную эмоционально приподнятую интонацию, а синтагма «желтые обрывы, исчерченные промоинами» — «көксүнү селләр јармыш сары учурумлар», несмотря на инверсию, сохраняет лермонтовский художественный образ.

Как известно, в романе нашли выражение впечатления, полученные М. Ю. Лермонтовым во время пребывания на Кавказе в 1837 г. Отсюда и наличие множества кавказских слов: «буза» (молодое вино), «мирной» («мирными» назывались горцы, признавшие власть русских), «абрек» (от осетинского слова абыраег, абрек — скиталец, разбойник), «гурда» (лучший кавказский клинок), тюркизмов: «чинар», «дүхан», «яман», «кунак», «мулла», «марал», «Коран», «гяур», «якши», «карагач», «валлах», «Карагез», «йок», «джанечка», которые с естественной легкостью транслитерируются в азербайджанский текст. Наиболее трудно переводимы главы «Бэла», «Максим Максимыч» и «Тамань» — главным образом потому, что они пропитаны стихией простонародной речи (Максим Максимыч, казаки в сочетании с литературным языком самого автора и Печорина). «Тамань» к тому же отличается от других глав «Героя нашего времени» острой напряженностью сюжета, экспрессивностью, особой лиричностью повествования. Недаром А. П. Чехов считал этот рассказ образцом прозы: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям... Так бы и учился писать» [16. С. 46].

Чтобы помочь читателю почувствовать мир лермонтовских героев, А. Эфендизаде прибегает к сочетанию различных языковых стилей, обращается к арсеналу азербайджанской синонимии, передает речевую тональность, грубоватую экспрессивную или эмоционально окрашенную лексику персонажей (Азамат, Казбич, Бэла, героиня «Тамани», слепой, Янко) посредством метафор, заключенных в них усилительных или оценочных отенков, адекватного воспроизведения рассыпанных в оригинале идиом, пословиц и поговорок. Присущее переводчику языковое чутье помогает подобрать для русских пословиц азербайджанские параллели. Например: «Нехорошо, подумал я: верно между ними черная кошка проскочила!» («Бэла»). Ср.: «Бән фикир етдим ки, хејр ... араларына эчэб нэ гара кәди кечди?» («Зиба-ханум»). Или для идиомы «...не видать тебе ее, как своего затылка» («Бэла») в переводе найден удачный эквивалент «Гулағынын лалыны көрә билсэн...» («Зиба-ханум»). Ана-

логичный случай: «Я раз насили ноги унес» («Бэла») — «Бир дэфэ аллах мәни сахлады» («Зиба-ханум»); «животики надорвешь со смеху» («Бэла») — «гарынларыны тутаддылар» («Зиба-ханум»), «колени дрожали» («Максим Максимыч») — «тир-тир титрәјирди»; «под гребенку» («Княжна Мери») — «дараг алтындан» («Меһри-ханум»); «Он вечно будет мне памятен» («Княжна Мери») — «Јүз ил өмрүм олса, мәним фикримдән һеч чыхмаз» («Меһри-ханум»); «на все есть манера» («Княжна Мери») — «Һәр шејин бир вәғти вар» («Меһри-ханум»); «Видно, уж так у него на роду было написано» («Фаталист») — «Көрүнүр ки, о бичарәнин јазысы да ејлә јазылмышдыр» («Фаталист») и т. д. Однако при переводе пословицы «Где нам дуракам чай пить!» («Княжна Мери») проскальзывает досадная неточность: «Еһ сән дә, чај ичмәк бизим әһмәгә һердән?» («Меһри-ханум»). Здесь, на наш взгляд, напрашивается перевод: «Еһ, һардан, биздә о бәхт!». Или: «тени боялся» («Бэла») в переводе звучит: «о јана, бу јана гачан кәсіјәндән дә горхарды», тогда как существует азербайджанский эквивалент «көл-кәсиндән дә горхарды».

Порой переводчик в процессе работы сталкивается со случаем, когда словосочетание не поддается «точному» переводу; тогда он использует метод компенсации, опять-таки требующий хорошего языкового чутья. Например, «наскоро выхлебнул чашку» («Максим Максимыч») — «Чапығы бир гәдәһи ичәр-ичмәз...». Этот прием выручает переводчика и при переводе портрета Грушницкого: «...он один из тех людей... которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства... Производить эффект — их наслаждение... Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами...» («Княжна Мери»). Ср.: «... О өкүзләрә охшар иди... һансыларына ки, һәр бир көзәл шеј тә'сир етмәз вә һансылара ки, һәр бир ашиганә сөјләмәләри ишләри вә бәлалары ашури дәрәчә кими тутардылар... ихтијар вахтларында тәбии ја пәк сүкут ки, агалары олулар, јахуд пәк сәрһош миһур олулар. Әвәт ејлә дә өлүрләр!...» («Меһри-ханум»). Чтобы подчеркнуть пошлость, духовное убожество Грушницкого, переводчик позволяет себе сравнение «өкүзләрә охшар», которого нет в оригинале, при этом он резюмирует, что люди, подобные Грушницкому, бездарно уходят из жизни (пьяницами) — «Әвәт ејлә дә өлүрләр!». И хотя последняя фраза у Лермонтова отсутствует, благодаря ей переводчик развенчивает образ армейского офицера.

Для передачи духа оригинала А. Эфендизаде при переводе определенных словосочетаний использует устоявшиеся в азербайджанском языке фразеологические сочетания, например: «Нам не посчастливилось» («Бэла») — «Талејимиз кәтирмәдә» или «поручил себя Аллаху» (там же) — «талејими Аллаһа тапшырдым»; быстро понеслись» («Тамань») — «ох кими ахуб кетдиләр»; «своей судьбы не минуешь» («Фаталист») — «сәнин јазын да бејлә имиш» и т. д.

Точный выбор языковых и стилистических средств (частое употребление глаголов и наречий) помогает переводчику передать эмоциональные оттенки, которыми так богат русский язык. Это хорошо видно на примере перевода рассказа Казбича о Карагезе («Бэла»): «... в целой Кабарде не найдешь такой. Раз — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собой крики гяуров, и передо мною был густой лес. Прилег я на седло, поручил себя Аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью ... мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер» и т. д.» («Бэла»).

Ср.: «Бүтүн Кабардијада бунун бәрабәри тапылмаз. Бир дәфә Терек чајын о тәрәфинә русларын атларыны огурламага кетмишдик. Талејимиз кәтирмәди, һәрәмиз бир тәрәфә кетдик. Мәним далымча дәрд газаг... сүр'әтлә чапырдылар, кафирләрин сәдалары кетдикчә јахындан ешидирдим, габағымда галын бир мешәлик варды. Мән јәһәрә јатыб, талејими аллаһа тапшырдым. Өмрүмдә илк дәфә олараг Гаракөзүмә гамчы вуруб, ону инчитдим... Атым исә көтүкләрин үстүндән сычрајыб, будағлары гырыр, јол ачыр, ирәли чумурду. ...Мәним Гаракөзүм... дүз онларын үстүнә кедирди». При всей лингвистической сложности проципированного отрывка переводчик справился со своей задачей, сумел передать и «скачущий» темп рассказа и его яркую эмоциональную окраску.

В тексте перевода немало транслитерированных слов: чемодан — чамадан, верста—верст, тройка—тројка, чайник—чајник, офицер—афисер, бал, кровать—карават, коляска—калјаска, шинель—шанил, бульвар—булавар, шапка—шапка, ботинки—ботиляр, кокарда—какартлы шапка, доктор—доктор, дуэль—дуэл, колония—калония, клуб—глуб, бостон—бустун и т. д. Правда, слова «тројка», «версты», «чемодан», «кровать», «коляска» в силу давних языковых, этнических контактов давно восприняты в азербайджанском языке с обобщенно-русской окраской, завоевали свое место в читательской памяти, поэтому, думается, в этом плане можно говорить о формировании определенной переводческой традиции. Слово «тројка» дано в тексте с поясняющим комментарием («үч атлы араба»), как и «ванна» («гармухда бир адам үчүн чимәчә һавуз»). Слово «сакля» в начале повествования переводится А. Эфендизаде как «һисли ев» («закопченная изба»), далее осмысливается как «хана», что более точно. Для исторической реалии «оказия» переводчик находит точный адекват: «һимајәт». Сомнительна, на наш взгляд, правомерность перевода бытовой реалии «щи» как «дадлы хәрәк» («вкусный обед») или исторической реалии «титулярный советник» — «јазычы» («писатель»), непереводимой единицы «кавалькада» — как «бир чох чамат», «калоши» как «гундуралар» и т. д. Досадное смысловое искажение допускает переводчик при передаче фразы: «На стене ни одного образа — дурной знак!» («Тамань»). Лермонтов имел в виду образок богоматери, который обязательно должен был находиться в жилище каждого христианина. Однако указанная реалия переводчиком не понята: «Һеч сурәт јох, нәс (пис) ишарә!» К потере смысловой нагрузки ведет и перевод слова «ундина» — «русалка» как «су гызы» («Тамань»).

При сопоставлении текстов оригинала и перевода особых смысловых противоречий не обнаружено, хотя неточности и неизбежны. Например, «Закавказское солнце» — «Күрчүстаны һавасы», «чугунный чайник» — «тунч чајник» («бронзовый»), «отчаянная башка» — «башыкәсичидирләр» («головорезы»), обращение «батюшка», бытовавшее в разговорной лексике русского языка XVIII—XIX вв., переведено буквально: «атам», «бабам» («отец», «дедушка»).

Азербайджанский перевод «Героя нашего времени» максимально приближен к оригиналу. Вместе с тем переводчик допустил и вольности. В большинстве случаев они обусловлены стремлением приблизить текст к иноязычному читателю, и тогда это оправданно. М. Ариф подчеркивал: «Нужно не отойти от оригинала, не упростить его и в то же время облегчить его восприятие азербайджанским читателем» [17. С. 319].

Речь идет о вольном переводе, при котором переводчик, сохранив смысловую нагрузку и эмоциональную окраску оригинала, может пере-

кроить конструкцию фразы, заменить одно слово двумя, инверсировать члены предложения. Например, лермонтовская фраза «...весело было слышать... фыркание усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика» (с. 186) в переводе дана так: «Арабанын зил сэдасы этрафа јайылдыгча инсана хош кэлирди». Хотя переводчик опускает синтагму «неровное побрякивание русского колокольчика», заменяя ее более привычным для читателя громким стуком колес «арабы», авторская мысль и эмоциональное впечатление в переводе сохраняются. В этом плане удачной, на наш взгляд, является передача лермонтовской фразы «выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке» («Максим Максимыч». С. 217) в азербайджанском варианте как «Казбәјин шәкәр кәлләси кими ағ башы көрүнүр иди» (с. 2). Переводчик заменяет чуждую реалию «кардинальская» на более близкое понятие «шәкәр кәлләси». А вот другой пример творческого отношения к переводимому тексту: «...я всегда говорил, что нету проку в том, кто старых друзей забывает» («Максим Максимыч». С. 223). Ср.: «Бир адамда ки бәфа олмаја, ол адамдан нә умасан ... бир шеј әглә кәлмәз!» (с. 9). Вводя в середину предложения чисто азербайджанский аналог «Ол адамдан нә умасан» и продолжая далее лермонтовскую мысль «нету проку» — «әглә кәлмәз», переводчик сохраняет смысловую нагрузку оригинала. Аналогичный пример удачного вольного перевода: «Кто крестил, тот знает» («Тамань») — «Ким суја чәкдисә, о билир». В тексте оригинала отсутствует фраза «ким суја чәкдисә» («кто опустил в воду»). Однако переводчик, безусловно, был знаком с христианским обрядом крещения, и потому слово «крестил» компенсируется в переводе фразеологической конструкцией со смысловой нагрузкой.

На наш взгляд, следует особо выделить перевод некоторых мест из романа, отмеченный ярко выраженной восточной стилизацией. Описание внешности Бэлы, лаконичное у Лермонтова: «И точно она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу» (с. 191) — и пространное, стилизованное описание восточной красавицы в переводе: «Сифәтли, һилал гашлы, сүрмә сачлы, инчә белли, фидан бојлу, бир нури бәшәр, иши тәр, туһа вә куһа висбәт, нәзир олмаз вә бир сәбһәри әһтишам вә саһиб алмәртәбә, пејкәр вә пакизә, көвһәр каманә Фирдовси әһнәванындан манәндә хул шејда табан тәк едиб дә аләми һејрал ол маһ табан» («Зиба-ханум». С. 12). («Хороша, с светло-карими глазами, брови полумесяцем, светло-каштановые волосы, с тонким станом, стройна, как кипарис» и т. д.).

На восточный манер расцвечен эпитетами рассказ Бэлы о любви к Печорину. Выразительной, сочной палитрой пользуется переводчик при описании любовных сцен, красоты черкешенки («һансы бағын кулүдүр, һансы бағын бүлбүлүдүр»); любовь Азамата к лошадям А. Эфендизаде уюдоляет любви Меджнуна, вводит лексическую единицу, характерную для сказок: «кәлам саһибә ону сөзлә вәсф етмәјә ачиздир», адекватную русскому «...ни в сказке сказать, ни пером описать».

Лермонтов, описывая страсть Грушницкого к княжне Мери, вкладывает в его уста слово «богиня». В азербайджанском адекватно это слово заменяется именем возлюбленной Меджнуна — «Лейли». Сравним: «...Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей богини...» («Княжна Мери» С. 257). — «Крушнискиј јүзүнү шүшәјә дајадуб Лејласындан көзүнү ајырмаз иди» («Мерри-ханум». С. 49). В данном случае мы сталкиваемся с творческой интерпретацией текста оригинала, когда переводчик исходит из психологической характеристики персонажа.

В текст перевода вкраплены выпренные, по-восточному цветистые

бейты и стихотворные отрывки, в которых описываются терзания Печорина, страдающего от неприступности Бэлы, сцена ее смертельного ранения Казбичем и т. д. Наличие в тексте османизмов, фарсизмов дает основание утверждать, что А. Эфендизаде при переводе ориентировался на азербайджанский книжный язык второй четверти XIX в. Вот некоторые примеры: османизмы — «бабам» («отец»), «беним» («мой»), «эфэнди» («господин»), «ту» («бу»), «япмаг» («етмэк»), «басмач» («чап етмэк»), «нэгл едијор» («рассказывать»), «пэк сојуг» («очень холодно»), «ихтијарэ» («старуха») и т. д.; фарсизмы: «пэдэр» («отец»), «бэрадэр» («брат»), «биһуш» («без сознания»), «биэдэб» («непристойный») и т. д.

Подобные попытки стилизовать язык произведения всегда вызвали неодобрение азербайджанских писателей и критиков, усматривавших в этом проявление эстетства, формализма, пренебрежение к демократическому читателю, от которого произведение тем самым искусственно отдалось, т. к. смысл заслонялся малоупотребительными словами. Образцом переводческого искусства по праву считались традиции А. Сиххата, его умение создать предельно достоверный перевод за счет максимальной неделимости строк, лаконизма, богатства используемого лексического арсенала и т. д. [18. С. 853].

Хотя стилистические огрехи и смысловые неточности не определяют качества перевода А. Эфендизаде в целом, тем не менее они приводят к упрощенности, подмене смысла, утрате авторских акцентов. Например, в «Максим Максимыче»: «дерзко»—«хаин», тогда как слово «хаин» означает «вероломный, предательский», обращение «любезный» переведено как «еј балам» («о дитя»), хотя следовало бы перевести «эзизим» («дорогой»), «удивлен»—«һејран» («поражен») уместнее заменить словом «тэччүб», сочетание «светская молодежь», переведенное как «дүнја гдамларысыз», приводит к потере смыслового акцента.

В «Тамани»: «персидская тележка» — «турубка», «черные снасиби» переводится как «паруса»—понятия разноязычные, «лодка неоснащенная» (без снастей) переведена как «горхусуз» — «безопасная».

В «Княжне Мери»: «нынче» («сегодня») — «сабаһ» («завтра»); безобразная круглая шляпа—«јумру папаг» (слово «безобразная» опущено, в результате авторский акцент утрачен), «римские авгуры» переведено как «рум мејмунлары» («обезьяны»), «шпоры» (на сапогах), «шейпур» — «рог, труба»; «Я вовсе не гастроном» — «Мэн һеч вэгт тэбиб олмамышам»; все эти лексико-семантические сдвиги являются досадным искажением, граничащим с курьезом.

Сопоставительный анализ текста лермонтовского романа и его азербайджанского адекватата позволяет говорить не о механическом переложении, но о последовательном воссоздании оригинала, в процессе которого преодолеваются трудности, порожденные различием языковых и национальных литературных традиций. Привлекает внимание особенность первого перевода «Героя нашего времени»—систематическое соблюдение автором единства предложений, какими бы распространенными они не были. Следуя этому, переводчик сумел сохранить ритмико-синтаксический рисунок оригинала, его внутреннее движение.

Появление полного перевода романа «Герой нашего времени» стало крупным культурным событием своего времени.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 8.

- ² Каспий. 1903. № 275.
³ Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. писатель, 1983.
⁴ Кавказ. 1891. № 184.
⁵ Каспий. 1891. № 151, 229.
⁶ Кочарлинский Ф. Литература азербайджанских татар. Тифлис, 1903.
⁷ См.: Сеидзаде А. А. Лермонтов в азербайджанской литературе//Лит. Азербайджан, 1964, № 5.
⁸ Ин-т рукоп. АН АзССР. Инв. № Б-307 (9016).
⁹ См.: Примечание к публикациям «Фаталиста»//Отеч. зап. 1839, № 11.
¹⁰ Иршад. 1908. 28 февр.
¹¹ Нафи Джусойты. Несколько наблевших вопросов//Дружба народов. 1978, № 11.
¹² См.: Хихадзе Л. Первый грузинский перевод «Героя нашего времени»//Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1973.
¹³ Гиви Гачехиладзе. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. писатель, 1972.
¹⁴ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 4.
¹⁵ В дальнейшем все сноски даны по этому изданию.
¹⁶ Русская мысль. 1911. Кн. 10.
¹⁷ Ариф М. Моя работа над переводом чеховских произведений//Бак. рабочий. 1944, 15 июля.
¹⁸ История азербайджанской литературы: В 3 т. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960.

У. КУМИСБАЕВ

НИЗАМИ И КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Творческое наследие великого азербайджанского поэта Низами является общим художественным достоянием всех тюркоязычных народов СССР.

Низами был основоположником традиции Хамсе на Востоке, «творения Низами еще при жизни его пользовались широкой популярностью не только на его родине — Азербайджане, но и далеко за ее пределами. Об этом говорят те заказы, которые поступали поэту из Средней Азии, Ирана и Малой Азии. Творения Низами оказали решающее воздействие на направление, развитие тем и жанров в литературах народов Ирана, Средней Азии, Малой Азии, Индии и Афганистана» [1. С. 280—281].

Творчество Низами сыграло огромную роль в дальнейшем развитии литератур Среднего и Ближнего Востока, отголоски его поэм можно найти в устной и письменной литературе тюркоязычных народов Средней Азии. «...Целые „Пятерицы“ или отдельные поэмы из этого цикла встречаются на языках фарси, арабском, пушту, курдском, грузинском, турецком, узбекском, азербайджанском, казахском, туркменском, урду, синдхи, панджаби и др.» [2. С. 33—38].

В казахскую устную, а затем и письменную литературу через литературу и фольклор других тюркоязычных народов вошел образ Искандера — героя философско-дидактической поэмы Низами «Искандер-наме».

«В целом же заимствованные сюжеты новеллистических сказок в казахском фольклоре прежде всего теряют свою специфическую локальную окраску, применяются к вкусам и взглядам казахского народа. Они лишаются характерной для литературного произведения (не следует забывать, что многие восточные фольклорные сюжеты пришли в Казахстан в литературной обработке, в составе сборников) конкретизации действия и вновь оказываются в родной фольклорной стихии» [3. С. 223].

Восточные сюжеты из фольклора перешли в письменную литературу казахов. Одним из первых к ним обратился Ибрай Алтынсарин (1845—1904). В стихотворении без названия, написанном одиннадцати-сложником, казахский автор рассказывает о том, как искал Искандер священный источник — «живую воду». Первые две строфы — вступление — это размышления о бренности мира, в третьей и четвертой строфах упоминаются библейские персонажи — Давид и Соломон.

Ескендір патша болып дүниені алған,
Қалмаған бұл жалғанда ешбір арман.

Жалгыз-ак өлмеске айла табамын деп,
 Изденіп мәнгі суын соған барған.

Герой Александр Македонский мир весь завоевал,
 Желаний своих неисполненных он никогда не знал.
 Но средства от смерти долго нигде найти не мог,
 И все же воду бессмертия однажды он отыскал.
 Бессмертие! Тысячелетия жизнью жить молодой!
 И двух визирей посылает царь за живой водой.
 И дивный источник найден! И каждый, напившись властью,
 Наполнил огромную чашу. Посланцы спешат домой [4. С. 53].

Посланцы с чашами воды вернулись к царю, но «вода не пошла ему в горло живительной струей». Здесь таится намек на то, что жестокий правитель, кровожадный завоеватель не обретет бессмертия, которое уготовано лишь благородным героям. Подобную трактовку одного из мотивов сюжета об Искандере можно найти уже в казахской устной литературе, а И. Алтынсарин впервые ввел ее в письменную поэзию. Автор хорошо знал произведения Фирдоуси, Низами, Навои и др. У казахского поэта есть стихотворение о герое по имени Кыдыр Илияс (Хызр Ильяс), персонаж с таким именем есть и в «Искандер-наме» Низами. Примечательно, что и функции их совпадают.

«...Искандера во мрак сопровождает Хызр, которому и удается найти родник и получить бессмертие. Он понимает, что Искандеру это не суждено, и уходит, не возвращаясь более к шаху. ...Видя, что родник найти не удастся, Искандер торопится в обратный путь» [5. С. 218].

И. Алтынсарин не подражает Низами, он опирается на его творчество, развивая его гуманистические традиции. И в фольклоре, и в письменной литературе казахов критически осмыслялся образ Искандера; из «Искандер-наме» были взяты самые необходимые для казахского пересказа эпизоды, отрывки. Искандер здесь не царь, не пророк, не философ, а завоеватель и жестокий правитель. Низами жил и творил в XII в., Ибрай Алтынсарин — в XIX. Великий азербайджанский поэт создал образ идеального правителя, воплотив в нем свою мечту о справедливости и добре. Семью столетиями позже казахский поэт обличал зло и угнетение, призывал к гуманизму.

«В такой, несколько отличной от восточной, трактовке Алтынсаринном образа Искандера не могла не сказаться веками складывавшаяся благородная традиция казахской народной и письменной литературы, в которой меньше всего говорилось об идеальных благородных ханах, правителях, а прославлялись богатыри» [6. С. 108].

В «Шах-наме» Фирдоуси, «Вал Искандере» Навои Искандер — мудрец, великодушный шах, благородный человек. Таким изображен он и в поэме «Искандер-наме» Низами, в «Зерцале Искандера» Амира Хосрова Дехлеви и в «Книге мудрости Искандера» Абдурахмана Джамии.

Образ Александра Македонского был популярен в казахских сказаниях, легендах, преданиях. Сказка о рогатом хане считается версией сказки об Искандере: хан родился двурогим, но об этом знает только его цирюльник. Однажды тайна раскрылась, и враги отрубили рог. Живая вода не помогла хану, он умирает [7; 8. С. 162]. Однако в фольклоре отсутствует критическое осмысление образа Искандера, и лишь когда к этому сюжету стали обращаться представители письменной литературы — Ч. Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, он получил своеобразную оригинальную трактовку [9. С. 85; 10. С. 44—46; 11. С. 319—325].

М. Ауэзов писал, что «подлинно бесценным вкладом явились рассказы, сказки, сказания — великое наследие древнейших классиков-поэтов. Как пример можно привести „Рустам-батыр“ из „Шах-наме“ классика таджикской литературы Абилкаси́ма Фирдоуси. Воспетые во главе с Фирдоуси и другими поэтами-классиками „Юсуф и Зулейха“ или позднее воспетые азербайджанскими и узбекскими поэтами „Лейли и Меджнун“, „Фархад и Ширин“, „Ескендер“, „Бахрамгур и Фитна“ распространяются как народные предания и рассказы. Некоторые из них оригинально переплетаются с событиями казахских сказок, рассказы-ваемых с древнейших времен, другие превращаются в казахские предания, повествующие о жизни указанных восточных поэтов-классиков» [12. С. 336].

Займствованный литературный сюжет на иной национальной почве обретает новые черты. Это относится и к сюжету об Искандере в одноименной поэме Абая [13. С. 446; 14. С. 178—193; 15. С. 306—313; 16. С. 57—58; 17. С. 131; 18]. По утверждению М. О. Ауэзова, «в пору зрелости отношение Абая к Навои и Низами не имело подражательного характера. Он воспринимал их творчески, критически. Достаточно напомнить, что в поэму „Искандер“ он ввел вместо образа пророка Хызра у Низами образ Аристотеля, а самого Искандера (Александра Македонского) развенчал и показал как алчного завоевателя» [12. С. 330].

Абай, вероятно, знал фольклорные сюжеты, где рассказывается с рогом царя Искандере. Один из них, записанный в прошлом веке Д. И. Эварницким, был опубликован в газете «Дала уалаятын газеті» [7]. Другая, аналогичная по содержанию, сказка была записана Г. Потаниным [8. С. 162].

В этих казахских сказках говорится о том, что после раскрытия тайны уродства царя Искандера он умирает. А в письменной поэзии казахов, в частности в произведении Абая, была разработана история о роковой глазничной кости царя, что объясняется влиянием поэмы Низами. Подобный сюжет есть в «Талмуде» и в европейской «Александрии» [19].

Как известно, две стихотворные повести на эту тему имеются и у В. А. Жуковского [20. С. 438—439]. Абай, знакомивший своих соплеменников с произведениями Пушкина, Лермонтова, Крылова, не мог не прочитать произведения В. А. Жуковского. Академик З. А. Ахметов отмечает: «Как бы там ни было, факт совпадения произведений Абая и Жуковского налицо. Таким образом, в двух поэмах („Масгуд“ и „Искандер“) обращение Абая к сказочным сюжетам, которые обычно связываются с восточной литературной традицией, перекликается с фактом и русской литературы» [21. С. 78]. По утверждению фольклориста С. Каскабасова, абаевский «Искандер» восходит к казахским сказкам об Искандере и стихотворной повести В. А. Жуковского об Александре Македонском [22. С. 66—70].

По нашему мнению, эпизод с глазничной костью взят Абаем непосредственно из «Искандер-наме» Низами. Если у Низами это притча о чудесном камешке, то у Абая это притча о глазничной кости, использованная автором для сближения современного ему общества. «Смысл сюжета одинаков у Низами и Абая, это — напоминание о неизбежности смерти и тщетности завоевательских устремлений Искандера, осуждение его алчности» [23. С. 116]. Первыми книгами, с которыми познакомился Абай в годы учебы в медресе, были произведения Фирдоуси, Низами, Саади, Физули, Навои и др. Первое стихотворение поэта начинается словами:

Фзули, Шэмен, Сайхалы,
Навои, Сагди, Фирдоуси,
Хожа-Хафиз бу пэммэси
Мэдет бер я шагири фарияд.

«При этом Абай следовал узаконенной в восточной поэзии древней традиции „Назира“, в силу которой поэт по-новому раскрывает сюжет и темы своих предшественников... Сам Абай в плане такого перепева говорит в своей поэме „Искандер“ об Искандере и Аристотеле, следуя в этом примеру азербайджанского классика Низами и узбекского — Навои» [24. С. 29—30].

Многие исследователи считают «Искандера» Абая поэмой, хотя это произведение можно, на наш взгляд, считать и поэтической притчей. Абай не ставил перед собой задачу написать поэму, ибо этот жанр не существовал тогда в казахской поэзии. В народе были популярны сюжетные стихотворения, сказания. Исполняя их, акыны и жырау сопровождали декламацию игрой на домбре. Свои основные произведения казахские поэты предназначали слушателям, воспитанным в традициях устной народной литературы. Поэтому и Абай придал своему произведению характер устного сказания [25. С. 324].

Идеальный шах из восточных «Александрий» не был широко известен в казахских степях. Абай по-новому трактовал образ Александра Македонского — героя восточной литературы. В его поэме рассказывается история о глазничной кости, которая, как отмечают исследователи, «заимствована ... из сюжета о маленьком камне в поэме Низами и творчески им переработана» [23. С. 112].

Абай творчески относился к восточной поэзии, к древней и современной ему культуре Ближнего Востока. «Он знал в подлинниках (частично в переводе на чагатайский язык) и арабо-иранский религиозно-героический эпос, и классиков Востока—Фирдоуси, Саади, Хафиза, Навои, Физули. В молодости он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер „аруз“ и множество арабо-персидских слов, заимствованных из поэтической лексики этих классиков» [26. С. 17—18].

Создавая поэму «Искандер», Абай обратился к «Искандер-наме» Низами как к основному источнику сюжетных мотивов. Абай не стремился создать образ идеального правителя. Если в первой части поэмы Низами Искандер предстает как грозный завоеватель, то во второй части он — философ, мудрец. Казахского поэта не привлекал образ просвещенного монарха. Абай был сыном своего времени и считал необходимым через традиционный образ восточной поэзии выразить свои мысли о сущности власти, о смысле жизни.

Сюжет казахской поэмы близок к сюжету источника, но образ Искандера трактуется с совершенно иных идейно-философских позиций.

Поэма Абая «Искандер» состоит из 168 строк. Это не назира — поэтический ответ на «Искандер-наме» Низами. Казахский поэт не обращается к себе, как его великий предшественник, он не говорит о жизненных невзгодах, об одиночестве, болезни, семье. Произведение построено в более реалистическом плане.

Еще до Абая данный сюжет был широко распространен в казахских степях, а некоторые из произведений даже были опубликованы [27. С. 373—378]. Не исключено, что казахский поэт был знаком с этим текстом еще в изустных вариантах. Однако предание было записано Д. Эварницким в Средней Азии от казахов в Голодной степи [28. С. 3].

В поэме рассказывается лишь об одном из походов Александра Македонского. Очень многие эпизоды, имеющиеся в поэме Низами, у казахского поэта отсутствуют. Если в устных вариантах казахских легенд об Искандере было много фантастических элементов, то в стихотворном рассказе Абая описываются исторические факты, воссоздаются реальные черты жестокого, несправедливого завоевателя.

«Искандер» Абая написан литературным языком, он доступен и понятен каждому читателю.

Искандер для Абая не философ, не полководец, не идеальный правитель, а кровожадный, алчный властелин, хвастливый искатель славы. Честолюбивый покоритель народов, герой Абая ни перед чем не останавливается для достижения своей цели. Он нападал на сопредельные страны, «проливал кровь, как речную воду». Поэт пишет об этом лаконично, всего в двадцати четырех стихотворных строках, но дает глубокую характеристику тирана.

Начало «Искандера» Абая подобно началу поэмы Низами: греческий полководец «беспощаден, смел, кровожаден и зол».

Ярко обрисован у Абая образ Аристотеля, мудрость и гуманизм которого противостоят жестокости и несправедливости Искандера. Устами греческого философа Абай страстно призывает к добру, протестует против алчности, зла.

Впечатляет в произведении казахского поэта разговор Искандера с Аристотелем. Сила и власть побеждены разумом.

И в своей назидательной прозе — афоризмах, дидактических рассказах, философских этюдах Абай остается гуманистом, просветителем, демократом, любящим свой народ беспредельно и глубоко. Литературная ценность «записных книжек» Абая весьма высока, они органично сливаются, перекликаются с его прекрасной поэзией. Проза Абая — это диалог писателя со своим внутренним «я», с читателем. Поэт остро бичевал и в стихах, и в прозе феодально-патриархальный уклад, самовластье баев, царских чиновников. Передовые идеи русских революционных демократов он нес в казахскую степь. «Трудящийся только для себя — уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для человечества» [29. С. 387—388].

В своей гражданской лирике Абай острой сатирой бичевал степных феодалов, старейшин родов, царизм.

Поэт заключает свой «недлинный рассказ» об Искандере тремя строфами-выводами, обращенными к народу:

Жизнь кратка, поманит — и уже ушла.
 Говори, встретив радость, не «есть» — «была».
 Если совесть и честь, как товар, продал,
 Презренны и слова твои, и дела.
 Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
 Окружаешь себя толпою льстецов.
 Но на шаг отошел — и осмеян ты, —
 «Вот, скажут, бесчестный, и сроду таков!»
 Ничтожные любят себя похвалить, —
 Где достоинства нет, нельзя прикупить!
 Говорить о цене своей надо ль тебе?
 Если есть в тебе свет, он будет светить [29. С. 297].

Исследователь творчества Абая, М. С. Сильченко писал, что «классические восточные поэмы и городские новеллы, откуда черпал Абай сюжеты и образы, вели казахского поэта к поискам новых эпических и лирико-эпических жанров». Его не могли уже удовлетворить только одни

лирические песни и стихи. Запас жизненных наблюдений, богатство идейных исканий Абая требовали больших литературных форм.

«Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме» в этом отношении были творческой находкой автора. Это — прообразы поэмы, которая голько еще формировалась как жанр в казахской литературе, богатой народно-эпическими произведениями или заимствованными касса и хикая. А вместе с тем эти произведения Абая по существу далеки от поэмы, являются отрицанием ее классических черт. «Особенности времени их создания наложили свой отпечаток» [17. С. 141].

Ученик Абая, поэт Турмагамбет Изтлеуов также часто обращался к восточным сюжетам, которые переложил в традициях казахской письменной литературы. Его поэма «Рустем-Дастан» создана по мотивам «Шахнамэ» Фирдоуси [30. С. 143].

Классическая литература Востока оставила глубокий след в произведениях казахского поэта, творчески относившегося к лучшим ее образцам.

В стихотворении «Неумирающий труд» он писал:

...Адамзат дүниеден өткенменен,
Кейінге сөз қалады, кеуде—сасыр.
Фирдоуси, Навои мен Низамилер
Өшпестей енбек жазды назым-насыр.
Солардың асыл сөзін назым еттім,
Естіген қайран калып басын қасыр.

Люди уходят из этого мира,
После них остаются слова,
Фирдоуси, Навои и Низами
Создали гениальную поэзию и прозу,
Вдохновляясь словами их, писал я стихи,
Кто услышит, останется поражен.

(Подстрочный перевод)

Для казахского фольклора характерен статичный образ Александра Македонского (Ескендр Зулкар-Наин), в письменной же литературе он претерпел эволюцию. У Т. Изтлеуова в стихотворении «хикая» «Искандер» повествуется о последнем эпизоде из жизни греческого полководца. В первых шестнадцати строках поэт говорит о том, что встреча истинных друзей—праздник, требующий душевной щедрости, сплоченности, призывает слушателей быть всегда вместе с народом, жить в мире. Далее следует рассказ об Искандере. Стихотворение состоит из сорока двух строк, написано в жанре газели, популярном в казахской письменной поэзии с XIX в. благодаря творчеству Абая.

Рассказывая о ранней смерти Искандера, казахский поэт хочет добиться, чтобы слушатели и читатели пережили момент духовного очищения, катарсис. В стихотворении говорится о том, что «Искандер до своей смерти не знал покоя, Восток и Запад обошел, люди называли его двурогим».

Яжуз бен Мажузды қойдан қырып
Қасқырдай қанға бояп кеткен қырып.
Сол сапар кешікпей-ақ өзі де өліп,
Аспанға қанды қолын жатты ұсынып [31. С. 233].

Китай и Индию он окружил, как баранов,
И, как волк, напал на них и уничтожил,

Теперь он сам прощается с жизнью,
Его кровавая рука была высунута из гроба.

Об этом писал и Низами: «Искандер в последний раз улыбается восходящему солнцу и умирает. Его везут хоронить в Александрию; одна рука его высунута из гроба, в ней горсть праха. Это означает: большего никто с собой из этого мира не возьмет» [5. С. 228]. В описании Т. Изтлеуова в руке Искандера и горсти праха не было. Эта деталь еще более усиливала критику завоевательских походов Искандера. «Извлеки из этого урок, — будь добрым, милосердным, не будь жестоким, жизнь — базар, и все мы уйдем в потусторонний мир, держи свое оружие крепко, с осторожностью, не проводи жизнь попусту» — такими словами заключает поэт свое стихотворение. Этот сюжетный ход — новаторский прием казахского поэта. Взглядам читателей начала XX в. отвечал именно такой обобщенный образ Искандера, переплетающийся с реалистическим изображением Искандера в казахской письменной поэзии.

Глубокий гуманизм Низами, величайшая притягательная сила его поэтического искусства издавна привлекали многих казахских поэтов. Но, обращаясь к его творчеству, они оставались глубоко национальными поэтами, создавали подлинно оригинальные произведения, ставшие литературной классикой казахского народа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Алиев Г. Ю. Персоязычная литература Индии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
- ² Подробно об этом см.: Алиев Г. Ю. «Пятёрница» Амира Хосрова Дехлеви и международные литературные связи в XIV—XVI вв. // Литературы Индии. М., 1973.
- ³ История казахской литературы: В 3 т. Алма-Ата, 1968. Т. 1: Казахский фольклор.
- ⁴ Алтынсарин И. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957.
- ⁵ Бергельс Е. Э. Низами: Творческий путь. М., 1956.
- ⁶ Сагпаева Ш. К. Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX в. Алма-Ата, 1972.
- ⁷ Дала уалаятынын газеті. 1885. 5 февр.
- ⁸ Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972.
- ⁹ Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
- ¹⁰ Алтынсарин И. Избранные сочинения. Алма-Ата, 1955.
- ¹¹ Абай Кунанбаев. Полное собрание сочинений: В 2 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1: Стихи и поэмы.
- ¹² Ауэзов М. О. Мысли разных лет: По литературным тропам. Алма-Ата, 1961.
- ¹³ См.: Қазақ әдебиетінің тарихы. Алматы, 1961. Т. 11.
- ¹⁴ Ауэзов М. О. Абай Кунанбаев: Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967.
- ¹⁵ Жумалиев К. XVIII—XIX ғасырлардағы қазақ әдебиеті. Алматы, 1967.
- ¹⁶ Дюсенбаев И. Т. Проблемы изучения истории казахской литературы дореволюционного периода (XVIII, XIX и начало XX века): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1967.
- ¹⁷ Сильченко М. С. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957.
- ¹⁸ Каскабасов С. Ескендір туралы қазақ ертегілері және Абайдың «Ескендір» поэмасы // Қазақстан мектебі. 1968. № 2.
- ¹⁹ Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной фольклорной традиции.
- ²⁰ Жуковский В. А. Две повести // Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1959. Т. 2.
- ²¹ Ахметов З. А. Современное развитие и традиции казахской литературы. Алма-Ата, 1978.
- ²² Каскабасов С. Казахские сказки об Искандере и поэма «Искандер» Абая // Қазақстан мектебі. 1. 1968. № 2.
- ²³ Сагпаева Ш. К. Казахская литература и Восток. Алма-Ата, 1982.
- ²⁴ Ауэзов М. О. Предисловие // Абай Кунанбаев. Стихотворения, поэмы, проза / Пер. с каз. М.: Гослитиздат, 1954.
- ²⁵ Абай (Ибраһим) Кунанбаев шығармаларының екінші томдық жинағы. Бірінші том өлеңдер мен поэмалар Қазақ ССР-інің. Алматы, 1977.

²⁶ Жизнь и творчество Абая: Сб. статей. Алма-Ата, 1964.

²⁷ Саркин Н. Я. Киргизское стихотворение об Александре Македонском//Изв. О-ва археол., ист. и этногр. 1905. Т. 21, вып. 4.

²⁸ Эварницкий Д. И. Чем побеждал Александр Македонский своих врагов//Киргиз. степ. газ. 1985. № 5.

²⁹ Абай Кунанбаев. Стихотворения, поэмы, проза/Пер. с каз. М., 1954.

³⁰ Кумисбаев У. Турмагамбет Изтлеуов и его «Рустем-Дастан». Алма-Ата, 1982.

³¹ Яжуз—Китай, Мажуз—Индокитай: Турмагамбет Изтлеуов. Назым шығармалары (толықтырылып екінші рет басылуы) «Жазушы» баспасы. Алматы, 1982.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. АБИЛХАСИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Исследование истории казахского литературного языка, по существу, началось в 50-х годах. Первоначально усилия языковедов Казахстана были направлены главным образом на определение диалектной базы литературного языка и его источников, выяснение отношения казахского языка к языку древних тюркских письменных памятников, изучение роли классиков казахской литературы в формировании национального литературного языка.

Только к концу 50-х годов казахские языковеды вплотную приступили к лингвистическому описанию отдельных памятников литературного языка. В монографическом плане исследовался язык произведений Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, казахской периодической печати второй половины XIX—нач. XX в., а также отдельных произведений устного народного творчества и акынов. Вышли из печати обобщающие работы по истории литературного языка [1—5]. Насущным проблемам истории литературного языка была посвящена научно-теоретическая конференция, проведенная в 1985 г. Тем не менее история казахского литературного языка, освещающая состояние литературного языка на разных этапах его развития, до сих пор не создана.

Среди казахских языковедов по-прежнему существуют разногласия относительно периодов формирования казахского литературного языка и его хронологии. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что, во-первых, еще не изучены все памятники литературного языка, отражающие тот или иной период его истории; во-вторых, каждый исследователь дает свою формулировку самого литературного языка.

Так, например, М. Балакаев, Т. Кордабаев и ряд других считают, что «литературный язык — это высшая форма общенародного языка с разнообразными общественными функциями, которая имеет общие для всех нормы, установленные через письменную литературу и дифференцированные на стилистические разветвления» [6]. Но это само по себе правильное определение применимо только к современному казахскому литературному языку. Если бы мы придерживались одного этого определения, то пришлось бы признать, что казахский язык стал литературным только в советское время и его история началась лишь с 30-х годов нынешнего столетия.

Если же принять, что литературный язык — историческое явление, то каждому периоду его развития должно соответствовать свое определение. Не все признаки современного литературного языка могли в полном объеме существовать в донациональном периоде.

Относительно истории русского литературного языка А. И. Горшков писал: «...перечисленные выше признаки (т. е. полифункциональность, стилевая дифференциация, стабильность, традиционность. — Б. А.) во всей их совокупности присущи лишь современному русскому литературному языку, а на протяжении всей его истории от XI в. до пушкинской эпохи они „в полном комплекте“ не обнаруживаются. В связи с этим некоторые ученые вместо того, чтобы учесть историческую ограниченность описанного выше понимания литературного языка как явления, обладающего перечисленными признаками, предпочитают ограничить эпохой национального развития само понятие литературного языка и заявляют, что в донациональную эпоху не было русского литературного языка, а был лишь русский „письменный“ язык. На антиисторизм и несостоятельность такой позиции указал В. В. Виноградов, об этом же пишет и Ф. П. Филин» [7. С. 21].

Нам кажется, что определение литературного языка как языка «образцового, нормализованного, нормы которого воспринимаются как „правильные“ и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию», данное О. С. Ахмановой [8. С. 220], является наиболее приемлемым. Что касается других признаков, не указанных здесь, то они исторически изменчивы, не всегда обязательны для всех периодов истории литературного языка того или иного народа. При определении литературного языка на различных этапах его развития должны учитываться его социальная функция, сфера распространения и другие экстралингвистические факторы.

Как известно, казахский народ, носитель единого казахского языка, имеющего разговорную и устно-литературную форму, сложился в результате консолидации родов и племен в XV в. [9. С. 281]. В силу множества объективных факторов в казахской степи задолго до появления казахской народности на протяжении многих веков был распространен среднеазиатско-тюркский литературный (так называемый чагатайский) язык, одинаково понятный всем грамотным носителям ряда тюркских наречий. Рассматриваемый язык не во все времена был однородным. Начиная с XIV—XVI вв. в результате образования самостоятельных народов и их языков он распался на локальные варианты [10. С. 40—41].

По мнению М. З. Закиева, «...пользование им (т. е. старотюркским письменным языком.—Б. А.) отдельными народностями приводит, естественно, к тому, что он с течением времени в какой-то степени все же начинает обогащаться за счет локальных особенностей разговорного языка. Таким образом, в XV—XVI вв. образуются локальные варианты старотюркского литературного языка, получившие впоследствии соответственно наименования: староузбекский, старотурецкий, староозербайджанский, старотатарский, старотуркменский письменные литературные языки» [11. С. 10].

Казахи на протяжении длительного времени также использовали в качестве письменного литературного языка чагатайский язык, являвшийся в определенной степени нормированным и обязательным для многих тюркских народов языком. Казахские авторы, создававшие свои произведения на этом языке, вносили в его лексику и грамматику элементы разговорной речи того времени, в котором они жили. Таким образом, в литературном обиходе казахского общества формировался еще один локальный вариант тюркского литературного языка. Однако мы крайне редко встречаем образцы этого языка. Не сохранились в письменном виде сочинения даже известных казахских акынов — жырау XV—XVIII вв.

Тем не менее в архивах имеются некоторые образцы деловой речи (ярлыки, переписки, шеджере и др.), характеризующие письменный литературный язык той поры. А это значит, что у казахского народа в древности было немало памятников письменности, которые ждут своего открытия и научного описания.

Без сомнения, в языке этих документов нашли отражение орфографическая традиция, некоторые морфологические формы, устоявшиеся словосочетания и единичные лексемы среднеазиатского тюркского литературного языка, однако основу их составляют исконно казахские слова и грамматический строй казахского языка.

Ф. П. Филин справедливо замечает: «Если мы признаем существование в донациональное время письменно оформленных литератур (художественных, деловых, религиозных и иных произведений), язык которых не тождествен необработанной обиходно-бытовой речи, мы должны признать и наличие особых средств их выражения — литературных языков» [12. С. 138—139].

Следует отметить, что параллельно староказахскому письменному литературному языку функционировал казахский устный литературный язык. Этот язык был высшей формой общенародного разговорного языка. В течение веков, постоянно шлифуясь в устах одаренных жырау и поэтов, он превратился в достояние всего народа. Казахская поэзия, будучи основным источником устного литературного языка, выполняла не только эстетическую функцию, она была также инструментом дипломатии, правовых решений, выразителем народных обрядов и традиций. Так было в XVI—XVIII вв., так было и в первой половине XIX в. Шедевры поэзии, хранившиеся народом и передававшиеся от поколения к поколению устным путем, должны, на наш взгляд, рассматриваться отдельно от образцов устного народного творчества (от фольклора) как одна из разновидностей староказахского литературного языка.

Устный литературный язык был языком нормированным и выполнял определенные общественные функции, он был наддиалектным.

Таким образом, до образования национального казахского письменного литературного языка в казахском обществе параллельно существовало два литературных языка: письменный, во многом сохранивший традиции среднеазиатского литературного языка, и устный, обогатившийся за счет языка произведений устного народного творчества и разговорного.

При создании национального литературного языка казахские просветители предпочли последний, т. е. он стал основой нового письменного литературного языка.

Тем не менее отдельные ученые не хотят признать данный факт. Так, татарский ученый Ф. С. Фасеев пишет: «Поскольку в Казахстане население этнически было более однородным, то там чисто служебный характер старотюркского тюрки не вызывает сомнения. Он, будучи старотатарско-тюркским по основным своим параметрам, уже в XVIII в. отражал и осваивал в себе ряд казахских элементов: местные реалии, титулы, термины, личные имена и топонимы. Далее, в XIX в., обогащаясь казахскими фонетическо-лексическо-грамматическими элементами, этот служебный старотатарский превращался постепенно в деловое казахское письмо, а затем в применении к другим сферам (периодическая печать, записи казахского фольклора, письменная поэзия, учебники...) к концу XIX в. стал собственно казахским старописьменным языком» [13. С. 22, 37].

Автор считает, что до конца XIX в. в Казахстане функционировал

как литературный язык «старотатарский тюрки». Чем он руководствовался при этом, какими материалами располагал, нам не понятно.

Действительно, в деловых документах XVII—XVIII вв. встречаются отдельные элементы старотатарского (вернее, старотюркского) языка, так как по традиции их писали татарские и башкирские писцы (писари), состоящие при казахских ханах и султанах. Но это не означает, что документы писались ими на старотатарском литературном языке.

На самом же деле, следуя традициям среднеазиатского общетюркского литературного языка, казахи задолго до XIX в. создали свой письменно-литературный язык, на котором составлялись официальные документы (ярлыки, переписки, законодательные акты, прошения и т. д.), сочинялись исторические произведения типа шеджере (родословной). Их язык нельзя отождествлять ни с чагатайским, ни с татарским. Чтобы убедиться в этом, проанализируем с лингвистической точки зрения документ XVIII в., сохранившийся в архиве. Это письмо султана Аблая к генералу А. М. Сухареву, датированное 1745 г.

Язык документа прост и доступен современному читателю. Стиль письма полуофициальный, в нем почти нет трудных, вычурных оборотов, мысль его ясна. После традиционных обращений к адресату, сопровождающихся многочисленными эпитетами типа *ғизатлу*, *хұрметлу*, *меруетлу*, *дәулетлу*, *шауқетлу*, *барчаға рахымлы*, автор приступает к изложению своей основной просьбы.

В тексте редко встречаются древние формы, отличные от норм современного казахского литературного языка, и арабские и персидские заимствования. По нашим подсчетам, в письме всего 180 слов (с учетом повторений), 120 или 67% из которых — собственно казахские слова, 36 или 20% — слова арабского и персидского происхождения, остальные же 13% — это ономастические названия и русские слова. Очень много в письме чисто казахских оборотов: *рахым қылу* 'проявить милосердие', *пайда табу* 'извлекать пользу', *тауба қылу* 'раскаяться', *құл болу* 'стать рабом', *көптен көп дұғай сәлем* 'многократный привет', *есен-аман* 'живы-здоровы' и т. п.

Вместе с тем орфография и грамматический строй языка этого письма сохранили традиции тюркского литературного языка. К ним относятся:

1) употребление букв Ш, И, Қ вместо С, Ж, Г: *баш* 'голова', *қаршылық* 'сопротивление', *йоғары* 'выше', *йікіт* 'парень', *декен* 'называемый' и т. д.;

2) использование губных гласных Ұ, Ү в конечных слогах слова вместо ожидаемых узких гласных Ы, І независимо от губной гармонии: *табмадұқ* 'не нашли', *қылдұқ* 'делали', *баш салұб* 'подчиняясь';

3) употребление варианта аффикса исходного падежа *дын//дін* вместо современного *дан//ден*: *сұлтандын* 'от султана', *қылыб йаткандын* 'из-за сделанного';

4) употребление вопросительной частицы *ма//ме* в форме *му: қыласыздар му?* 'делаете ли?';

5) передача значения соединительного союза послелогом *бірле*: *қалмақ бірле қазақ...* 'калмыки и казахи', а иногда словом *йана*: *Есдаулет йана йолдашы* 'Есдаулет и его товарищ'.

В письме немало фонетических и грамматических черт, характерных для казахского языка. Так, написание по традиции чагатайского письма Ш, И, где слышатся С, Ж, соблюдается не всегда, кое-где употребляются С, Ж. Например, *ескі* 'старый', *салу* 'положить', *сіз* 'Вы', *Жаулыбай* — имя человека и т. п. Личные местоимения и формы лич-

ного окончания глагола полностью совпадают с их вариантами, встречающимися в современном казахском языке: мен, сен, ол, біз, мың//мІн, сыз//сіз, мыз//міз, сыздар//сіздер: *Біз мұнда есен аман тұрамыз шүкір аллаға сіз онда есен аман болуңыз* 'Мы здесь находимся, слава богу, живы-здоровы, и Вы там будьте живыми и здоровыми'. Причастия прошедшего времени во всех случаях встречаются в форме *ған/ген: йат-ған, айт-қан*. Наряду с персидским соединительным союзом *ya* часто встречается и казахский союз *йана* 'и': *Ешдәулет йана йолдашы...* 'Есдаулет и его товарищ'.

Вызывают возражения и другие утверждения Ф. С. Фасеева. Почему этническая однородность населения Казахстана служит подтверждением «чисто служебного характера старотатарского тюрки»? Не совсем уместен и понятен также термин «старотатарский тюрки». В тюркологической литературе под тюрки подразумевали обычно письменный литературный язык, функционировавший до образования старотатарского, староазербайджанского, старойгуурского и других языков тюркских народов, а иногда и как синоним «чагатайского языка».

Мы поддерживаем предложение Э. Р. Тенишева относительно восстановления термина «чагатайский язык», ограничив начало развития староузбекского языка более поздним периодом, а также тезис о возможности существования в донациональный период нескольких вариантов литературного языка.

Что касается идеи о создании исторической грамматики литературного языка, то она весьма интересна и заслуживает внимательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балақаев М., Сыздықова Р., Жанпейісов Е. Қазақ әдеби тілінің тарихы (оқулық). Алматы, 1976.
2. Өмірәлиев Қ. XV—XIX ғасырлардағы қазақ поэзиясының тілі. Алматы, 1976.
3. Исаев С. Қазақ әдеби тілінің совет дәуірінде дамуы. Алматы, 1973.
4. Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. Алматы, 1982.
5. Сыздықова Р. XVIII—XIX ғғ. Қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1984.
6. Балақаев М. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары. Алматы, 1984. 296.
7. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
9. История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2.
10. Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969. Ч. 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка.
11. Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков//Сов. тюркология. 1975. № 5.
12. Филин Ф. П. Литературный язык как историческая категория//Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания. (11—16 нояб. 1974). М., 1974.
13. См.: Старотатарская деловая письменность XVIII века. Казань, 1982.

Е. Х. ЖУБАНОВ

О ПРИРОДЕ КАЗАХСКОГО НАДДИАЛЕКТА И ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Всякий раз, когда речь шла об отношении языка казахского фольклора к литературному языку, большинство исследователей единогласно отмечали, что язык произведений устного народного творчества является «литературным». Но при этом никто из них в открытую не признавал, что язык фольклора представляет собой своеобразную устоявшуюся структуру, оправданную веками и развивавшуюся по собственным литературным законам.

Не было единомыслия и среди тех, кто вообще отрицает существование бесписьменной формы литературного языка, разновидностью которой является тот же поэтический язык казахов, который функционировал в рамках устно-народной литературной традиции. Одни из них вроде бы и разделяют точку зрения, согласно которой фольклорные образцы, будучи образно-эмоциональными, обладают присущими только им средствами обрисовки персонажа, пользуются системой собственного поэтического слога и располагают лексической базой, достаточной для отражения идейно-целевых установок своей эпохи. Но, так как форма бытования этой литературы обусловлена изустной передачей поэтических родов от поколения к поколению, а степень устойчивости текста зависит от дара речи и способностей к импровизации сказителя, от навыков запоминания слушателями, т. е. от прочности хранения образцов в памяти народной, они всячески остерегаются причислять язык народно-поэтических жанров к разряду «литературно обработанных» форм речи.

Другие же противники фольклоризма вообще не принимают изустные творения за полноценную литературу, хотя признают, что устно-поэтические образцы плоть от плоти являются народными и представляют собой первоначальные формы словесности того или иного языкового коллектива.

Одним словом, как первых, так и вторых противников литературности фольклоризма «смущало» главным образом то, что процессы формирования устно-поэтического языка протекают, как бы минуя те сознательные вмешательства, которыми регулируется ход развития и совершенствования современного литературного языка.

Вышеизложенное, в сущности, не столь уж взаимоисключающе. Так, внимательно проследивая историю формирования и становления казахского литературного языка, мы легко можем обнаружить, что он (казахский литературный язык) своими лексическими пластами и стилистическими ресурсами восходит к казахскому общенародному языку.

А что касается устно-поэтической формы языка как «олитературенного варианта» коммуникативной речи, то и она, безусловно, выполняла роль донационального литературного языка для так называемого «фольклорного периода». В этом смысле недалек от истины и М. Тома-нов, когда полагает, что на ранних этапах истории казахского народа нормализация сложных языковых систем осуществлялась посредством устной народной литературы. Длительный процесс подобной обработки языка определил его произносительные нормы, — стабилизировались системы употребления как отдельно взятых слов, так и наиболее обиходных грамматических оформителей. По мнению М. Томанова, «...это еще не было зарождением казахского национального литературного языка, а являлось лишь одним из проявлений такового в донациональ-ный (вернес, кануна сложения нации) период. Но нет веских причин к тому, чтобы мы не рассматривали его в качестве литературного языка и, стало быть, не именовали „литературным языком“ как таковым» (Ка-зак әдебиеті. 1986. 25 мая).

Мифы, легенды и предания казахов ни по каким своим параметрам не сопоставимы с казахской письменной литературой позднего периода. Сокровища устно-поэтического искусства совершают иной путь творче-ского воплощения, чем произведения письменной литературы. Фольклор берет свое начало в том общении человека с дикой природой, когда необходимость «просуществовать» заставляет его преодолевать все силы окружающего мира, полные ужасов и непостижимых тайн. По-этому в языке фольклора широко представлены слова-образы, иноска-зания, симметрические повторения магических звуков, слогов и одно-коренных артикуляций, редупликация всевозможных элементов речи, сложносинтаксические целые, ритмические группы, различного рода параллелизмы, повторы отдельных фрагментов зачина и концовки на стыке периодов более или менее обширного произведения. Одним сло-вом, «...наши предки находили особое удовольствие в аллитерации, где одна и та же согласная повторяется снова и снова с частотой, которая казалась бы утомительной для современного вкуса» [1. С. 162].

Все перечисленные и другие метрические элементы образно-эмо-циональной речи благодаря многократному воспроизведению в устно-поэтической практике организуют своеобразную просодическую сис-тему древнейшей поэтики. Это и есть, по нашему мнению, главное дока-зательство нормированности языка дописьменной словесности, основан-ной на устно-литературных традициях.

Фольклор, вызванный к жизни общественной необходимостью, свои жанры и стилевые особенности формирует веками, шлифуя их через горнило языкового коллектива. Только в новых изменившихся условиях каноны фольклора переходят в другое состояние, начинают соотно-ситься с традициями иной речевой культуры. Так, например, для родо-начальников казахской письменной литературы параллелизмы изустной поэтики, завуалированное речение через аналогии, паратаксическое построение повествования, рассчитанное на психологическое воздей-ствие на слушателей, представляли своеобразный курс народной школы литературного мастерства. Такова была преемственность между казах-ской устно-поэтической традицией и письменной литературой.

Слово *фольклор* переводится как народная литература, а сам термин «литература» — по-казахски «әдебиет» — означает «асыл сөз», т. е. «изысканное слово». Но мы, без колебания относящие «изы-сканные слова» наших предков, дошедших до нас устно, к народной литературе, почему-то сомневаемся в том, что эта литература в свою бытность служила дописьменной формой литературного языка.

В конце 1984 г. Институт языкознания АН КазССР созвал конференцию, посвященную истории казахского литературного языка, где участвовали и представители вузов республики. В резолюции конференции говорится, что казахский народ сложился в XV в., стало быть, его литературный язык мог возникнуть только после этого времени. Поскольку последующие века характеризовались активным импровизаторским творчеством казахских сказителей — акынов и жырау, среди которых было немало известных личностей, одинаково популярных в казахско-ногайских традициях песнопения, началом фактического зарождения казахского литературного языка было рекомендовано считать именно эту поэтическую форму общественной коммуникативной речи. Что касается фольклорного периода устно-поэтического речеупотребления, то он оставался за чертой исторических рамок как донациональный этап художественной обработки языка.

В этой связи вызывает определенный интерес высказывание академика АН КазССР, доктора философских наук Ж. М. Абдильдина. Говоря о принципе конкретного историзма, по которому К. Маркс определил начало истории капитализма, ученый подчеркнул важность научного обоснования сущности самого предмета, прежде чем определять его историю. Так, для К. Маркса сущностью капитала было производство прибавочной стоимости, иными словами, капитализм есть товарное производство на той стадии развития, когда рабочая сила становится товаром. Подобно этому литературный язык является не просто фактором живого общения, а неким высоким уровнем в развитии общенародного языка, когда он (т. е. литературный язык) реально выступает средством творчества, базой для производства культуры и инструментом передачи культуры. Исходя из подобного обобщения Ж. М. Абдильдин заключает, что история казахского литературного языка в действительности начинается с XVII—XVIII вв., т. е. с творчества акынов и жырау того периода, ибо с этого момента казахский язык стал средством и формой творчества культуры и передачи этой культуры. А что касается фольклора, то «творцы» его безымянны, они слиты с народом, создавшим его. Тот, кто творил фольклор, еще не выделился исторически, он исторически не индивидуален, его миропонимание, субъективность еще не развиты, хотя фольклор, его язык являются истоком, фундаментом казахского литературного языка [2. С. 90—92].

Такой теоретический посыл довольно четко разграничивает пределы фольклорного и индивидуально-авторского речения и укрепляет во мнении, что донациональный этап формирования литературного языка не исключает, а, наоборот, предполагает изучение фольклорных истоков. Закономерности устно-поэтического речетворчества заслуживают интерпретации если не с точки зрения литературного языка, то всеобъемлюще, т. е. как проявления наддиалектных форм языка, вернее, его стратов, тем более что в новейших тюркологических работах эти два понятия соотносятся как взаимозаменяемые. Так, Э. Р. Тенишев пишет, что «одним из признаков, подтверждающих статус литературного языка, является наддиалектность, т. е. такая сумма языковых черт, которая не встречается ни в одном из диалектов» [3. С. 266].

По мнению специалистов, все предположения о статусе племенного диалекта на ранних ступенях родового строя преимущественно основываются на более или менее удачных гипотезах и реконструкциях. Дифференциации же разных сфер общения происходят гораздо позже, в связи с социальным расслоением, вызванным осложнением племенной организации, появлением жреческого сословия, выделением и обособле-

нием дружины и ее вождя, возникновением элементов имущественного неравенства и т. д. Именно в этот исторический период развития общества создаются первые формы функционально-стилевой стратификации.

Допускается существование, уже в этих исторических условиях, двух разновидностей наддиалектных обособлений от диалектной речи, закреплявшейся в обиходно-бытовой сфере. В первом случае обособление характеризует обработанные формы языка и связано с «высшими» сферами коммуникации — с устной поэзией, религиозным ритуалом, устным правом; преимущественно оно проявляется в наличии особых лексических пластов, в специальной фразеологии и чуждых разговорной речи синтаксических конструкциях; отмечается также архаический характер языка «высших» сфер коммуникации по сравнению с обиходной диалектной речью, обусловленный устойчивостью традиционных для данной сферы шаблонов и формул [4. С. 13; 5 С. 177].

Во втором случае обособление проявляется в сочетании разнодиалектных признаков или в отказе от узкорегиональных черт. При этом данный вариант наддиалектности не ограничен каким-либо функциональным уровнем: он встречается и в обработанных формах языка, сопровождая иногда функционально-стилистические обособления, но бытует и на уровне обиходно-бытовой сферы, выполняя функцию межплеменных разговорных койне. Как полагает М. М. Гухман, «на этой ступени функционального развития языка диалект начинает терять привилегии единственной формы речевой деятельности. Функциональные потенции диалекта остаются на уровне обиходно-разговорной речи. Но его социальный статус постепенно меняется: из доминирующей разговорно-бытовой формы общения всех или большинства слоев общества он постепенно „опускается“ до уровня средства общения ограниченных социальных групп, что и обусловило впоследствии его положение „низшего“ уровня в парадигме развитых национальных языков» [6. С. 15—16; 7. С. 132—135].

Характер и состав наддиалектных форм меняются, отражая качественные преобразования общественных отношений в виде всевозможных языков — койне начиная с античного мира и более поздних форм городских и областных полудиалектов, включая древние письменные языки типа классического арабского, и перерастая, наконец, в национальный литературный язык, используемый во всех сферах общения и обладающий кодифицированной нормой на всей территории данного социума.

В коллективной монографии «Типы наддиалектных форм языка», выполненной в соответствии с задачами «Проблемной комиссии по теории литературных языков», отмечается, что среди наддиалектных форм письменно-литературный язык, бесспорно, наиболее значимая и распространенная разновидность подобных образований, которая в функциональной парадигме занимает высший уровень. «В эпоху, предшествующую созданию письменности, этот уровень принадлежит устным обработанным формам — языку эпической поэзии. Тем самым по своим позициям в разновременных функциональных парадигмах эти образования подобны» [6. С. 307].

В свете изложенного перед казахскими лингвистами непочатый край работы по изучению состава народного устно-поэтического творения начиная с текстологических изысканий. Но пока казаховедами предприняты лишь первые, причем довольно робкие шаги. Для определения сути феномена нами предложен термин «көсем тіл», т. е. «язык-вожак», а А. И. Исхаковым — «төбе тіл» («язык-вышка»). Оба эти варианта, выражая смысл о «высоком стиле» фольклора, в какой-то

степени передают значение «наддиалекта». Однако относительно стратов собственно наддиалектных образований еще нет столь заметных разработок. Тем не менее мы располагаем богатым фондом народной словесности, жанровые структуры которой канонизированы по строгим традициям коллективного создания и коллективного хранения различных образцов. Именно эти творения донесли до наших дней установившиеся традиционно, но «оригинальные» по типу языковые штампы, особенные, присущие только устно-поэтическому искусству, древние, архаичные и исторически адаптированные лексико-грамматические образования, ажурные речеупотребления, изощренные синтаксические обороты. Все эти «вычурности» высокого стиля изустной поэтики в свое время регламентировали нормы употребительности компонентов орнаментальной речи. В языковой же практике всякое стремление к системности и литературному отбору словесных величин является фактором, ведущим к нормативности в сфере «высшей» коммуникации.

В стилистическом плане язык фольклора стоит значительно выше повседневно-бытовой речи. Как и письменно-литературный жанр публицистики, фольклорные жанры предназначаются для широких масс, вбирают в себя наиболее общую и устойчивую часть лексики зональных языков, занимают господствующее положение над всеми диалектными и другими социально-ограниченными типами «подъязыков».

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
2. Қазақ әдеби тілі тарихының проблемалары//Ғылыми-теориялық конференцияның материалдары. Алматы: Ғылым, 1987.
3. Тенишев Э. Р. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников//Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
4. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка Л.: Наука, 1970.
5. Она же. К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе//Энгельс и языкознание. М., 1972.
6. Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
7. Винокур Т. Г. [Рецензия]//Вопр. языкознания. 1984. № 1. Рец. на кн.: Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Ш. САДЫХОВ

СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ
В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
ЯЗЫКА

I. При разработке исторического синтаксиса азербайджанского языка важное значение приобретает изучение способов передачи прямой и косвенной речи, отражающих определенные стороны развития как письменного, так и устного литературного языка.

Материалы письменных памятников свидетельствуют о том, что форма прямой речи является более древней, и это вполне естественно, поскольку прямая речь является наиболее простой формой передачи чужих слов: вставка же чужих слов в авторское повествование значительно усложняет его. Достаточно подтверждений этому можно получить, если проследить в хронологической последовательности азербайджанские прозаические памятники. Например, в дастанах «Китаби Деде Коркуд» косвенной речи почти нет, а чужая речь передается только в прямой форме.

Дастаны «Китаби Деде Коркуд» отличаются чрезвычайным разнообразием способов передачи прямой речи, причем в них встречаются почти все наблюдаемые в современном азербайджанском языке способы и средства. Мы рассмотрим такие интересные способы передачи, которые, будучи в определенном смысле специфичными для языка «Китаби Деде Коркуд», отражают некоторые аспекты исторического развития языка, сохраняя при этом древние общетюркские особенности.

1. В дастанах для связи прямой речи с лицом, которому она адресуется, в большинстве случаев используются глаголы речи *ajut-* 'изрекать', *de-* 'говорить' и *söjlä-* 'рассказывать'. Причем после глаголов *ajut-* и *de-* прямая речь передается в основном в форме прозы, а после глагола *söjlä-* — в стихотворной. Глагол *de-* употребляется чаще, чем глаголы *ajut-* и *söjlä-*, а глагол *ajut-* позволяет достичь краткости и меткости прямой речи.

При выражении прямой речи в стихотворной форме перед ней в большинстве случаев употребляется выражение *söjlämiş, q'örälim, xanum, nä söjlämiş* 'говорил он, посмотрим, хан мой, что он говорил'.

В дастанах после выражения *söjlämiş, g'örälim, xanum, nä söjlämiş* (*söjlär, g'örälim, xanum, nä söjlär; söjlämiş, g'örälim, nä söjlämiş, söjlädi, g'örälim, xanum, nä söjlädi*) иногда употребляется и глагол *ajutmag*:

Ganly goža burada söjlämiş, g'örälim, xanum, nä söjlämiş.

Ajdyr:

— *Oyul! Sän varažag jerin
Dolamaž-dolamaž jollary olur.*

Garyžyg olmuş anany bozlatmaýy!—dedi (КДГ. 94) 'Ганлы-Годжа тут заговорил — посмотрим, хан мой, что он говорил: Сын, в тех местах, в которые ты поедешь, бывают извилистые-извилистые дороги.'

Не заставляй рыдать свою старушонку-мать!

Иногда *söjlämiş*, *ajdy* (*söjlädi*, *aidyr*) употребляются в сокращенной форме:

Bir däxi söjlädi, aidyr:

— *Gajtabanyn g'üdändä sarvanynam!*

Garaçoçun g'üdändä ilxuçynam!—dedi (КДГ. 138).

'Еще сказал он:

— Я погонщик, стерегущий вереницы твоих верблюдов!

Я табунщик, стерегущий (табуны) твоих богатых коней!

В. М. Жирмунский пишет: «Смешанный характер изложения в огузских „былинах“ может быть лучше всего выражен термином „петь и сказать“, имеющим широкое распространение в устной эпической поэзии западно-европейских народов (ср.: нем. *singen und sagen*, фр. *dire et chanter*)» [1. С. 243].

В современном туркменском языке сохранилось имя существительное *ajdym*, выступающее в значении «песня» [2. С. 53]. Иногда вместо слова *söjlä-* в выражении *söjlämiş*, *g'örälim*, *xanym*, *nä söylämiş* употребляется один из глаголов *xäbärläş-* 'расспрашивать', *ismarğa-* 'поручить', *öj-* 'хвалить', *jalvag-* 'умолять', и во всех этих случаях прямая речь выражается в стихотворной форме. Отмеченная особенность выявляется и в других азербайджанских дастанах. Обычно прямая речь, употребляемая после этих слов, передается стихотворением. Интересна семантика глагола *söjlämäk-*, который связывает прямую речь с авторской. Дело в том, что в первом дастане (*Dirsä han oğlu Buğaçyn bojunu bājan edär* 'Песнь о Бугач-хане, сыне Дирсе-хана') обращение Дирсе-хана к своей жене в форме стиха имеет название *söjlämä*, т. е. слово употреблено в качестве самостоятельного термина. И в некоторых современных тюркских языках слово *söjlämä* употребляется в значении «песня» [1. С. 243].

В памятнике «Китаби Деде Коркуд», за некоторым исключением, один из основных признаков стихотворного или прозаического выражения прямой речи — глагол *söjlä-*, употребляемый перед прямой речью.

II. Одной из особенностей выражения прямой речи является то, что после прямой речи, которая связана с авторским словом при помощи глаголов речи [*ajyt-* 'изрекать', *bujuğ-* 'повелевать', *söjlä-* (в значении «говори»)], употребляемых перед ней, приводится глагол речи *de-* 'говорить':

Täkur ajdyr:

— *Bu gatla üc jüz varyn! — dedi* (КДГ. 136).

Тагавор говорит:

— На сей раз пусть вас пойдет триста!

Иногда перед прямой речью вместе с выражением *söjlämiş*, *xanym* *g'örälim*, *nä söjlämiş* (*xäbärläşdi*, *g'örälim*, *xanym*, *nä xäbärläşdi*; *ismarlady*, *g'örälim*, *xanym*, *nežä ismarlady*; *öjmüş*, *g'örälim*, *xanym*, *nežä öj-müş*) употребляется и слово *ajytmag*. После прямой речи и в этом случае используется спрягаемая форма глагола *de-*:

Gazan burada çayuryb oyluna söjlär, g'örälim, xanym, nä söjlär.

Ajdyr:

Garadayym jüksäji oýul!

Garanqulu g'özlärim ajdyny oýul!

Alpym Uruz, aslanym Uruz!

Aysaggally babana gyjma oýul! — dedi (КДГ. 149).

‘Тут Казан громким голосом стал говорить своему сыну — посмотрим, хан мой, что он говорил:

— Вершина моей высокой горы—сын!

Свет моих омраченных очей — сын!

Витязь мой — Уруз!

Лев мой — Уруз!

Пожалей своего белобородого отца, сын!

В памятке в большинстве случаев ради стилия с помощью слова *de-*, употребляемого автором, прямая речь делится на части:

Ag'räk ajdur:

— G'älin varalym, dedi — tatalym! (КДГ. 137).

‘Эгрек говорит:

— Пойдемте схватим!’.

В других письменных памятниках азербайджанского языка эта особенность не встречается.

III. Одной из наиболее интересных сторон в передаче прямой речи в дастанах «Китаби Деде Коркуд» является то, что в них перед прямой речью, содержащей вопрос, слово *soguřmaq* ‘спросить’ или эквивалентные ему выражения не употребляются. Соответственно этому перед прямой речью, являющейся ответом на такой вопрос, не употребляется выражение *řavab vermäk* ‘отвечать’ или эквивалентные ему выражения. В обоих случаях дается слово *ajut-* ‘изрекать’:

Oýlap *ajdyr*:

— Mägä! Väjiniz oýlu kimdir?

Ajytdylar:

— Väjbüranyn oýlu vardyr. Adyna Bamsy derläř—*dedilär* (КДГ. 45).

‘Юноша говорил:

— Слушайте, кто сын вашего бека?

Они сказали:

— У Байбуры есть сын, его зовут Бамси’.

Независимо от способа передачи прямой речи в форме вопроса в авторской речи слова, содержащие вопрос, чаще всего не употребляются.

В рассматриваемом памятнике в редких случаях встречается выражение *sogmaq* ‘спросить’, причем прямая речь непосредственно после него не употребляется. После *sogmaq* дается *ajutmaq* ‘изрекать’ и только после него — прямая речь в виде вопроса:

Banuřiřäk jařmaglandy, häbär sordu. *Ajdyr*:

— Väj, q'äliřin gandan?

Bejräk *aidyr*:

— Iř Oýuzdan (КДГ. 47).

‘Бану-Чичек закрыла лицо яшмаком и спросила. Сказала:

— Бек, откуда ты родом?

Бейрек сказал:

— Из внутренних огузов’.

IV. Для связи прямой речи с глаголами речи, выступающими в начале как авторское слово, употребляется союз *ki//kim*, а после прямой речи — спрягаемая форма глагола *de*:

Häqq taala řäbrajilä bujurdu *kim*:

— Ja řäbrajil, var, řol guluma guryř äřzä güvvät verdim — dedi (КДГ. 130).

‘Всевышний дал повеление Гавриилу:

— О, Гавриил! Поди, тому рабу моему я дал силы сорока мужей’

V. Перед прямой речью употребляются слова — глаголы действия (keçirt- 'надевать', g'öndär- 'послать', сууа- 'гладить', бах- 'смотреть', adam sal- 'посылать ходатая (ев)', işarä et- 'намекнуть', žām elä- 'собрат', аула- 'плакать', g'äl- 'прибывать', peşiman ol- 'жалеть', ајауа дүүш- 'пасть в ноги', ver- 'давать', alğuş ver- 'приветствовать' и т. д.), обозначающие действие того лица, к которому относится прямая речь; затем следует прямая речь, произнесенная в связи с тем действием или для обозначения цели того действия, а в конце — спрягаемая форма глагола *de*. Например:

Täräg'özün päri anasy g'älib oylanyn barmayyna bir üzük keçirdi:
— Oğul! Sänä ox batmasyn! Täniñi gylyž käsmäsin! — dedi (КДГ. 114).

'Явилась пери — мать Тепегеза и надела на палец мальчика перстень:

— Сын, да не пронзит тебя стрела! Да не разрубит твоего тела меч! — сказала она';

(Säg'räk) ganly kafir äлиндән gardaşžuyyn dartyb aldy, ау saggally babasyna muştçu g'öndärdi:

— Babam mänä garşy g'älsin — dedi (КДГ. 139).

'(Сегрек) послал вестника радости к своему белобородому отцу (сообщив о том, что) вырвал своего брата из рук кровно враждебных гяуров:

— Пусть мой отец выйдет мне навстречу, — сказал он'.

VI. Перед прямой речью употребляются следующие глаголы речи: bujug- 'велеть', bujug et- 'велеть', ämr et- 'приказывать', and iç- 'клясться', dua gyl- 'молиться', distur ver- 'разрешить', хабәр ver- 'уведомлять', dilä- 'просить', danuş- 'говорить'. После них для раскрытия содержания этих глаголов дается прямая речь, а в конце — спрягаемая форма глагола *de* 'говорить':

Dün gatdy, anasy dujmadan äл алтында bujurdu: Doxsan tümän g'änž oğuz ardyмžа g'älsin! Oğlan dutsagdyr, bäjlär bilsin — dedi (КДГ. 77)
'Наступила ночь. [Казан] втайне от матери [юноши] приказал: Пусть идут за мной девятьсот молодых огузов! Пусть знают беки, что юноша в плену'; Aruz araja müshäf g'ätirdi, hamy bäjlär äл urub and içdilär: — Säñin dostuna dost, düşmäñinä düşmäñüz! — dedilär (КДГ. 152)

'Аруз принес Коран, все беки приложили руку, дали клятву:

— Твоему другу мы друзья, твоему врагу мы враги!

VII. Перед прямой речью употребляется собственное (иногда нарицательное) имя существительное, обозначающее лицо, к которому относится прямая речь; после прямой речи приведена спрягаемая форма глагола *de* 'говорить':

Dädä Gorqud:

— Oğul, Garžar, nä garşaşa edirsän? G'ötür a! Bu ismarladyyyn näsnädür. Nä öldün, böjlä бүкүлдүн? Simizin al, aryyyn go! — dedi (КДГ. 51)

'Дед Коркуд:

— Сын мой, Карджар! Чего ты поднимаешь шум? Принимай же, это то, что ты просил. Что случилось с тобой, что ты так огорчен? Жирных возьми, тощих оставь, — сказал';

Ata, ana:

— Janlyş хабәрdir, g'etmä, oğul! — dedilär (КДГ. 134).

'Отец и мать:

— Это ложная весть, не уходи, сын! — сказали'.

VIII. Внутри прямой речи употреблена другая прямая речь:

Banuçiçäk ajdyr:

— Hej, hej dəjälär! Babam mänä, män säni üzü nigably Bejräjä vermişäm — deyərdi. Olmaja kim, bu ola. Mərä, çayırın (g'älsin) xəbər-läsäjim — dedi (КДГ. 47).

‘Бану-Чичек говорит:

— Гей, гей, кормилицы! Мой отец говорил мне: «Я отдал тебя за Бейрека, с забралом на лице». Может быть, это он? Слушайте, позовите его, я его расспрошу’.

IX. Прямая речь, употребляемая внутри авторской речи или перед нею, соединяется с ней посредством спрягаемой формы глагола de- ‘говорить’, употребляемой после прямой речи: İcäri söhbätä g'irdi, distur dilädi, bəjlärä—*xoş galyñ!* — dedi (КДГ. 132) ‘Войдя внутрь, к собравшимся, он попросил прощения и сказал: — Счастливо вам оставаться, беки!’. *Gary düşmən, tatar oylu älimizä g'irmişkän zəzajlä öldürälim* — deyə, gary ešiji üzärindä ärguru gojmušlardy ki, bu mähäldä xan Gazan jetdi, gopur atyn ojnatty (КДГ. 78) ‘Его бросили поперек у ворот, говоря: «Воспользовавшись тем, что в наши руки попал сын старого врага-татарина, мы убьем его мученической (смертью)». В это время подоспел хан Газан, горяча своего каурого коня’.

Судя по приведенным примерам, в памятнике «Китаби Деде Коркуд» способы передачи прямой речи довольно специфичны.

Как уже отмечалось, в памятнике косвенная речь почти не употребляется, точнее, единственный раз приведенная косвенная речь не полностью сочетается с авторской речью:

Ganly Goža ajdyr:

— ...Bundan jeg'räji joxdur ki, g'özüm g'örärkän, oyl, g'äl, säni eväräjim — dedi.

Oylan ajdyr:

— Baba, çün mäni eväräjim dersän, mänä lajig gyz nežä olur?.. (КДГ. 92) ‘Танлы-Годжа говорит:

— ...Лучше всего, сын, давай поженю тебя, пока еще глядят мои глаза.

Юноша говорит:

— Отец, раз ты намерен женить меня [букв. раз ты говоришь поженить меня], [знаешь ли], какова подходящая мне девушка?’

Здесь предложение mäni eväräjim ‘женить меня’ является неудачной формой косвенной речи предложения säni eväräjim ‘женю тебя’.

М. Физули так же употреблял в основном прямую речь; косвенная речь у него встречается крайне редко, причем формы их передачи почти не отличаются от таковых в современном азербайджанском литературном языке. Прямая речь связывается с авторской речью в большинстве случаев с помощью глагола de- ‘говорить’:

Dedim:

— Ja äjjühäl-äshab! Bu nä fe'li-xäta vü çini-äbrudur?

Dedilär:

— Müttäsil bizim adätimiz budur (Физ. 2. 302)

‘[Я] сказал:

— Эй, вы, господа! Что вы так насупились?’

Ответили:

— Такова наша привычка с испокон веков’.

Чаще всего для связи прямой речи с глаголами речи и слуха, употребленными перед прямой речью в качестве авторских слов, используется союз ki:

Asnaji-mühavirät vä hijni-müsahebätdä dedi ki: — ...növbäti-rija-säti-ägalimi-süxän tädrižlä sänä jetmişdir... (Физ. 1. 43)

‘Во время ожидания и беседы сказал, что ... постепенно до тебя дошла очередь рассмотрения вершителей судьбы’; ...*bu ilhami isya gyldym ki: — Ej yafil, alämi-surät mäzhäri-sifati-ilahidir vä mähbiti-änvari-hüzuzati — namütänahidir* (Физ. 2.300)

‘Услышал эти небесные слова: О ты, беспечный, вся вселенная есть отражение божественное, и бесконечны его наслаждения и место освещения’.

Прямая речь, входящая в состав авторской речи, соединяется с ней при помощи спрягаемой формы глагола *de-* ‘говорить’, который следует после прямой речи: *Naçar mähmili-e'tibarimdä bu ibarä lazymdyr dejiv, zämani-tüfulijjätimdä sadir olub, mütäfärriq olan yäzällärdän bir müxtäsär divan zäm'etmäk sälahin g'ördüm* (Физ. 1. 44) ‘Волей-неволей предполагал, что понадобится, поэтому решил собирать разбросанные газели, которые написаны в отрочестве, и сложить из них краткий диван’.

Как уже отмечалось, в прозе М. Физули косвенная речь встречается очень редко и преимущественно в простой форме: *Vä bujurdu kim, minbä'd rütbeji—igtidaryn vä paeji—e'tibaryn zämi'i g'adalärdän, bälkä bähaimdän, daşdan vä torpagdan äxässü ädna BILÄ. Vä bihudä täsar-rüfi—bärät gylmajyb, märtäbäsindän xäbärdar OLa* (Физ. 2. 304).

‘И говорил, что, быть может, после этого сочтет мои достоинство и доверие ниже всех животных, камней и земли. И пусть напрасно не ждет получения милостыни и будет осведомленным’.

Так как прямая речь в приведенном примере переходит в косвенную, сказуемое, которое стоит во втором лице повелительного склонения, переходит в третье лицо желательного склонения. Конечно, нельзя сказать, что прямая речь подверглась значительным изменениям, однако тут примечательно само наличие подобного факта.

В тезкире «Шейх Сефи» и «Шухада-наме» (XVI в.) используются прямая и косвенная речь. Но и в этих памятниках прямая речь встречается чаще. Привлекает внимание и то, что между авторской и прямой речью очень редки союзы: *Şejx bujurdi, män täbiḥ deg'üläm kim, äläž ejläjäm* (ШС. 279) ‘Шейх заявил: Я не знаток, чтобы вылечить [тебя]; *Bujurdi ki, mänüm ilän Välidün evinädäk g'älün* (Шух. 160a) ‘[Он] велел: пройдите со мной до дома Валида’.

В обоих памятниках встречаются более простые формы косвенной речи. Прямая речь превращается в косвенную после замены в чужой речи глагольного сказуемого, выраженного вторым лицом, на третье лицо: *Xadiminä bujurdu kim, başmayunub bähasyñ versün* (ШС. 760) ‘[Он] велел [своему] слуге, чтобы дал стоимость [своего] башмака’; *Pađşah hökm etdi kim, ävväl Zäkärjany öldürsünlär* (Шух. 50a) ‘Падишах приказал, чтобы сначала убили Закария’.

Иногда в чужой речи заменяется и глагольное сказуемое, и лицо: *Çün häzrät şejx... säfärün äzimätinä durdi, gardaşyndän Xazä Sälahäddin Räsiddän iltimas gyldy kim, onunlän müvafigät ejläjüb analary janynä varälär* (ШС. 55) ‘Как [его] величество шейх ... стал отправляться в путешествие, просил у [своего] брата Хадже Селухеддин Решиди, чтобы вместе уехали к [своей] матери’.

Лишь однажды косвенная речь употребляется внутри прямой: *Anlar bu sözdä idilär ki, zäbrajil häzrät Mülk zälildän jetüb dedi, ja räsulallah, tanry täala säna sälam jetürüb bujurur ki, Fatimäjä söjlä ki, ol tojdä hazyr olsun* (Шух. 996). ‘В момент этого разговора Гавриил, прибыв от Мулк Джалила, сказал: О, посланец бога, господь бог тебе

привет посылает и велит, чтобы ты сказал Фатиме, чтобы [она] была готова к той свадьбе'.

В памятнике XVIII в. «Шахрияр» косвенной речи почти нет, а прямая передана при помощи разнообразных средств. Это свидетельствует о том, что в то время формы выражения прямой речи уже были совершенными. И в этом памятнике прямая речь в большинстве случаев употреблена после глаголов речи, мышления и действия, связываясь с авторской речью союзом *ki*: *Biri dedi: bāli, mən bilürəm* (Шахр. 3) 'Один сказал: да, я знаю'; *Öz-özünə fikir elədi: belə peşkəş olmāz* (Шах. 59) 'Подумал про себя: такого подарка не бывает'; *Sabah olduqda adam g'öndərdilər ki, oylanı g'ätirin* (Шахр. 111) 'Наутро послали человека, мол, приведи парня'; *Saleh ärz elədi ki, sənə fəda olum, çox zəfa cəkdim və istirahət g'örmədim* (Шахр. 61) 'Салех сказал: да буду я жертвой твоей, [я] перенес много страданий и не знал отдыха'.

Прямая речь, приведенная в середине авторской речи, связывается с ней при помощи спрягаемых форм глагола *de-* 'говорить' (*dejiḅ, dejin*) и *ejlä-* 'делать', которые употреблены после прямой речи: *Ajaḅa durub, allah əmanəti dejiḅ hər kəs öz mənzilinə g'äldilər* (Шахр. 13) 'Встали, «с богом» сказав, все возвратились в свой дом'; *Hər nə Sənubər desə, siz, jaxşydyr dejin* (Шахр. 56) 'Что бы ни сказала Санубар, вы скажите «хорошо»'; *Sənubər bunlara xoş aməd ejləjüb əhvallayın soruşub sonra dedi* (Шахр. 42) 'Санубар, сказав им «добро пожаловать», спросив об их самочувствии, продолжала'.

В «Шахрияре» встречается и такой случай, когда в одну прямую речь вставлена другая прямая речь: *Şährıyar: — Aj gyz, hələ su verməsən, verməzsən və gojmanam deməg'in nədir?* (Шахр. 89) 'Шахрияр: — Эй, девочка, если воду не даешь, не надо, но что за слово «не пушу»?'

Одним из интересных специфических фактов, отмечающихся в памятнике «Шахрияр», является то, что для связи прямой речи с авторской в последней, когда она употребляется перед прямой речью, глагол речи стоит перед теми словами, которые обозначают лицо, к которому обращена прямая речь: *Dedi xanım: Sənə fəda olum, bir ärzim var* (Шахр. 133) 'Сказала госпожа: Да буду я жертвой твоей, [у меня] есть просьба'; *Dedi Şährıyar: Bisəbrlik etmə və özini saxla ki, divanə dejällər* (Шахр. 139) 'Сказал Шахрияр: не проявляй нетерпение и сдерживай себя, [а то] скажут «сумасшедший»'.

В «Дербенд-наме» (XVIII в.) встречается в основном форма прямой речи: *Übejdə zərrah dedi: Kəffar üstünə ilgər edərəm* (Дер. 11a) 'Убейда Джаррах сказал: Буду идти на вероотступников'. *Anda zad və azaqə alyb dedi ki, çox gaty düşmən üstünüzə g'älädür* (Дер. 13a) 'Там, взяв вещи, продовольствие, сказал: полчища врагов идут на вас'.

В некоторых прозаических памятниках, относящихся к последующим периодам развития азербайджанского языка, формы косвенной речи не встречаются, например, в «Короткой истории шекинских ханов» А. Бакиханова. В языке прозы М. Ф. Ахундова и С. А. Ширвани используется косвенная речь; правда, образцы ее еще не совершенны, однако уже можно говорить о начале ее формирования. И все же основное место занимает прямая речь, причем использование ее отличается рядом особенностей.

1. Для связи прямой речи с авторской, т. е. с лицом, к которому относится прямая речь, употребляются глаголы речи. Сначала приводится авторская речь, которая заканчивается глаголом речи, а затем уже—прямая. В таких случаях в основном используются следующие

глаголы речи: *de-* 'говорить', *säslän-* 'звучать', *danyš-* 'говорить', *bujur-* 'велеть', *soquš-* 'спросить', *färjad elä-* 'вопить', *çuyur-* 'кричать', *jalvar-* 'умолять', *ämğ et-* 'приказать', *žavab ver-* 'отвечать', *ähd elä-* 'дать обет', *gävajät et-* 'повествовать': *Ol šäkärläb... šivän ilän säsländi: ... Ej atažan!*

Bir baş gäbirdän g'ötür! (А. Бак. 338) 'Та сладкогуб... с рыданием сказала: ... Эй, отец! Подними-ка голову из могилы!'; *Sah bujurdu: — Çuyur g'älsin* (МФА. 1. 309) 'Шах велел: Позови, [пусть] придет!'; *Хазä färjad elädi — Ej ustad, başymu käsdin* (САШ. 2. 585) 'Хаджа завopil: Эй, мастер, ты отрезал мне голову!'

В языке азербайджанских прозаических памятников в таком же положении после глагола речи в большинстве случаев употреблен союз *ki//kim*: *Sahyn ümäläläri ärz ejlärlär ki, sänä fäda olag, bir parä az, bimänfäät adämlärdän ötri goşuni nä hažät gyrduräsän* (Шекин. хан ...7) 'Эмиры шаха скажут: Да будем мы жертвой твоей, почему нужно уничтожить войско из-за горсти голодных, бесполезных людей?'

2. Для того, чтобы прямую речь связать с авторской, приводятся глаголы действия. В таком случае прямая речь относится к лицу — исполнителю действия. Прямая речь употреблена после авторской речи: *Bundan sonra särdar Zaman хан šüuru elädi: Bu çäkäri—xalis, saggaly-мун түкүнү dövläti-älijänin хädämatyнда ixlas vä hünär ilä аyaratмы-šam...* (МФА. 1. 305) 'После этого командующий Заман-хан начал: Это [я], преданный слуга государства, с искренностью и храбростью служа ему, седину себе нажил.'

В этом же положении в большинстве случаев после глагола действия употребляется союз *ki//kim*. Такой случай является наиболее распространенным: *Agakeš bäğ' adäm g'öndärür ki, gyzymun äri g'älsün g'örüşäk* (Шекин. хан... 8) 'Агакеш-бек посылает человека: пусть придет муж моей дочки, увидимся'.

3. Для связи прямой речи с авторской используются глаголы мышления, после которых в основном ставится союз *ki//kim*: *Fikir elädi ki, nä äžäb rahatlyg mänim üçün hasil olar...* (МФА. 2. 257) '[Он] думал: какое замечательное спокойствие будет для меня...'

4. Перед прямой речью употребляется собственное или нарицательное имя существительное, которое обозначает лицо, к которому относится прямая речь:

Xäzinädar:

— *Mäg'är biz onu padšah elädik! Sah Abbas belä bujurdu; çarämiz па idi?*

Miraxur:

— *Xub, Sah Abbas o vaxt padšah idi, hökmü bizä rävan idi...* (МФА. 1. 326) 'Казначей:

— Разве мы сделали его падишахом?! Шах Аббас так велел; какой [у нас] еще был выход?

Главарь конюхов:

— Хорошо, тогда шах Аббас был падишахом, [и] веление [его] было законом для нас...'

5. Прямая речь включается в середину авторской речи и при помощи глагола *de-* 'говорить', который следует после прямой речи, связывается с авторской речью: *Dul övrätlär vä jetim uşaglar Şamaxu paçalnikinin gapysyna žäm olub: «nä unumuz var, nä pulumuz, nä donumuz var, nä odunumuz», demäklä razi-nijaz etmäkdä idilər.* (САШ. 3. 417) 'Вдовы женщины и сироты собрались у дверей шемахинского начальника, умоляли: «[у нас] нет ни муки, ни денег, ни одежды, ни дров'.

6. Внутри прямой речи употребляется еще и другая прямая речь:

Sah bujurur ki, Mälik dejir, Cäläbi gojmur ki, şahyn gullugi ämälä g'älä (Шекин. хан ... 5) 'Шах велел, что Мелик говорит, Челеби не дает возможность, чтобы приказ шаха был выполнен'; Dedi ki, xalg mänä dejir ki, sänin sövtün uzagdan çox jaxşy g'älir (САШ. 2. 585) 'Сказал, что народ мне говорит, что твой голос издали очень хорошо слышен'.

В языке прозы М. Ф. Ахундова и С. А. Ширвани мы встречаемся с таким фактом, когда внутри прямой речи приводится косвенная речь: ...bujurdu ki: ...dejärsän ki, *mänim zähätimdän ändišä etmäsin, sabah oylanlarymy hüzura g'öndärsin* (МФА. 1. 321) ...[он] сказал, что ...скажешь, что [пусть] не беспокоится обо мне, завтра [пусть] пошлет [моих] сыновей ко мне'; Nuşirävan dedi ki, ol ev bir gary övrätindir. Ol vaxt ki, män bu imarätin binasyn gojdum, mémarlar dedilər ki, *bu gary-nyn evi bizim evimizä xäläl jetirir. G'äräk bu ev buradan daşyyla, tainki tämiratymyza nögsan olmaja* (САШ. 2. 577) 'Нушираван сказал, что тот дом принадлежит одной старухе. Когда я сложил основание этого дворца, архитекторы сказали, что дом этой старухи причинит вред нашему дому. Этот дом должен разрушиться, чтобы не было прорехи на нашей постройке'.

В этих примерах слова и выражения *ändišä etmä* 'не беспокойся', *g'öndär* 'посылай', *sizin* 'вашей', *tä miratymyza* 'вашему зданию' употреблены в форме *ändišä etmäsin* 'не беспокоится', *g'öndärsin* '[пусть] посылает', *bizin* 'нашей', *tä miratymyza* 'нашему зданию', и таким образом прямая речь превращена в косвенную.

Уместно отметить, что в орхоно-енисейских и уйгурских памятниках косвенная речь не употребляется [3. С. 85—86; 4. С. 116—118]. В диалектах и говорах азербайджанского языка прямая речь представляет собой очень развитую и сложную систему, а косвенная речь употребляется очень редко [5. С. 77].

Косвенная речь образуется в результате определенных изменений в структуре прямой речи. В подобных случаях замененное по лицу глагольное сказуемое прямой речи приспосабливается к авторской речи. Во избежание такой грамматической операции в средневековых письменных памятниках чужая речь передавалась в основном в виде прямой речи. Впоследствии, в результате образования и развития различных стилей литературного языка и различных литературных видов и жанров, процесс совершенствования коснулся и выражения мысли в прозе. Передача чужой речи в косвенном виде — одно из наглядных проявлений этого процесса. Именно поэтому косвенная речь так часто и в таком разнообразии встречается в азербайджанских прозаических письменных памятниках XIX в.

1. В связи с превращением прямой речи в косвенную глагольное сказуемое чужой речи, обозначающее второе лицо, относится к третьему лицу. Это наиболее распространенный вид косвенной речи: *Sizin allahunyz ... bujurur ki, Marijä ilä mülagat vä mügaribät etsin* (МФА. 2. 90) 'Ваш бог ... велит, чтобы [он] встречался с Марией и был с ней в половой связи'.

Речь автора также можно передать в виде прямой речи. Это так называемая внутренняя речь. При превращении внутренней прямой речи в косвенную глагольное сказуемое прямой речи, обозначающее первое лицо, относится к третьему лицу: *zühanyn bir vaxt eşşäji itmişdi. And içdi ki äg'är onu tapsa, bir dinara satsyn* (САШ. 2. 603) 'Однажды у Джухи потерялся осел. [Он] поклялся, что если его найдут, то он продаст его за один динар'.

2. Личные местоимения прямой речи, обозначающие второе лицо, заменяются личными местоимениями третьего лица: *Mollabaşy Axund*

Sämäd Ärkin zindanynda ... ešitdi ki, onun mänsäbini hämčešmi Molla Ramazana veriblär, güssäšindän fiž'ätän hälak oldu (МФА. 1. 324) 'Глава мулл Ахунд Самед слышал в темнице Эрка от стража, что его чин дали сто другу Молле Рамазану, от горя он сразу умер'.

3. Личное местоимение в прямой речи, обозначающее первое лицо, заменяется личным местоимением третьего лица: ... qazi žavab veribdir ki, bu g'unä išlärä onun mejl vä räybäti joxdur (САШ. 3. 439) '...гази дал ответ, что у него нет стремления и склонности к таким делам'.

4. Личное местоимение в прямой речи, обозначающее второе лицо, заменено личным местоимением первого лица, а глагольное сказуемое прямой речи, обозначающее первое лицо, отнесено к третьему лицу: ...här käs šiälärdän iddia etsä ki, mäni Q'ÖRUBDÜR, düruyg'u vä iftira dejändir (МФА. 2. 63) '...если кто-нибудь из шиитов будет настаивать, что видел меня, [он] лгун и клеветник'.

5. Личное местоимение в прямой речи, обозначающее первое лицо, заменено личным местоимением третьего лица, а глагольное сказуемое прямой речи, обозначающее первое лицо, отнесено к третьему лицу: Äjišä jalan dejir ki, onun bojunbaıy bojnundan aıylyb düšmüšdü vä o BILMÄMIŞDI, sonra onu axtarmaıya gajytmyšdy (МФА. 2. 86) 'Аише врет, что ее бусы сами расстегнулись на [ее] шее и упали и она не знала, а потом вернулась для того, чтобы искать их'.

6. Если автор сомневается в мысли, выраженной в чужой (прямой) речи, то при превращении ее в косвенную речь добавляет слово g'uja 'якобы', 'будто'. Никаких других грамматических изменений не производится: Bu mä'l'un hämišä öz müridlärinä sərəhätän zikr edir ki, g'uja ulämäji-g'iram ävamä firib verirlär (МФА. 1. 311) 'Этот проклятый всегда откровенно говорит своим последователям, что будто уважаемые ученые обманывают простой народ'.

Таким образом, прямая речь является более древней формой, чем косвенная. В «Китаби Деде Коркуд», в прозе Мухаммеда Физули чужая речь передается в основном в виде прямой речи. Косвенная речь стала широко употребляться в азербайджанских прозаических памятниках в XIX в.

СОКРАЩЕНИЯ

- А. Бак. — *Абасгулуға Бакыханов*//Бэди эсэрлэри. Бақы, 1973.
 Дер. — Дэрбэнднамэ: Рукопись XVIII в. Фотокопия.
 КДГ — Китаби-Дэдэ Горгуд. Бақы, 1962.
 МФА — *Мирзэ Фэтэли Ахундов*. Эсэрлэри. Бақы, 1958. 1 т.; 1961. 2 т.
 САШ — *Сејид Эзим Ширвани*. Эсэрлэри. Бақы, 1969. 2 т.; 1974. 3 т.
 Физ. — *Мəһəммəd Фузули*. Эсэрлэри. Бақы, 1958. 1 т.; 1958. 2 т.
 ШС — *Шейх Сəфи*. Тезкире: Рукопись XVI в. Ленингр. гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Каталог Ханькова, 91.
 Шахр — *Шəһријар*: Рукопись XVIII в. Ин-т рукоп. Инв. № 10 546. Шифр: Б-2 650.
 Шекин. хан... — Шəки ханларынын ихтисар үзрə тарихи: Рукопись XIX в. Рукоп. ф. Ленингр. отд-ния Ин-та востоковедения. Шифр: В-748.
 Шух. — Шүһəданамэ: Рукопись XVI в. Ин-т рукоп. Инв. № 13 659. Шифр: Д-535.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жирмунский В. М.* Огузский героический эпос и «Книга Коркута»//Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962.
2. *Туркменско-русский словарь*/Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева. М., 1968.
3. *Насилов В. М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
4. *Он же.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
5. *Чэфэрзадэ Мəммəd.* Азэрбајчан диалектлэриндэ васитəсиз нитг.//Учен. зап. М-ва высш. и сред.-спец. образования АзССР. Сер. лит. и яз. 1974. № 2.

Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

ИСТОКИ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Татарский язык относится к языкам с давней литературной традицией, и потому весь комплекс проблем, связанных с построением истории литературного языка следует выделить и описать отдельно. Однако этапы донационального периода истории литературного языка нередко предстают не совсем ясными, причем чем дальше в глубь веков, тем гипотетичнее становятся суждения о функциональном членении языка. То же самое можно сказать и об истоках старотатарского литературного языка.

Как известно, в последние годы в советской тюркологии преобладает функционально-стилистический подход к древне- и среднетюркским письменным памятникам. Большая или меньшая обработанность и наддиалектный характер их языка позволили исследователям выделить несколько тюркских литературных языков, изменявшихся в ходе исторического развития и сохранивших свои нормы и традиции [1. С. 81—90].

Литературный язык — понятие широкое, и сфера его обслуживания зависит главным образом от общественных отношений, поскольку он, выполняя многообразные социальные функции, удовлетворяет культурные, научные и государственные нужды общества. Именно конкретные культурно-исторические условия, возникшие в XIII—XIV вв. в тюркском мире, послужили причиной формирования локальных вариантов литературного языка (на базе письменного языка караханидской поры) с узкорегиональными особенностями — хорезмско-тюркского, сельджукского, мамлюкско-кыпчакского, болгарского, чагатайского и т. д.

Так как носители татарского языка в своей основе локализируются на территории бывшего государства волжских болгар и налицо определенная этническая и культурная преемственность [2], выяснение языковой ситуации в Волжской Булгарии позволяет правильно оценить и определить истоки татарского литературного языка.

Язык эпитафий волжских болгар XIII—XIV вв. с характерным ротацизмом некоторыми учеными признается литературным болгарским. Однако количественный рост находок памятников с различными языковыми проявлениями, а также исследования, проведенные в последние годы по выяснению языковой ситуации в Волжской Булгарии в целом, позволяют взглянуть на этот вопрос иначе. Дело в том, что литературный язык всегда занимал и занимает особую позицию, обладая в большей или меньшей степени статусом средства общения высших сфер коммуникации даже там, где его функции относительно ограничены. И

это является одним из универсальных признаков литературного языка независимо от условий и уровня его развития, признаком, в равной степени свойственным языкам старописьменным и младописьменным, литературным языкам донационального и национального периода, функционирующим в разных общественных системах [З. С. 5—6]. У нас нет ни прямых, ни косвенных данных, свидетельствующих в пользу того, что *р*-язык в период существования Волжской Булгарии обладал статусом литературного языка или какого-нибудь другого наддиалектного образования.

Несколько иначе обстоит дело с обычным *з*-языком (памятники на этом языке существуют параллельно с *р*-язычными). Еще в 922 г. секретарем посольства багдадского халифа к царю волжских булгар Ибн-Фадланом было отмечено двоякое произнесение одного и того же гидронима: *žaušig* и *žaušiz*. Учеными убедительно доказана принадлежность *з*-языковой формы гидронима к одному из говоров местного населения, а не к языку среднеазиатских тюрок, сопровождавших Ибн-Фадлана в его поездке [4. С. 19; 5. С. 131—134]. Если учесть, что этот край был когда-то тюркизирован, остается признать пришлыми и *з*-язычные племена. Современный уровень наших знаний об этноязыковой истории тюркских племен, входивших в состав Волжской Булгарии, не позволяет увязать данный элемент с каким-либо конкретным племенем, поэтому остается лишь говорить о наличии тюрок с обычным языком наряду с теми, у которых в языке имелся корреспондирующий звук *г*.

В «Диване» М. Кашгари в качестве образцов говора жителей городов Булгар и Сувар приведены следующие примеры: сув. *bal* 'мед', *tevä* 'верблюду', *azaq* 'нога', *jalñuq* 'невольница', *toz* 'быть сытым', булг. *qañaq* 'сливки', *kökläš* 'породниться', *avus* 'воск', *lav* 'воск для печати'. Однако, как отмечает М. Кашгари, формы *bal*, *tevä*, *jalñuq* были характерны также для кыпчаков, огузов, *qañaq* — для булгар и аргу. Лишь форма *azaq* 'нога' (свойственная языку суваров, кыпчаков, булгар, йемеков; кыпчаки и йемеки употребляли и форму *adaq*) и *toz* 'быть сытым' (свойственная булгарам, суварам, йемекам и некоторым кыпчакам) позволяет выделить *з*-признак в середине слов и в конце глагольных основ.

Судя по приведенным примерам, язык жителей Суvara обнаруживал большое сходство с огузским и кыпчакским языками. Означало ли это, что сувары говорили на языке общетюркского типа, или же М. Кашгари были зафиксированы образцы речи отдельных информаторов-кыпчаков, проживавших в то время в городе, — ведь Сувар находился на караванном пути из Средней Азии в город Булгар? К сожалению, наши знания о языке суваров не выходят за рамки общих представлений, и потому у нас нет аргументированных фактов для выводов в этноязыковом направлении. Однако хотелось бы сослаться на мнение автора сводной работы о хазарах — Петера Б. Голдена, который язык суваров (саби́ров) считает обычным тюркским, в отличие от языка огуротюрок [6].

В примерах М. Кашгари из булгарского языка нет слов с характерными протобулгарскими элементами. Можно предположить, что в числе его информаторов оказались люди из Волжской Булгарии с обычной тюркской речью огузо-кыпчакского типа. Если даже это и так, то тем самым доказывается существование тюрок с языком общетюркского типа, притом не в таком уж малом количестве, коль скоро М. Кашгари принимает их язык за образец. Общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних эпиграфических памятников XIII—XIV вв. с *р*- и *л*-элементами позволяют интерпретировать данное явление

ние несколько иначе, чем просто фиксация речи кыпчаков.

Из исторических источников известно, что после упадка Хазарского каганата главенствующая роль в Поволжье перешла к Волжской Булгарии — хорошо организованному и экономически развитому государству, которое к концу XII в. достигло наивысшего расцвета. Если в начальный период существования государства можно было говорить лишь о племенных диалектах, которые, кстати, сами по себе способны выделить какие-либо формы языка, возвышающиеся над повседневной бытовой речью, то в условиях племенных объединений и союзов языковая ситуация приняла усложненные формы.

Сложившаяся многоплановая языковая ситуация, явившаяся следствием вхождения в состав государства различных тюркских и нетюркских племен вызвала необходимость создания общего языка для коммуникативных целей. В таких историко-культурных условиях обычно возникает и выделяется особый тип обиходно-бытовой речи, называемый городским койне и имеющий тенденцию к расширению границ своего функционирования. Такой тип речи, очевидно, сформировался и в Волжской Булгарии.

В исторических источниках зафиксировано, что в X в. у волжских болгар было два крупных города — Сувар и Булгар. Первый из них был племенным центром суваров и считался одним из главных и значимых городов Волжской Булгарии. Однако в конце X столетия он потерял политическую самостоятельность и подчинился царю болгар. Если исходить из предпосылки, что теоретически в каждом крупном городе при наличии надлежащих экономических и культурных условий могла функционировать форма наддиалектной речи, то можно допустить образование койне и в Суваре. Однако в этом случае возникает множество вопросов, которые требуют аргументированного ответа, и потому мы воздержимся от такого утверждения.

Город Булгар обладал политическим, экономическим и культурным статусом стольного города. В нем была более выраженной специализация ремесленников и классовая прослойка. Характер появившейся здесь наддиалектной речи обуславливался рядом объективных условий, в частности наличием в составе болгарского союза племен и таких, которые говорили на з-языке, тесными торговыми, политическими и этнокультурными связями с племенами, говорящими на языке огузско-кыпчакского типа, присутствием представителей духовенства из Средней Азии и их последователей, широким распространением тюркоязычной литературы на литературном языке того периода и т. д. Централизация власти в Волжской Булгарии, широкое развитие торговли, рост производственных отношений, расцвет многочисленных городов и другие экстралингвистические факторы послужили причиной исчезновения территориальных границ бытования наддиалектного койне и формирования общеповолжского койне.

В последующие периоды синтез существующего варианта тюркского литературного языка эпохи Караханидов и болгарского койне привел к образованию регионального варианта литературного языка — так называемого поволжского тюрки, лежащего в основе старотатарского литературного языка. В зависимости от жанров и сфер употребления этот язык обладал системой средств, характеризующих именно ту область, где он функционировал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопр. языкознания. 1979.

² Из истории известно, что Казанское княжество (затем ханство) возникло в результате распада Волжской Булгарии на отдельные княжества, и его основу составляли в основном одни и те же этносы.

³ См.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

⁴ См., напр.: *Ковалевский А. П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана//Учен. зап. НИИ яз., лит., ист. и экономики при Сов. Министров ЧувАССР. Чебоксары, 1954. Вып. 9.

⁵ *Он же.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

⁶ *Golden P. B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars//Bibliotheca Orientalis Hungarica. Budapest, 1980. XXV/1, XXV/2.

И. А. АБДУЛЛИН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Э. Р. Тенишевым, Г. Ф. Благовой и И. В. Кормушиным подняты вопросы, волнующие и татарских филологов — авторов монографического исследования по истории татарского литературного языка. Особое место занимает проблема источников, так как плодотворное изучение истории литературного языка зависит и от состояния источниковой базы и от правильного ее использования.

По своему характеру источники могут быть письменными памятниками, включая официально-деловые документы, произведениями фольклора.

На наш взгляд, фольклорные памятники как источник истории литературного языка представляют немалый интерес, и поэтому требуют глубокого осмысления предложения Э. Р. Тенишева использовать эпос, в частности «Манас», для исследования истории киргизского литературного языка. Противники этой точки зрения считают обязательным условием формирования литературного языка наличие письменности и тем самым вольно или невольно игнорируют устную форму литературной речи. Разумеется, нет необходимости ставить знак равенства между языком фольклора и литературным языком, точно так же, как он не ставится в настоящее время между литературным языком и языком художественной литературы. Однако произведения художественной литературы привлекаются исследователями в качестве одного из основных источников по истории и современному состоянию литературного языка. Определенная часть произведений фольклора создавалась подлинными мастерами слова. Передаваемые из поколения в поколение, они подвергались не только литературно-художественной, но и языковой обработке и постепенно приобретали определенную наддиалектность.

Вместе с тем к исследованию произведений фольклора, на наш взгляд, необходим дифференцированный подход. Отдельные жанры (например, исторические песни, байты, *илаһи бәетләр* 'божественные стихи', эпос) создавались в большинстве случаев людьми, искушенными в литературе. «По словам г. Насырова, — замечает Н. Ф. Катанов, — сочинением бейтов занимаются обыкновенно молодые люди, учащиеся или учившиеся в медресах, мусульманских средних школах, иногда и старцы, знакомые с мусульманской ученостью», а потому «бейт изобилует иностранными словами и оборотами, преимущественно арабскими и персидскими, и чем учение слагатель, тем более в бейте иностранных слов и оборотов» [1. С. 273—274]. Таким образом в фольклоре отразилась устная форма литературного языка.

Немало произведений устного народного творчества зафиксировано в многочисленных шакирдских тетрадах XVIII—XIX вв., имеющих в фондах различных архивов. Несмотря на то, что записи сделаны носителями разных диалектов, их язык отличается наддиалектностью, избирательностью и известной нормированностью и тем самым несколько опережает общее развитие литературного языка. Не случайно язык устной поэзии, формульные элементы в языке права и обрядов отнесены М. М. Гухман и Н. Н. Семенюк к ранним периодам развития литературных языков, к истокам их истории [2. С. 441].

Второй вопрос, поднятый и всесторонне освещенный в докладах, — это дифференцированный подход к исследованию источников. Стремление удревить историю литературы (и соответственно историю литературного языка) того или иного народа не всегда согласуется с требованием этнолингвистической интерпретации и языковой атрибуции письменного памятника. По нашему мнению, правы Г. Ф. Благова и И. В. Кормушин, считая, что сравнительно-историческая грамматика и история литературного языка как самостоятельные лингвистические дисциплины должны иметь соответственно свой определенный круг источников. Так, для исторической грамматики основным источником являются факты общенародного языка и диалектов, и использовать данные исконно литературного памятника в качестве вспомогательного источника можно только по специально разработанной методике.

В связи с этим не может не возникнуть другой вопрос: вправе ли историк литературного языка пользоваться в своих исследованиях источниками общенародного языка? Если исследователя будет волновать проблема соотношения общенародного и литературного, традиционного в каждый период развития литературного языка, он должен привлекать эти источники в качестве сравнительного, корректирующего материала. Однако основной источниковой базой истории литературного языка остаются литературные памятники всех видов и жанров.

«Хотя степень и направление обработки различны в отдельных типах памятников, однако история литературного языка должна (...) базироваться на изучении всей основной совокупности текстов, относящихся к культурному континууму определенной эпохи, — пишут М. М. Гухман и Н. Н. Семенюк. — Поэтому к рассмотрению должен привлекаться довольно широкий круг памятников — это и собственно литературные памятники, и деловая проза, и полемическая литература разных типов, а также религиозные памятники различных жанров, описания путешествий, историческая литература, эпистолярная литература, научные сочинения, периодические издания различных типов и т. п.» [2. С. 444—445]. Иначе говоря, главная задача историка литературного языка заключается не в выявлении индивидуальных особенностей того или другого жанрового стиля, а в первую очередь в выявлении черт, *общих* для подъязыков тех видов и жанров литературы, которые были наиболее распространены в ту или иную эпоху. Лишь таким образом можно избежать подмены истории литературного языка историей отдельных стилей или памятников.

Диапазон исследований должен охватывать памятники каждого конкретного жанра и вида литературы. Выпускавшиеся в один и тот же год татарские газеты «Ульфят», «Урал», «Вақыт» заметно отличались друг от друга по своему языку. Будучи рупорами различных политических течений, они выражали и различный подход к литературному языку, поэтому игнорирование какой-либо из газет как источника означало

бы отказ от изучения того или иного этапа в развитии татарского литературного языка.

Однако вопрос более сложен. Обычно утверждают, что большевистские листовки Казанского и Уфимского комитетов РСДРП периода революции 1905—1907 гг. написаны на общенародном татарском языке. Но среди них есть листовки, адресованные образованным слоям населения — учащимся, мелким чиновникам и т. д. Язык этих листовок — книжный, изобилует арабизмами, архаичными формами, характерными для тюрки. Более того в списках одной и той же листовки, выполненных разными лицами, имеются разночтения, которые можно объяснить принадлежностью переписчика к той или иной школе, к тому или иному течению в литературном языке. Так, глагол *bul-*, аффикс исходного падежа *-dap*, аффиксы принадлежности *-biz*, *-giz* в списке листовки 11 «Русиядәге эшче халыкныц...» (ЦГАОР СССР. Ф. 1741, № 4349), характерные для общенародного татарского языка, заменены огузским *ol-*, древнеуйгурским *-dijn*, уйгурским *-miz*, огузским *-ngiz* (там же. № 29218). Общенародная татарская поссесивная форма винительного падежа 3 л. имени действия *ikänip* в списке 14 г листовки «Мөселман қардәшләр» (ЦГАОР СССР. Ф. 1741, № 34349) в списке 14 заменена уйгурско-кыпчакским *ikänipe* (там же. № 34348), а в списке 14 б (Госмузей ТАССР. Рукоп. ф. № 116706) — формой *ikänpe*, являющимися наиболее часто встречаемыми вариантами в татарском литературном языке конца XIX — начала XX в. Поэтому сложную языковую ситуацию, отдельные течения в развитии литературного языка можно отразить лишь при введении в научный оборот возможно большего числа письменных памятников и их списков.

В этой связи немаловажен, как мы полагаем, и другой момент. При исследовании истории литературного языка должна быть учтена эволюция идейно-художественной концепции писателя. Г. Тукай — один из основоположников татарского национального литературного языка, однако в начальный период творчества он писал немало стихов, и особенно статей, на языке османлы. Составители собрания сочинений Г. Тукая вынуждены снабжать эти произведения переводом на современный татарский язык. Известный татарский писатель и журналист Ф. Карими был сторонником формирования общетюркского литературного языка на турецкой основе, культивируемого И. Гаспринским. Однако сама жизнь, рост национального самосознания каждого тюркоязычного народа, стремление к самостоятельному общепонятному литературному языку заставили Ф. Карими и его единомышленников отказаться от этой идеи, и язык произведений Ф. Карими 10-х годов XX в. заметно отличается от языка его раннего творчества.

Суждение о языке того или иного автора на основе одного-двух произведений определенного отрезка времени со ссылкой на невозможность охвата всего имеющегося материала может привести к искажению авторской концепции и в конечном счете — к превратному толкованию его роли в развитии литературного языка.

При интерпретации языка письменных памятников, дошедших до нас лишь в поздних списках, необходимо проявить максимум осторожности, поскольку при многократном переписывании на протяжении многих веков текст претерпевал неизбежные изменения. Обычно в таких случаях прибегают к снятию поздних наслоений. Однако этот метод может дать более или менее надежные результаты лишь при наличии текстологических исследований по каждому периоду истории языка. Именно скудость, а по большинству грамматических категорий вообще отсутствие сравнительного материала XIII—XIV вв. не может не ста-

вить под сомнение обилие форм, свойственное современному татарскому языку, в дастане «Кисекбаш китабы», отнесенном Я. С. Ахметгалеевой к XIII—XIV вв. В «Исследовании тюркоязычного памятника „Кисекбаш китабы“», опубликованном ею в 1979 г., нет лингвистического обоснования выбора форм для критического текста. В частности, можно еще понять выбор автором в критическом тексте формы исходного падежа -dĭjp вм. -dan (jüzindän) в других списках. Однако неясно, на чем основан выбор формы деепричастия на -ip (išitip, tutip), тогда как в других списках употреблены формы на -an, -än (ešidän), -pban (tutuban) и даже -ar (tutar).

Многие вопросы, связанные с использованием источников в исследованиях по истории литературного языка, еще ждут своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар//Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. Казань, 1899. Т. 15, вып. 3.
 2. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36, № 5.
-

В. Х. ХАКОВ

О МЕТОДАХ И ИСТОЧНИКАХ СОСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)

Тюркские литературные языки, как и все языки, исторически формировались в сложных условиях. Включая в себя разнообразные лексические, фонетические и грамматические нормы и стилевые разновидности, они в процессе своего развития претерпевали существенные изменения. Поэтому при изучении их истории важен правильный выбор принципов и методов исследования.

Существует еще много неясного при определении норм литературного языка. Как известно, в средневековых письменных памятниках отражаются общие формы, характерные для многих тюркских литературных языков. Путем сравнительно-исторического и сопоставительного изучения письменных памятников в лингвистическом аспекте можно решить вопрос о принадлежности их тому или иному определенному народу.

Письменно-литературная и устно-разговорная разновидности языков донациональной эпохи изучены недостаточно. В диахроническом плане книжно-литературный язык объединяет в себе не только язык письменных памятников, но и устные формы общения (язык фольклора, общенародные языковые нормы, диалекты и др.).

Изучение основных закономерностей развития литературного языка в определенной системе и исторической последовательности в последние десятилетия привело к зарождению научной дисциплины — истории татарского литературного языка. Хотя еще не все вопросы в ней решены, однако уже ясно, что она очень тесно связана с историей народа и социальными аспектами языка — социолингвистикой.

В 20-х и 30-х годах нашего столетия изучение татарского языка в различных аспектах шло в основном в синхронном плане. Поворот в сторону диахронии начался в 50—60-х годах.

Ныне при изучении татарского литературного языка мы обращаем внимание на следующие разделы:

I. Донациональный период:

- а) становление и развитие поволжского тюрко-татарского письменного литературного языка (XIII—XIV вв.);
- б) образование языка татарской народности (XV—XVI вв.);
- в) подготовительный период формирования татарского национального литературного языка (XVII—XVIII вв.).

II. Национальный период:

- г) образование и развитие татарского национального литературного языка (XIX—1-я четв. XX в.);

д) развитие татарского литературного языка в советскую эпоху.

Языковые особенности, характерные для отдельного периода в развитии литературного языка, образуют конкретные этапы, которые ограничиваются определенным отрезком времени. Исходя из этого, диахронное и синхронное изучение литературного языка можно проводить в двух направлениях.

1. Сопоставление языка тюркских письменных памятников определенного периода с особенностями местных национальных литературных языков. В данном случае к исследованию привлекаются памятники письменности общетюркского характера, так как они отражают первоначальную картину возникновения и развития норм конкретных тюркских языков в последующие эпохи.

2. Сопоставление языковых фактов письменных памятников, непосредственно показывающих формирование и развитие специфических норм национального литературного языка. Такое изучение можно проводить над памятниками более позднего периода.

В обоих направлениях основным методом остается диахронно-сравнительный. Кроме того, результативны такие методы, как функционально-семантический, лингвостилистический, а также метод исключения, внутренней реконструкции и т. п.

Несколько слов о первом направлении. Здесь речь идет о более ранних этапах развития языка.

Поволжский письменно-литературный язык XIII—XIV вв. очень разнороден по своей структуре и содержанию, будучи отражением болгаро-кыпчакских, огузских, чагатайских форм и древнетюркских особенностей, которые берут начало от орхоно-енисейских, уйгурских письменных памятников и других тюркских сочинений. Все это органически переплетается между собой, создавая общую ткань так называемого «поволжского тюрки». В нем выделяется несколько слоев тюркской языковой стихии с различными ответвлениями: древнетюркский, уйгуро-карлукско-хорезмийский, огузский, болгаро-кыпчакский. В поволожском тюрки этого периода многие языковые нормы формируются в основном на традициях старотюркских письменных памятников, которые в значительной мере отличаются от норм языка татарской народности характерными общетюркскими чертами. Не следует забывать, что становление и развитие старотатарского литературного языка происходит именно в недрах поволожского тюрки XIII—XIV вв. Неотъемлемой частью этого языка являются огузские элементы. Они имеют свои исторические корни, связанные не только с письменными традициями, но и с влиянием разговорного языка сельджукско-огузских племен, пришедших из южных степей и появившихся в Поволжье еще в X—XI вв. Огузские племена, значительно повлиявшие на общее состояние языка литературы и диалектов (наречий), размещались на территории как самого Булгарского государства, так и соседних с ним областей.

В последнее время в научной литературе получила распространение версия о том, что даже в основе литературного языка Булгарского государства лежал огузско-кыпчакский компонент. Исторические события XIII—XIV вв. способствовали тому, что обладающим стал кыпчакский язык.

Начало становления локальных лексических, фонетических и грамматических особенностей, свойственных поволожскому письменно-литературному языку, приходится на период образования Булгарского государства, которое являлось одним из ранних феодальных государственных объединений в Восточной Европе.

В ранних письменных памятниках выявляются тенденции развития как устной, так и письменной формы тюркской речи. В XIII—XIV вв. уже можно наблюдать самостоятельные функциональные типы речи, которые, будучи еще очень тесно связанными между собой, значительно отдаляются друг от друга в языковом и стилевом отношении. Ярким примером художественного стиля того времени могут служить произведения «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, «Кисекбаш китабы» и др. В них сохраняются старописьменные традиции. Интересно наблюдать дальнейшую эволюцию отдельных пластов лексики и грамматических форм старотатарского литературного языка, считающихся с точки зрения современного языка архаичными, например: *йийу*, *агырлау*, 'уважать, почитать', *укуш*, 'много', *кунул* 'сердце', *йазы* 'степь' и т. п. Широко употребляемые в старотатарском литературном языке, но сохранившиеся только в диалектах глагольные формы *-ын*, *-гыл*, *-дачы*, *-ысар*, *-мага* занимают в письменных памятниках особое место. Наличие этих форм в языке памятников указывает на их определенные диалектные особенности.

Раскрытие количественных и качественных изменений в развитии языка невозможно без учета семантических категорий. Развитие семантических норм литературного языка не было однолинейным. Поскольку отдельные слова и формы имеют узкую сферу употребления в живой разговорной речи и в письменных памятниках, то семантические разновидности у них отсутствуют. С течением времени с укреплением статуса литературного языка они получают дополнительные значения и оттенки. Наблюдается и такая тенденция: ограничивается сфера употребления некоторой части языковых средств, использующихся в письменно-книжном языке, что, в свою очередь, влияет и на семантику. В некоторых случаях слово или форма, утрачивая свое прежнее значение, становится наименованием или термином (ср.: *идел* → *Идел* — название реки, *йазы* → *Добъяз*, *Олыяз* — название населенных пунктов и т. д.). Семантические изменения, связанные с общественной деятельностью человека, относятся к различным историческим периодам. Прежде всего следует указать на периферийные семантические сдвиги, сужение значений в словах собственно-тюркского происхождения, таких, как *билге*, *тары*, *йорт* и т. п. Хотя некоторые слова и формы этой группы с точки зрения современного языка считаются архаизмами, однако в определенной сфере употребления и в диалектах они существуют и поныне. Для них характерны различные семантические особенности (сужение и расширение значений). Лексические единицы и грамматические формы живого народного языка (*кизләу*, *өмә*, *төбәк*), употребляющиеся в сфере широкого общения, семантически изменяясь, приобретают новые смысловые оттенки.

В литературном языке указанного периода наблюдается интенсивное развитие семантических дериваций. В то же время идет процесс устаревания и утраты формами отдельных значений. Например, полностью архаизируются некоторые значения слов типа *кизу*, *кунелле*.

Со 2-й половины XIII в. в новых исторических условиях на основе кыпчакского языка образуется письменный тюркский литературный язык Поволжья, на котором написаны произведения различных жанров.

История сохранила значительное количество кыпчакских письменных памятников, которые создавались на обширной территории, где жили кыпчакские народы: в Поволжье, на Урале, в Средней Азии и Казахстане, в Крыму и на Кавказе. Кыпчакские письменные памятники наряду с фактами живых тюркских языков служат очень важным и надежным источником для выяснения путей исторического развития языковых и стилистических особенностей современного татарского

языка. Среди них встречаются памятники самых разнообразных типов и жанров: глоссарии, грамматические справочники, филологические труды, научные трактаты, материалы устного народного творчества, художественные произведения, юридические и канцелярские документы и т. д.

В художественной литературе происходит жанровая и стилевая дифференциация. Наряду со стилем поэзии («Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Джам-джама султан» Катиба и др.) выделяется четко выраженный стиль прозы («Нахджуль-фарадис» Махмуда Гали) и смешанный стиль («Гулистан-бит-тюрки» С. Сарай). Язык письменных памятников этого периода, значительно влияющий на формирование отдельных литературных языков последующих эпох, обильно насыщен элементами татарской народной речи.

Уже в ранние времена развитие торгово-культурных отношений, общение различных народностей и этнических групп требовали соответственно и знания языков. Для удовлетворения практических нужд составлялись различного рода глоссарии. Естественно, они являются отражением живого народного языка того времени, и потому в них можно выделить локальные особенности, характерные для того или иного тюркского языка. Языковые особенности, присущие кыпчакским письменным памятникам, в частности тюркско-арабскому словарю XIII в. «Китабе мәжмуг тәржемәне төрки вә ғажәми вә моголи вә фарси», впервые изданному на немецком языке ориенталистом М. Т. Хоутсма в 1894 г., находят свое отражение в современном татарском литературном языке и его диалектах. Например, в татарском языке очень многие слова в начальной позиции употребляются со звуками *ж* (*ǰ*) или *й* (*j*). Методом статистического и сравнительно-исторического анализа в тюркско-арабском словаре нами выделены слова, начинающиеся на *й* (*j*). При сравнении их с современным татарским языком оказалось, что из 196 слов (например: *йақшы*, *йан*, *йаман*, *йандыр*, *йарат*, *йат*, *йақа*, *йазық*, *йимеш*, *йегет*, *йоғары*, *йырақ*, *йылан*, *йул*, *йулдаш*, *йунғыч*, *йулдыз*, *йомшақ*, *йүз*, *йүрәк*, *йилем*, *йите*, *йизнә* и т. д.) лишь 24 слова передаются в литературном языке с согласным *ж*. Следует сказать, что из общего числа слов, начинающихся на *й*, в литературном языке употребляются 147, остальные 49 слов встречаются только в диалектах, топонимических названиях или считаются архаизмами. Исходя из этого можно считать, что йоканье, характерное для кыпчакских языков, значительно распространено и в татарском языке.

Особый интерес представляет изучение грамматических форм и категорий указанных памятников. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить общие черты и аналогичные формы языка памятников и татарского языка.

В XV—XVI вв. в Поволжье образуется и нормируется язык татарской народности. История и формирование татарского литературного языка очень тесно связаны с общественно-политическими, экономическими и культурными событиями той эпохи и с языками тюркских племен, существовавших в Булгарском государстве, где благодаря развитой письменности были созданы произведения различных жанров.

В ранних письменных памятниках Поволжья и других регионов наблюдается смешение литературных языков. Литературно-книжный язык донационального периода не имел широко распространенных устойчивых норм, в нем еще были живы традиции древне- и старотатарского языка и значительное место занимали позднейшие наслоения и заимствования из арабского и персидского. Из-за отсутствия внутреннего грамматического и семантического единства между письменным и

разговорным языком существовало национальное двуязычие.

С проблемами литературного языка связаны и вопросы функциональных стилей. При исследовании литературного языка в указанном аспекте можно пользоваться различными методами (сравнительно-функциональным, сравнительно-историческим, лингвостилистическим, лингвостатистическим). К задачам данных методов относятся дифференциация речи с функциональной стороны и определение особенностей языковых средств в различных сферах общения. При этом особое внимание обращается на употребление художественно-образительных приемов и эмоционально-экспрессивных средств языка.

Лингвостилистический метод помогает раскрыть общие тенденции развития литературного языка в изучаемый период, установить специфические особенности индивидуального и функционального стилей. Сохраняя прежние традиции, стиль художественной литературы в XV—XVI вв. развивается, совершенствуется и обогащается различными средствами общенародного языка. Примером могут служить поэмы и стихи поэтов Мухамедьяра Махмуд углы («Тухфаи мэрдан», «Нуре содур»), Умми Камала, Мухаммед-Амина, Гарифбека и др.

В этот период развивается официально-деловой и канцелярско-дипломатический стиль — исходя из запросов эпохи. Примерами могут служить письмо Улуг-Мухамеда (XV в.), ярлыки Ибрагим-хана, Сахиб Гирей-хана (XVI в.) и др.

Становление особенностей научного стиля уходит в далекое прошлое. Одним из крупных произведений, которые стали известны науке за последние годы, является «Мажмаг эль-кавагыйд» («Сборник правил»), написанный в 1542 г. на кыпчакско-татарском языке. Большое значение имеет сочинение Хисамутдина бин Шарафутдина эль-Булгари «Рисале-и таварихе Булгария», содержащее немало ценных исторических сведений. Для его языка характерны неоднородность, отсутствие целостности и единого стиля. В памятнике представлена не только система трех стилей, но и научно-повествовательный, разговорный и фольклорный стили в функциональном плане. Однако этот сплав не носит синкретический характер, все стилевые явления четко разграничены и сохраняют самостоятельность. Это позволяет считать, что историческое повествование «Рисале-и таварихе Булгария» и писалось и дополнялось разными авторами в разное время. Безусловно, первичный вариант — ядро этого произведения — создан в XVI в. Это подтверждается, во-первых, тем, что во всех полных рукописях «Таварихе Булгария» в начале и в конце текста указывается время и место написания: XVI в., деревня Таш-билге в окрестностях Булгара; во-вторых, язык некоторых глав идентичен языку письменных памятников XVI—XVII вв. В «Таварихе Булгария» четко прослеживаются изменения в старотатарском литературном языке, отношения между системой трех стилей и функциональными стилями, переход от одного состояния к другому, т. е. процесс замены одной системы другой — более совершенной формой, отвечающей запросам эпохи и духу времен. Это привело к таким языковым явлениям, на основе которых позднее образовался татарский язык нового времени.

Научный стиль характерен и для произведения «Джамигь эт-таварих» Кадыра Галибека начала XVII в. Ученый Юнус Оруви в XVII в. писал труды по юриспруденции и другим наукам.

В литературном языке XVII—XVIII вв. сохраняются прежние традиции, хотя велась большая работа по нормализации и сближению его с народной речью. В хикматах М. Кулыя и в произведениях Х. Г. Утыз-

Имани эль-Булгари наблюдается закрепление и упрочение норм татарского литературного языка на основе языка общенародного.

В это же время начинается интенсивное изучение татарского языка на научной основе, создаются учебники по грамматике и фонетике, исследуется лексический состав, составляются словари, хрестоматии, охватывающие образцы отдельных жанров. Ведется большая работа по сбору и печатанию произведений устного народного творчества. Все это в значительной степени помогает расширению функций разговорного языка.

В развитии татарского литературного языка большую роль сыграли различные социально-исторические факторы. Поэтому диахроническая социолингвистика также должна учитываться при исследовании истории литературных языков. Она помогает решать сложные вопросы изучения языка в историческом плане. Комплексный подход к явлениям языка и применение методов социолингвистического анализа значительно пополняют наши представления о состоянии и развитии норм литературного языка в донациональную и национальную эпохи.

С. М. ИСАЕВ

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о периодизации истории любого литературного языка тесным образом связан с определением статуса самого литературного языка. В этой связи поставленный Э. Р. Тенишевым вопрос об определении суммы существенных признаков литературного языка имеет принципиальное значение и для характеристики статуса, периодизации истории казахского литературного языка, ибо указываемые многими исследователями особенности литературного языка не всегда могут быть показателями определяющих, существенных его признаков.

Литературный язык понимается исследователями, с одной стороны, как нормированный, обработанный и отшлифованный посредством письменной литературы; с другой стороны, существование, характер его в разные периоды истории определяются наличием письменной литературы различных жанров тех же периодов. Такая связь литературного языка с письменной литературой зачастую принимается как один из основных и безоговорочных признаков литературного языка для выделения его из общенародного языка.

Не отрицая диалектической связи литературного языка с письменной литературой, мы склонны считать, что письменность не является определяющим признаком. Безусловно, литературный язык приобретает нормированность и шлифуется посредством различных жанров литературы, причем не только письменной, но и устной. Однако не все написанное можно считать литературой, и не всегда язык письменности может быть признан литературным, не все языковые элементы письменной литературы соответствуют литературной норме того периода. Например, параллельное употребление архаичной формы винительного падежа *-иг* вместе с формами *-ны*, *-ни* в языке письменных памятников XI—XII вв. нельзя признать литературной нормой языка того периода. В данном случае, как отметила Г. Ф. Благова, при определенных ситуациях и для определенных целей употреблена в языке письменной литературы XII в. не свойственная литературной норме того периода архаичная форма винительного падежа *-иг*.

Жанрово-стилистическую вариативность и наличие обязательной стилевой разновидности мы также склонны отнести к тем свойствам литературного языка, которые определяют степень его развитости.

Основным признаком литературного языка, как нам кажется, надо считать то, является ли он средством создания духовной культуры, ибо литературный язык неразрывно связан с этногенезом. Это критерий для определения статуса современных тюркских языков и их периодизации.

В этом плане казахский литературный язык своими характерными особенностями, историей формирования и развития отличается, с одной стороны, от таких литературных языков, как узбекский, татарский, азербайджанский и другие, имеющих немало письменных источников разного периода, а с другой стороны — от киргизского, каракалпакского, ногайского и других, почти не имевших до революции письменной традиции.

Литературный язык существует не только в письменной форме (т. е. как язык письменной литературы), но и в устной, как было отмечено Э. Р. Тенишевым. Поэтому мы считаем, что письменный язык, или язык письменной литературы, сам по себе не может быть основным, определяющим моментом литературности языка; он является одной из форм существования языка, в том числе и литературного, наравне с устной формой.

При таком подходе немаловажное значение, на наш взгляд, имеет положение Э. Р. Тенишева о том, что наддиалектность литературного языка является одним из существенных признаков его выделения и периодизации. Оно применимо и к истории казахского литературного языка.

В современном казахском языкознании существуют два основных мнения относительно статуса, сущностных признаков определения и выделения казахского литературного языка. Одни ученые признают литературный язык только как письменный (например, проф. М. Б. Балакаев), другие — как письменный, так и устный. При таком различии в понимании сути литературного языка не может быть выработана и единая периодизация формирования и развития казахского литературного языка, хотя за последние годы была проделана большая работа по исследованию его истории. Однако роль древнетюркского письменного литературного языка всегда оставалась вне поля зрения исследователей по крайней мере по двум причинам: во-первых, бытовало мнение, что до второй половины XIX в. казахский литературный язык письменной формы не имел, ибо кочевой образ жизни казахов препятствовал развитию письменности, во-вторых, язык казахских письменных источников дооктябрьского периода считается книжным, или так называемым «татаро-чагатайским», не имеющим отношения к казахскому литературному языку. В силу этих обстоятельств не были сделаны попытки установить преемственность между средневековыми тюркскими письменными литературными языками и казахским литературным языком. В действительности же в формировании общенародного казахского языка, а впоследствии и литературного определенную роль сыграли системы языковых норм тюркской письменной литературы разных периодов, в том числе и средневековых тюркских и чагатайского языка. Основные нормы фонетической системы, грамматического строя, да и словарного состава современного казахского литературного языка унаследованы из указанных языков, о чем свидетельствуют соответствия формальной, семантической, грамматической и синтаксическо-функциональной характеристик и сферы употребления грамматических категорий как в языке тюркских письменных памятников, так и в современном казахском языке.

Долгое время язык дореволюционных письменных источников, написанных в основном арабским алфавитом, считался книжным — кітаб тілі, по мнению большинства языковедов, являлся не чисто казахским, а синтезом казахского, чагатайского, татарского языков. При этом, видимо, необходимо учитывать следующее. Во-первых, так называемый книжный (или чагатайский) язык средневековья и более позднего

периода не являлся языком только одного племени и даже одного тюркоязычного народа. Он создавался и в дальнейшем развивался на основе древнего тюркского литературного языка с последующим заимствованием иноязычных (главным образом ирано-арабских) элементов, с одной стороны, и при разной степени использования форм моделей и конструкций из живых языков отдельных тюркских племен — с другой. Во-вторых, к оценке норм языка поэтов и писателей дореволюционного периода неправомерно подходить только с позиций современных норм казахского литературного языка.

Исходя из этого, мы склонны считать, что язык литературы дооктябрьского периода не был книжным, в нем лишь использовались традиции книжного языка, и этим можно объяснить некоторые отклонения в лексическом, фонетическом, грамматическом и орфографическом его аспектах от современных норм казахского литературного языка или устной речи. Основным признаком книжной языковой традиции является склонность к употреблению архаичных форм слов, сохранение первоначального оформления заимствованных слов, противоречащего артикуляционным и произносительным особенностям языка, стабилизации одного только варианта грамматических показателей. При этом игнорировался закон ассимиляции и тем самым сохранялась устойчивость орфографической традиции, что привело в большинстве случаев к образованию двух параллельных форм одного и того же слова, модели и конструкции: архаичная — в письменном языке и редуцированная — в устной или разговорной речи.

В результате этого в XVI—XIX вв. казахский литературный язык развивался по двум направлениям: в письменной литературе сохранились и даже развивались «на казахской почве» орфографические, фонетико-морфологические традиции книжного, т. е. тюркского письменного литературного языка XII—XIV вв. Одновременно в поэзии преобладали новые, усеченно-редуцированные, эллиптические нормы, вошедшие из устной и разговорной речи, что повлекло за собой в казахском литературном языке появление двуязычия, просуществовавшего до советского периода.

Такое двуязычие наблюдается и в творчестве отдельных поэтов и писателей — Махамбета Утемисова, Абая Кунанбаева и др.

В конце XIX—начале XX в. явление двуязычия уже и в письменной литературе выходит за рамки жанрово-стилистических особенностей произведения, оно выражается существованием двух противоположных тенденций, отражающих идейные взгляды авторов произведений. Это, с одной стороны, консервативная тенденция сохранения традиции книжного языка, насыщения его арабизмами и персизмами, а с другой стороны — стремление к расширению сферы употребления, общественной функции языка, его словарного состава и словообразовательного потенциала как за счет внутренних резервов, так и посредством заимствований из русского языка.

Таким образом, основными истоками формирования казахского литературного языка были тюркские письменные литературные языки, с одной стороны, и устная речь казахов (сложившихся как народ уже в XV в.), которая легла в основу устной народной поэзии, а впоследствии языка поэтов-акынов, эпических народных поэм, философских толғау жырау. С этого времени начинается формирование и дальнейшее развитие казахского литературного языка, в котором можно выделить три периода: 1) формирование и развитие казахского литературного языка в эпоху казахских ханств (XVI—до середины XIX в.);

2) развитие казахского литературного языка качественно нового направления (вторая половина XIX—начало XX в.); 3) развитие казахского литературного языка в советскую эпоху. Каждый из этих периодов делится, в свою очередь, на несколько этапов, имеющих свои особенности языкового нормирования, выполнения языком общественных функций и другие свойства, определяющие границы литературного языка и его развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этом отношении примечательна, например, точка зрения редактора журнала «Айқап» (1911—1915) М. Сералина, изложенная в его статье «Емле мәселесі», где автор указывает на необходимость упорядочения как алфавита, так и орфографии; в этом вопросе, однако, нужно учесть факт сближения родственных тюркских языков, поскольку алфавит и орфография могут и сближать и отчуждать народы (1974. № 4. С. 55, 56).

Н А С Л Е Д И Е

ХАЛИД САИД ХОДЖАЕВ

Х. С. Ходжаев родился в 1888 г. в с. Кошкурган недалеко от Ташкента. Высшее образование получил в Стамбульском университете. В 1918 г. он прибывает в Азербайджан, где работает преподавателем Ганджинской учительской семинарии и мужской гимназии.

В 1920 г. Х. С. Ходжаев уезжает в Ташкент, однако из-за неблагоприятных климатических условий в 1922 г. вновь вернулся в Азербайджан. С этого времени вся его жизнь связана с родной республикой.

Х. С. Ходжаев активно участвует в культурной жизни региона. Он был преподавателем Балаханского отделения рабфака педагогических курсов в Кусарах, зав. интернатом самаркандских курсантов в Ба-

ку, уполномоченным Наркомпроса УзССР по делам студентов в Азербайджане. Он преподавал также тюркскую (азербайджанскую) литературу в Высшем мужском институте и Землетехникуме им. Агамали оглы на курсах джигатайских авторов в Азгосуниверситете, тюркский (азербайджанский) язык в Азгидротехникуме и Азкомвузе.

С 1934 г. Х. С. Ходжаев становится научным сотрудником I разряда сектора языка АзФАНа СССР, где работает по июнь 1937 г.

Халид Саид — автор ряда серьезных научных трудов по тюркскому языкознанию и литературе. Его «Воспоминания о работе по новому алфавиту», «Краткая стилистика», «Русский язык для тюркской школы», «Сравнительная грамматика» освещают самые разные проблемы тюркской филологии. Х. С. Ходжаевым были подготовлены к печати и другие актуальнейшие труды. Однако в связи с арестом в 1937 г. они так и не были опубликованы. Часть их пропала безвозвратно — «Подробный синтаксис», «Теория стилистики», «Историческая грамматика тюркского» (историческая грамматика общего тюркского языка до XI в., составленная на основе «Дивана» М. Кашгари), «Лекции по джигатайской литературе», «Теория тюркской литературы», «Краткий обзор истории Туркестана», «Грамматика иранского языка».

Крупный знаток арабского языка, Х. С. Ходжаев с 1935 г. занимается переводом с арабского на азербайджанский язык «Дивана» Махмуда Кашгари. В апреле 1937 г. работа над переводом была закончена. Подготовленный к изданию труд объемом приблизительно 70—80 п. л. до сих пор хранится без движения в сейфах Института языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР.

Перу Х. С. Ходжаева принадлежит и «Комментированное исследование Орхон-

ской надписи» с переводом памятника на азербайджанский язык, который позже бесследно исчез. Им переведен также роман «Минувшие дни» А. Гадири с узбекского на азербайджанский язык (1929 г.).

Халид Саид Ходжаев был ученым глупей-

шей эрудиции и неиссякаемой энергией. Долг нынешнего поколения тюркологов — воспроизвести его труды, преданные забвению.

А. Тагирзаде

ХАЛИД САИД ХОДЖАЕВ

«ДИВАНИ ЛУГАТИ ТЮРК»

МАХМУДА КАШГАРСКОГО*

По инициативе сектора языка Азербайджанского филиала Академии наук СССР переводится на тюркский язык сочинение Махмуда Кашгарского «Дивани Лугати Тюрк». Это сочинение является весьма ценным памятником с точки зрения языковой культуры; привести его в порядок необходимо прежде всего для специалистов, работающих в области языковедения вообще и в частности — в области изучения тюркских языков.

Целью настоящей статьи является ознакомление читателя с содержанием книги Махмуда Кашгарского.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Книга в основном является полным словарем общетюркских языков, существовавших до XI века, что и показывает название книги

ديوان لغات الترک

«Дивани Лугати Тюрк». Однако содержание книги гораздо шире того понятия, которое дает название. Книга не довольствуется только толкованием слов, как это вообще принято. В ней отводится много места также и многим другим вопросам. Например, в книгу включены следующие вопросы: 1) сведения о методах, применяемых в книге, 2) сведения по этнографии, 3) весьма широкие и подробные сведения по грамматике, в частности по морфологии, 4) особенности и различия между тюркскими языками, существовавшими в тот период, 5) словарь значений слов.

Часть книги, дающая сведения о применяемых методах, полностью характеризует книгу.

Все слова, помещенные в книгу, подробно объясняются; кроме того, указываются слова, не помещенные по тем или иным причинам.

Часть этнографических сведений имеет весьма важное значение для выяснения вопроса о том, какие тюркские народы жили в XI веке, куда и по каким путям они переселились.

В части этнографии книга дает рисунки и образцы клейм (тамга), накладываемых разными тюркскими племенами (в частности «гузами»,

عز

жившими в XI веке) на свои вещи. Эти рисунки весьма полезны при изучении вопроса о том, к каким тюркским племенам XI века принадлежат или относятся тюрки, населяющие ныне разные области и республики.

* Печ. по: Тр. АЗФАН СССР. Лингв. сер. 1936. Т. 31.

Одновременно рисунки дают широкую возможность определения времени основания многих селений и городов, а также этнографической базы этих селений и городов.

Грамматический отдел книги по своему значению заслуживает самого серьезного внимания. Не зная этого раздела, трудно представить себе, что в XI веке мог существовать по тюркской грамматике такой глубокий научный труд. Никакие наши усилия и исследования не дали бы тех сведений, какие мы получаем в этом отделе книги.

К сожалению, эти грамматические сведения касаются только морфологии, синтаксис сюда не включен. По синтаксису существует отдельная книга «Жемчужина синтаксиса». Об этом говорится в предисловии грамматики.

نواهد النحو

Однако никаких сведений о том, где находится этот труд, к сожалению, не имеется. Считаю уместным просить всех ученых-тюркологов принять все зависящие от них меры к розыску названной книги.

Метод, применяемый в книге Кашгарского для морфологического разбора слов, дает возможность добраться до самых простых корней ныне существующих тюркских слов. Начиная с простых двугласных слов и до пятигласных и даже шестигласных, постепенно исследуя и объясняя их, книга выявляет слова современные, принявшие простую форму, но имевшие в XI веке сложную форму. Таким образом, книга выставляет много суффиксов, игравших в то время активную роль, а ныне носящих пассивный характер. Книга дает нам широкую возможность исследовать и объяснить множество глагольных залогов, образовавшихся в последний период, их первоначальную форму и исторические преобразования, до сих пор не выясненные. В научном исследовании глаголов, отглагольных существительных, прилагательных и других дериватов Кашгарский достиг такой ступени, какой не могли добиться после него ученые и специалисты по тюркским языкам.

Не изучив всесторонне эту книгу, невозможно написать научную грамматику какого-либо из ныне существующих тюркских языков.

Словарный отдел книги составляет самую важную и основную ее часть.

По некоторым техническим причинам мы не можем назвать точное количество слов, достаточно указать, что они заполнили полные три тома. Автор не ограничивается только толкованием слов. Каждое слово после истолкования его смысла, значения его дериватов с фразеологией данного слова дополняется и подтверждается четырехстишиями, в которых фигурирует данное слово.

Приводимые автором цитаты в виде фразеологии и четырехстиший, доказывая с одной стороны правильность значения и толкования данного слова, в то же время дают богатый и ценный материал по народной литературе (фольклору) тюрков XI века.

Значение словарного материала этим еще не ограничивается.

Этот материал дает ценные сведения о степени культуры тюрков XI века, ибо в словаре имеется много терминов, касающихся экономики, земледелия, военных наук, промышленности, ремесел, медицины и канцелярии. Эти сведения могут дать представление не только о степени культуры тюрков XI века, но и о более древних периодах их истории.

Таким образом, словарный отдел книги является единственным источником и весьма богатой сокровищницей материалов начального периода истории языка и литературы различных тюркских народов.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТРУДОМ КАШГАРСКОГО

«Дивани Лугати Тюрк»

Нынешнему и будущему поколению трудно пользоваться этим трудом по двум важным причинам.

Во-первых, труд этот является тюркско-арабским словарем, т. е. тюркские слова имеют арабское толкование и объяснение. С этой стороны ясна невозможность пользования этим трудом для лиц, не владеющих или владеющих не в совершенстве арабским языком. Во-вторых, чтобы пользоваться этим трудом, недостаточно знать арабский язык, т. к. применяемый здесь метод свойствен особенностям арабского языка и потому требуемое слово невозможно найти в алфавитном порядке, его можно найти только в порядке группировки арабских слов:

— *Mahmuz* سالىم — салим, مىسال — мисал, مطوبى

матвий и другие. Находить таким способом тюркские слова по этому словарю невозможно. Поэтому мы вынуждены дать книге новую соответствующую форму и систему, удобную для пользования специалистами по языку.

Принимая во внимание значение книги и препятствия к пользованию ею, Азерб. филиал Академии наук СССР решил переделать эту книгу по новой системе, удобной для пользования, создав все условия и возможности для перевода этой книги.

С переводом книги на тюркский язык частично ликвидируется первое препятствие к пользованию книгой, но, как было отмечено выше, только перевод не решает вопроса, ибо в самой системе построения книги надо произвести некоторые изменения. Для объяснения этих изменений необходимо познакомиться с методом, применяемым как при переводе, так и при переделке книги.

Книга будет переделана по следующей новой системе:

1. Предисловие К а ш г а р с к о г о.

а) Обращение и объяснения.

2. Сведения о старой системе изложения книги.

3. Фонетика (буквы).

4. Общие сведения о существительных отглагольных.

5. Сведения о структуре слов.

6. Суффиксы при существительных.

7. Сведения о последовательности структуры слов.

8. Сведения о звуковых переходах и о замене одних букв другими.

9. О прилагательных, не включенных в книгу.

10. Неопределенные наклонения, не вошедшие в книгу.

11. Некоторые слова, не вошедшие в книгу.

12. Этнографические сведения о тюркских народностях (племенах).

13. Общие сведения о тюркских языках.

14. Сведения о (несходствах) расхождениях между тюркскими языками.

Все эти темы даны во вступлении К а ш г а р с к о г о и изложены в том же порядке. В новом порядке изложения книги все грамматиче-

ские сведения, разбросанные по всем трем томам, будут собраны в одном месте и помещены в начале книги после вступления автора.

Точно так же все отделы и главы, связанные с грамматикой, будут помещены в начале книги. В этом будет заключаться первое изменение в порядке изложения книги.

Второе изменение будет носить совсем иной характер. В книге глаголы даются в прошедшем времени. В фразеологии указывается также прошедшее время, и только эта форма имеет толкование.

Неопределенное наклонение и *muza're'* (наст. будущее) остаются без толкования. По-новому, согласно тексту, будут указаны также неопределенные наклонения, и эта часть составит как бы добавление к книге.

Третье изменение—все слова будут приведены в алфавитный порядок по-современному.

Четвертое изменение будет носить характер дополнения по техническому оформлению. Все слова одновременно будут написаны и арабским и новым алфавитом, правильно передавая правописание. Только отдельные слова не будут повторены по новому алфавиту. Точно так же все приведенные цитаты, поговорки и стихотворные отрывки и предложения будут переданы двояко — по арабскому и нов. тюркскому алфавиту.

К а ш г а р с к и й все эти цитаты перевел, но иногда в более широком значении и по смыслу выражений. Мы при переводе считаем правильным принять во внимание арабский текст, добавления же К а ш г а р с к о г о отдельно будут взяты в скобки.

Иногда перевод с арабского при особенностях тюркского языка требует некоторых добавлений. Поэтому эти добавления со стороны переводчика будут заключены в скобки. Перевод текста на современный тюркский язык также будет заключен в особые скобки. Тексты же всегда будут в кавычках.

Таким образом, будут фигурировать для различных целей следующие скобки: (), { }, [].

ЗАТРУДНЕНИЯ, ВСТРЕЧАЕМЫЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КНИГИ

Тюркские слова XI века, объясняемые арабскими словами того же века, несомненно, при переводе на современный тюркский язык создадут некоторые затруднения. Помимо затруднения со стороны языка, главнейшее затруднение происходит от того, что арабскими буквами нельзя передать фонетику тюркских слов. Вследствие этого недостатка и беспомощности арабских букв никак нельзя установить правильное произнесение тюркских слов.

Например: *g, n, k* пишется через ك

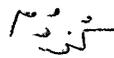
i, u, b « »

n, o, y « » ك

c, ç « » چ

Поэтому дать транскрипцию их новым алфавитом невозможно.

В этом отношении мы не можем также опираться на какой-нибудь из современных языков. Например, چ по разным тюркским языкам произносится то *ul*, то *yl*, то *ol*; какому из них книга отдает предпочтение, выяснить невозможно.

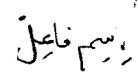
Таким же образом слово можно читать и *gördim* и *gyrdim*,

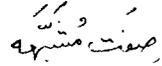
kyrdim, *kördim*. Отсюда первые два звука слова находятся под сомнением. Так же слово можно читать и *aç* и *ac*.

По орфографии книги трудно выяснить все эти вопросы. Однако Кашгарский указывает, что арабская буква в тюркских словах употребляется редко. Если опираться на указание Кашгарского, то все буквы надо читать как *c*, но употребляемые в редких случаях как *c* не отмечены особым знаком.

Вот те затруднения, которые встречаются со стороны фонетики и орфографии и разрешение которых требует тщательной и внимательной проверки и исследования.

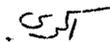
Вопрос о терминологии также представляет некоторые затруднения. Существующие ныне термины не обеспечивают перевода книги.

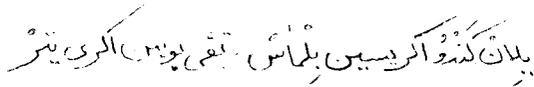
Так, например, Исми-фаил, исми маф-ул,

Суфати-мушаббаһа и подобные термины у нас отсутствуют. Только сохраняя эти термины как до сих пор употребляемые, мы можем частично разрешить эти затруднения. Для иллюстрации перевода и вышеуказанных затруднений по части фонетики и орфографии приводим здесь несколько образцов:

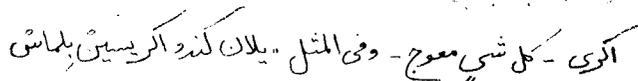
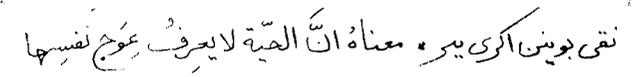
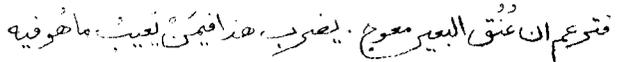
Образец I

 — *akri* — *ajri* { olan hər şey [C. I. S. 114]. Məsəl.

„Jilan kəndü akrisin bilməs təfi vöjnün akri ter“ Mənası: ilan öz əjri liliğini bilməz, dəvə vöjnünün əjri olduqunu səjlər. Bu məsəl özündə olan [eje] ilə [vaşqasənbə] ejbələjən səxs haqqında dəjilir.

К ст. XXI Nymunə I (Ç. I. J. 114)

Образец II

İçmək — اِجْمَاكٌ — içmək — اَوْسَوْفَ اِجْدَى

ər suf içdi (Kişi su (və sairə) içdi) dəjilir.

Bir şeyi içən, ja çapьna cəkən hər şey ucyn (da) اِجْدَى — içdi“ (icdi) dejilir.

К ст. XXI Нумунə II (Ç. I. S. 144)

ويقال: «اَوْسَوْفَ اِجْدَى» اِي شَرِبَ الرَّجُلُ الْمَاءَ وَغَيْرَهُ
وَكُلَّ شَيْءٍ شَرِبَ سَبِيحًا اَوْتَشَفَّ يُقَالُ لَهُ «اِجْدَى»
[اِجْمَاكٌ . اِجْمَاكٌ]

Образец III

(S. I. S. 48).

Oz qunyqi — اَوْزَقْنِي — vədəndə hərəkət edən şeyin adıdır; vupa

„hur“ dejilir. Aşağıdakı vejt bu mənada sojlənmişdir.

بُرْدِي كُوزُومِ بَرَقِي	- Brdi kozum jeryqi
الذِي اَزُومُ قُنُقِي	- Əldi yzum qunyqi
قَنْدَا اَرْخِ فَنِيقِي	.. Qəndə ərinç fəniqi
أَمْدِي اَوْزِينِ اَوْزَغُرُورِ	Əmdi ozin ozqyruz.

(Sair) dejir: gözüm işyq getdi, (onun getməsilə) ruhum qəvs edildi, o, indi harada dır (ki) məni ujqudan ujanıdır.

К ст. XXI Нумунə III (S. I. S. 48)

اَوْزَقْنِي — اِسْمٌ مَا يَخْلُجُ مِنَ الْجَسَدِ وَيُقَالُ مِنَ الرُّوحِ
وَيُنْتَهَى هَذَا الِيسْتِ عَلَى هَذَا الْمَعْنَى وَقَالَ
بُرْدِي كُوزُومِ بَرَقِي
الذِي اَزُومُ قُنُقِي
قَنْدَا اَرْخِ فَنِيقِي
أَمْدِي اَوْزِينِ اَوْزَغُرُورِ

Указанные образцы могут дать общие представления о затруднениях между применяемым способом перевода и транскрипцией слов.

Для разрешения этих затруднений, научно обосновывая их, необходимо длительное, всестороннее исследование и дополнительные материалы по памятникам тюркских языков. Мы надеемся, что все специалисты-тюркологи своими советами и указаниями помогут нам в успешной реализации поставленной перед нами задачи. Переводчик испытывает большую нужду в помощи центральной Академии наук как в смысле пользования и ознакомления с большинством памятников по тюркским языкам, так и в смысле использования советов лиц, занимающихся тюркскими языками.

Мы выражаем твердую уверенность в том, что при наличии вышеуказанных условий ценный труд Кашгарского будет переработан и выведен из состояния забвения.

Л. К. ФИЛИППОВ

*Посвящается 160-летию со дня
рождения Н. Г. Чернышевского*

**О РАБОТЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ОБЪЯСНЕНИЕ
ТАТАРСКИХ ИМЕН СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ»**

В неопубликованной части литературного наследия Н. Г. Чернышевского имеются завершённые и незавершённые лингвистические исследования. К их числу относятся материалы для работы о происхождении и значении татарских названий сел и деревень Саратовской губернии. Составители описи документальных материалов личного фонда Н. Г. Чернышевского озаглавили их как «Обзор топографических названий татарского происхождения в Саратовской губернии» [1]. Впрочем, такое название идет от А. Н. Пыпина — двоюродного брата Н. Г. Чернышевского. Оно зафиксировано в его воспоминаниях «Мои заметки», правда, с несколько иным порядком слов — «Обзор топографических названий в Саратовской губернии татарского происхождения» [2. С. 62].

Материалы для работы о происхождении и значении татарских названий сел и деревень Саратовской губернии составляют 16 листов (32 с.), из которых первый и второй, как сказано в общей характеристике, написаны рукой отца Н. Г. Чернышевского, а пятнадцатый и шестнадцатый — рукой неустановленного лица.

Первый лист можно и, очевидно, надо считать титульным. На нем написано: «по поручению Преосвященного о селениях Сарат. Губернии Татарк. азв. 1845», т. е., пользуясь современными правилами орфографии и пунктуации: «по поручению Преосвященного. О селениях Саратовской губернии: татарские названия. 1845».

В 1845 г. семнадцатилетний Н. Г. Чернышевский учился на высшем отделении Саратовской духовной семинарии. Согласно данным титульного листа, за работу о происхождении и значении татарских названий сел и деревень Саратовской губернии Н. Г. Чернышевский взялся по предложению епископа Иакова, слывшего образованным человеком и стремившегося приобщить к занятиям наукой преподавателей семинарии, священнослужителей. В это был вовлечен и семинарист Николай Чернышевский. Объясняется это, надо полагать, не только тем, что он был одним из лучших учеников Саратовской духовной семинарии, сыном уважаемого в городе священника, но и тем, что хорошо знал татарский язык [3. С. 41] (о чем, кстати сказать, свидетельствует и составленный им в 1844 г. татарско-русский словарь [4], а также тем, что он знал арабский, персидский и другие языки.

Предложенная Н. Г. Чернышевскому тема исследования, по-видимому, была связана как с научными, так и с миссионерскими интересами епископа Иакова. Дело в том, что материалы археологических раскопок в Саратовской губернии давали основание для предположе-

ний о существовании христианских поселений в прежних татарских городах. Иаков и его окружение старались использовать это в миссионерских целях, епископ даже выпустил брошюру под названием «О состоянии православной веры в Кипчакской орде» [5. С. 112].

Внимание епископа Иакова, как видно, привлекли не только исторические татарские города, но и современные ему деревни и села Саратовской губернии с татарскими названиями. Бесспорно, его интересовала не лингвистическая сторона этого вопроса. Впрочем, А. Н. Пыпин писал: «Вопрос был действительно интересный... Саратовская губерния была и есть пересыпана татарскими названиями местностей; только на севере сохранилось в них и татарское население; в огромном большинстве сел и деревень с татарскими именами находится чисто русское население: откуда взялись и как сохранились татарские названия? Были ли это остатки кочевых урочищ, которые перешли в наследство к знавшему их русскому соседству; или это были названия уже оседлых татарских поселений; произошло ли вытеснение прежних жителей или их обрусение?» [2. С. 62—63]. Конечно, семинарист Николай Чернышевский не ставил перед собой задачу дать ответы на столь сложные вопросы. Его работа преследовала более скромную цель: установить, сколько сел и деревень Саратовской губернии носят татарские названия, в каких уездах они находятся, и по возможности объяснить происхождение и значение этих топонимов. Это следует не только из содержания материалов для работы, но и из самого ее названия, данного Н. Г. Чернышевским: «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии (л. 9)», т. е. «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии». К сожалению, в научной литературе, посвященной Н. Г. Чернышевскому, эту его работу до сих пор называют «Обзор топографических названий татарского происхождения в Саратовской губернии» [6—8; 5]. Нетрудно заметить, что такое заглавие не вполне соответствует содержанию работы, стилистически оно не безупречно, а главное — не авторское.

Впервые к анализу материалов для работы «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии» Н. Г. Чернышевского обратился М. Х. Гайнуллин. В статье «Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке» он показал некоторые способы толкования Н. Г. Чернышевским татарских названий сел и деревень [9. С. 94—95]. Других исследований, прямо или косвенно касающихся этой работы Н. Г. Чернышевского, нет, а между тем она заслуживает всестороннего и тщательного анализа.

Прежде всего следует отметить, что материал для работы Н. Г. Чернышевский собирал по карте. А. Н. Пыпин вспоминал: «Помню длинный список названий сел, деревень и урочищ, который Николай Гаврилович собирал и проверял по огромной подробной карте, которую приходилось раскладывать на полу» [2. С. 62]. Первоначально списки названий сел и деревень Н. Г. Чернышевский составлял по уездам, затем подсчитывал, сколько в том или ином уезде сел и деревень, носящих татарские названия. В Саратовском уезде их оказалось 25, в Новоузенском — 14, в Кузнецком — 65, в Петровском — 61, в Сердобском — 39, в Волгском — 28, в Хвалынском — 28, в Николаевском — 23, в Аткарском — 26, в Балашовском — 30, в Камышинском — 16, в Царицынском — 6, в Царевском — 4 (лл. 2—5 и на обороте). Всего по Саратовской губернии 365 названий.

Из 365 названий вычеркнуто 81, среди них, например, такие, как «Рокотовка», «Содом», «Гай», «Кушум» (л. 2), «Верховиново» (л. 2 об.), «Трегуловка», «Елшанка», «Шамгал» (л. 3), «Чардым», «Валхонка»,

«Варыпаевка», «Жедринка», «Тамала», «Байка» (л. 3 об.), «Кадышевка», «Муратовка», «Сура» (л. 4), «Бегеево», «Мосеевка», «Еланка», «Студеновка» (л. 5), «Салотча», «Елтонское озеро» (л. 5 об.). Одни из вычеркнутых названий явно не татарские («Рокотовка», «Содом», «Гай», «Верховиново», «Жедринка», «Сура», «Студеновка» и др.); другие вычеркнуты потому, что повторяются в разных уездах, например, «Идолга»—2 раза (Саратовский и Аткарский уезды), «Кушум»—4 раза (Саратовский, Хвалынский и Николаевский уезды). Повторяющиеся названия вычеркнуты не во всех списках: например, название «Чардым» в Саратовском уезде не вычеркнуто, а в Петровском — вычеркнуто и т. д. Отдельные названия сел и деревень вычеркнуты так, что их невозможно прочесть (л. 3 об., 4 об., 5).

Оставшиеся в списках 284 (365—81) названия Н. Г. Чернышевский, вероятно, считал татарскими. Однако это не совсем так. Некоторые из них финского (большой частью мордовского) происхождения, например, «Морша» (л. 2, л. 4 об.), «Мокшана» (л. 3 об.), «Пелетьма» (л. 4), «Паянга», «Елейка» (л. 4 об.), другие—чувашского: «Чувашкас» (л. 4), «Калмантай» (л. 4), «Меневлинкас» (л. 4), «(Каменная) Сарма» (л. 4 об.), «Кунья Сарма» (л. 4 об.). Вероятно, Н. Г. Чернышевский интуитивно чувствовал, что такие названия, как «Чувичи» и «Каменная Сарма»—не татарские и, по всей видимости, поэтому отметил их справа сверху особым значком «+» (л. 4 об.). Что касается названия «Лачиновка», то Н. Г. Чернышевский возводил его к персидскому языку (л. 4).

На листах 2—5 объяснены значения 17 названий сел и деревень: «Курдим», «Софаровка», «Сокур», «Биклей», «Мить», «Еруслан», «Чибирилей», «Чертоклек», «Дума-иль», «Урусово», «Елань», «Байка», «Салтыково», «Суверень», «Чигим», «Зерыклей», «Сулак».

Составив списки названий сел и деревень по уездам, Н. Г. Чернышевский приступил к составлению сводного списка, располагая топонимы по алфавиту — от «А» до «Я» (л. 5 об.). В нем всего 80 ойконимов, а в списках по уездам (за исключением вычеркнутых) было 284 названия. Очевидно, имея в виду эту разницу, в конце сводного списка Н. Г. Чернышевский написал: «Из трех сот» (л. 5 об.). Создается впечатление, что его что-то не устраивало,—не случайно он решил составить отдельно списки ойконимов, начинающихся с букв «А», «Е», «И», «О», «У», «Ю», «Я», и списки ойконимов, начинающихся с других букв алфавита, т. е. обозначающих согласные звуки.

В списке названий на буквы «А», «Е», «И», «О», «У», «Ю» и «Я» всего 55 ойконимов, из них вычеркнуты 34 (л. 6). Большинство названий (невыверкнутые и вычеркнутые) переведено на русский язык, например: «Идолга» 'река', «Аряшево» 'рожь', «Ерик» 'рыть', «Абадим» 'вечный', «Урлейка» 'ров', 'вершина', «Яруги» 'заковать', «Елань» 'долина, равнина', «Евлейка» 'дым', «Алтата» 'красн(ое) пятно', «Ерышевка» 'сг(оворить) невесту', 'поспориться', и т. д. Значение отдельных названий объяснено по-латыни, например: «Увек», «Узень», «Яксарка», «Азрапина» и т. д. (л. 6). Без объяснения оставлено 11 ойконимов: «Аблязова», «Ерыклей», «Ерыкла», «Елмешкино», «Абдуловка», «Усть-Уза», «Урусово», «Аркадак», «Илмень», «Ураз-Маметовка», «Юшкино». Все они (за исключением «Аркадак») — в числе вычеркнутых (л. 6).

В списке ойконимов, начинающихся с согласного звука, — 180 названий (лл. 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об.); из них вычеркнуты 113, но объяснение получили 110 ойконимов. Например: «Багаевка» 'сад', «Мезиновка» 'бедняга', «Пиксанкино» 'камень', «Балтино» 'топор', «Бакур» 'мед(но)-красн(ая) корова', «Бабарыкина» 'перец', «Балаково» 'валек', 'локоть', «Баланда» 'калина» (л. 6 об.), «Канадей» 'крыло', 'перо', «Ка-

мишкар» 'поле', «Кафтырево» 'петлица', 'крючки', 'желуди', «Кармаковка» 'удочка', «Кулясово» 'сажень', «Кондала» 'клоп', «Колбинка» 'колодка', 'болван', «Карагуж» 'служанка', «Хоненевка» 'изба' (л. 8), «Торукровка» 'гребень', «Токмаковка» 'бить', 'колотушка', «Тугума» 'мешать' (л. 8 об.). Отдельные названия объяснены по-латыни, например: «Морша», «Маянга» (л. 6 об.), «Леляевка» (л. 7), «Кушум», «Кокурино» (л. 8), «Тармаково», «Турдак», «Тамала», «Теняковка», «Терса», «Тюменевка» (л. 8 об.). 70 названий оставлено без объяснения, например: «Балтай», «Покурлей», «Пинеровка» (л. 6 об.), «Караман», «Колояр», «Калмантай», «Кармалы» (л. 8), «Донгуз» (л. 8 об.), «Кастендей» (л. 8) и т. д.

Некоторые названия, оставленные без перевода или объяснения, были переведены на русский язык, когда составлялись списки ойконимов по уездам. Например: «Урусово» 'русский' (л. 3 об.), «Елань» 'змея' (л. 6). Другие просто не татарские, например: «Кастендей», «Кармалы», «Калмантай» — чувашские; «Мача», «Пелетьма», «Морша» — мордовские; «Мочкасы», «Зерыклей» — чувашско-мордовские. Часть не переведенных на русский язык названий восходит к собственным именам: «Бекбулатовка», «Бектемировка», «Абдуловка» и т. д.

Подготовив необходимые материалы, Н. Г. Чернышевский приступил к написанию работы. Однако сделал лишь небольшой (на полстраницы) набросок вступительной части (л. 9). Разобраться в нем крайне трудно, так как в тексте много различного рода сокращений, зачеркнутых, перечеркнутых, надписанных слов, вставок. Предложения, как правило, не имеют структурной, а следовательно, и смысловой завершенности; текст обрывается на полуслове.

Набросок вступительной части начинается словами: «В Саратовской Губернии было главное становище Золотой Орды». Далее, насколько можно понять, Н. Г. Чернышевский пишет, что из «tt» (двух? многих?) тысяч названий сел, деревень и хуторов Саратовской губернии триста с небольшим (не считая немецких колоний) только кажутся русскими, двести из этих названий не могут быть удовлетворительно объяснены на материале русского, греческого, латинского языков; из этих двухсот названий 80, вероятно, восходят к ? (не удалось расшифровать) языку, 120—к татарскому. Далее автор отмечает, что из тысяч сел и деревень Саратовской губернии, где находилась столица Золотой Орды, мало таких, которые носят татарские названия. Этот факт он объясняет тем, что татары были кочевым народом, следовательно, у них было немного поселений. К тому же после распада Золотой Орды часть татар ушла в другие земли, часть осталась и сменила кочевой образ жизни на оседлый. Н. Г. Чернышевский пишет также, что русские, несомненно, давно имели контакты с татарами, со временем татарские названия сел и деревень они заменили своими, но остались и татарские названия; некоторые села и деревни до сих пор носят два названия (как, например, «Яковлевка Булатовка тож» — л. 16).

Работа над вступительной частью не была продолжена, Н. Г. Чернышевский снова начал составлять списки названий сел и деревень по уездам (лл. 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 14, 14 об.). По-видимому, епископу Иакову нужны были только эти списки населенных пунктов с татарскими названиями. И они были сделаны с большой аккуратностью, каллиграфическим почерком (лл. 15, 15 об., 16, 16 об.), но не Н. Г. Чернышевским, а каким-то другим человеком. Всего в них 209 названий—по уездам: Саратовский—2, Волгский—27, Хвалынский—42, Кузнецкий — 70, Петровский — 30, Балашовский — 3, Камышинский — 3, Царицынский — 6, Царевский — 3, Новоузенский — 7, Нико-

лаевский — 16. Далеко не все названия сел и деревень, представленные в списках, являются татарскими по происхождению, например: «Недоликово», «Стригай» (л. 15), «Вязовый Гай», «Зеленовка» (л. 15 об.), «Песчанка» (л. 16), «Яковлевка», «Потьма», «Пичуга», «Кунья Сарма» (л. 16 об.).

Естественно, возникает вопрос, почему Н. Г. Чернышевский сам не завершил эту работу? На наш взгляд, это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, Н. Г. Чернышевский, по всей вероятности, не хотел свести свою работу к простому перечислению ойконимов, цель ее изначально была шире: не только зафиксировать количество и территориальное распространение татарских названий, но и по возможности объяснить их происхождение и значение. Не случайно он назвал свою работу «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии». Во-вторых, в конце декабря 1845 г. Н. Г. Чернышевский подал прошение об увольнении из семинарии и покинул ее 26 января 1846 г., чтобы подготовиться к вступительным экзаменам в Петербургский университет. Будучи очень занят, он, вероятно, оставил начатую работу. Тем не менее анализ сделанного Н. Г. Чернышевским, несомненно, представляет большой интерес. Объяснение татарских названий сел и деревень, как правило, дается в определенной последовательности (за исключением листов 13 и 13 об., они, в сущности, являются материалами для татарско-русского словаря): сначала записывается русское название села или деревни, затем — татарское слово (арабской графики), к которому оно восходит, затем — его перевод на русский язык. Например: «Идолга أيدل (в современной татарской графике «Идель» — Л. Ф.) «река» (л. 6). Если Н. Г. Чернышевский не вполне уверен, правильно ли указано у него татарское слово, к которому восходит тот или иной ойконим, то он помечает его знаком «?», а чаще «мб» (= «может быть»). Такие пометы имеются, в частности, при названиях «Терса» (л. 4), «Сулак» (л. 4 об.), «Еруслан», «Атаевка» (л. 6), «Найман» (л. 7 об.), «Карамиевка» (л. 8). Сомневаясь в точности перевода, автор сопровождает его также знаком «?» или словами «вроде» и «мб». В качестве примеров можно привести переводы таких названий, как «Чертоклек» (л. 2 об.), «Салтыково», «Суверень» (л. 3 об.), «Колышлей» (л. 8). Нередки случаи, когда названия (в том числе татарские) не переведены на русский язык; см., например: «Колемас», «Бакурка» (л. 3 об.), «Терса», «Балтай» (л. 4), «Алай» (л. 6), «Покурлей» (л. 6 об.), «Рахинка» (л. 7 об.), «Карай», «Катынка» (л. 8).

Ряд названий сел и деревень объяснен по-латыни; см., например, ойконимы «Дума-Иль» (л. 3), «Увек» «Яксарка», «Инясево» (л. 6), «Кушум», «Кокурина» (л. 8), «Гамала», «Теняковка» (л. 8 об.).

Определяя значение татарских слов, Н. Г. Чернышевский пользуется разными способами и приемами. Например (татарские слова даются в современной татарской графике): «Урусово — урус — русский», «Елань — елан — змея», «Байка — бай — богатый» (л. 3 об.), «Арышево — арыш — рожь» (л. 6); «Елань — елан или ялан — долина, равнина» (л. 6), «Рамзана — рабаз — крепость, город», «Казеевка — козы — судья, кади» (л. 8); «Курдим — кур-мак — строить, срубить (строение) К(урдим). Пр.(время) I (лицо) Ед. (число). Я срубил, построил (очевидно, надо читать «построил»), т. е. про село К(урдим). Значит, постройка села» (л. 2).

В анализируемой работе Н. Г. Чернышевского, безусловно, есть точные, не совсем точные, спорные и ошибочные объяснения татарских названий сел и деревень Саратовской губернии. Последних, думается, больше. Однако следует учесть, что речь идет о работе семнадцати-

летнего семинариста, а не специалиста-тюрколога. Установить этимологию того или иного ойконима—дело чрезвычайно сложное, часто требующее специального исследования. Рассмотрим, например, название «Курдим». Если считать, что это татарское слово, то его можно перевести не только как у Н. Г. Чернышевского: «я срубил, построил», но и как «я видел (увидел)» — «к рд м». Но и в том и другом случае этимология ойконима «Курдим» сомнительна. Скорее всего, «Курдим» — чувашское слово; изначально оно состояло из двух слов, а именно: «кӑр (ӑ)» 'сухой (-ая, -ое)', «Тим» — название речки, довольно распространенное. Так, например, чуваша, живущие в селе Тимеш (официальное название «Кожай-Семеновка») Миякинского района Башкирской АССР, сдин из притоков реки Белой называют Тим (по-русски «Дема»), а речки, протекающие неподалеку от села, — Тимеш (формант «-еш» — обычный аффикс словообразования производных имен). Более того, одно из урочищ они до сих пор называют «Кӑртимеш». Когда-то там протекала речка Тимеш, затем она высохла, и урочище получило название «Кӑртимеш», т. е. «сухой Тимеш». Поэтому допустимо предположение и о реальности названия «Картим» (в русском произношении Курдим) «сухой Тим» (ср.: «Сухой Карабулак»).

Оценивая результаты труда Н. Г. Чернышевского, не следует также забывать, что нашему анализу были подвергнуты всего лишь **материалы для работы**. Но и они свидетельствуют, что Н. Г. Чернышевский уже в ранней юности обладал достаточно обширными лингвистическими знаниями и проявил себя как языковед.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 309. Обзор топографических названий татарского происхождения в Саратовской губернии. (Ссылки на названную работу Н. Г. Чернышевского даются в тексте в скобках).

² *Пыпин А. Н.* Мои заметки//Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов. кн. изд-во, 1958. Т. 1.

³ *Духовников Ф. В.* Николай Гаврилович Чернышевский и его жизнь в Саратове//Там же.

⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 298. Упражнения Н. Г. Чернышевского по татарскому языку и татарской грамматике и материалы для чтения и перевода. Лл. 1—38 с об.

⁵ См.: *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский: Научная биография. Изд-во Саратов. ун-та. 1978. Ч. 1.

⁶ См., например: *Степанова А.* Лингвистическое наследие Н. Г. Чернышевского//Рус. яз. в школе. 1957. № 6.

⁷ *Сергеев П. А.* Лингвистическое и методическое наследие Н. Г. Чернышевского. Челябинск, 1975.

⁸ *Василевская Е. А.* Н. Г. Чернышевский и вопросы языкознания//Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1978. № 4.

⁹ *Гайнуллин М. Х.* Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке//Изв. Казан. фил. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1955. Вып. 1.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Н. НУРМАНОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, НАХОДЯЩИЕСЯ
ВНЕ ОППОЗИЦИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Каждому предложению (кроме номинативного) присуща привативная оппозиция по признаку утвердительность — отрицательность. Отрицательное предложение образуется из утвердительного с помощью определенных отрицательных маркеров. Причем оба члена оппозиции ассоциативно связаны. Однако при определенных условиях один из оппозитивных членов выходит из оппозиции, выступая либо в отрицательной, либо в утвердительной форме. Этому в большинстве случаев способствует наличие в составе предложения «специальных», так называемых кванторных, слов [1. С. 79]: *ҳеч қачон*, *ҳеч қим*, *ҳеч қайси* и т. д. Кванторные слова придают предложению стенициональную форму. Стенициональной называется форма, возникающая в результате замены имен индивидуальных объектов предложения переменными [1. С. 85].

Иногда в функции квантора употребляются слова, вступающие в синонимичные отношения с кванторными словами *ҳеч нарса*, *ҳеч* и т. д. Таковыми являются, например, слова *ҳе мири* 'ни гроша'. Например:

Утвердительный ряд

- 1 а. —
1 б. *Чўнтакда бир мири бор*
'В кармане есть пять копеек'.

Отрицательный ряд

- Чўнтакда ҳе мири йўқ* («Муштум») 'Ни копейки в кармане';
Чўнтакда бир мири йўқ
'В кармане нет пяти копеек'.

В предложении 1б сохраняется оппозитивный ряд, ибо слова *бир мири* выражают конкретное количество. При квантификации этого предложения с помощью квантора *ҳе мири* данная конструкция выходит из оппозиционного ряда и употребляется только в отрицательной форме, так как лексическое значение *ҳе мири* совпадает со значением слов *ҳеч нарса* 'ничего'. В семеме *ҳе мири* выражается и сема «деньги» и сема «необладание», «отсутствие». Поэтому *ҳе мири* не может сочетаться со словом, включающим сему «существование», и сочетается лишь со словом, выражающим отрицание; например: *чўнтакда ҳе мири йўқ* («Муштум») 'ни копейки в кармане' или *чўнтакда ҳе мири қолмади* 'не осталось ни гроша в кармане'.

Утвердительный ряд

- 2 а. —

Отрицательный ряд

- Лекин Машрабнинг кўзида уйқудан асар йўқ* (О. Ёқубов) 'Однако нет и признака сонливости в глазах Машраба'.

2 б. *Лекин Машрабнинг кўзида уйқу бор* 'Однако в глазах Машраба есть сонливость'.

Лекин Машрабнинг кўзида уйқу йуқ 'Однако в глазах Машраба сонливости нет'.

Предложение 2а не принадлежит к утвердительному ряду. При трансформации этой конструкции путем адъюнкции кванторного слова *асар* 'никакой признак' она выходит из оппозиции, так как, употребляясь после имени существительного в исходном падеже, *асар* имеет сему «отсутствии обладания», обобщая таким образом отрицательное значение. См. еще:

Утвердительный ряд

3а. *Анна Мариянинг чеҳрасида бояги маъюслик қолди* 'В лице Анны Марии осталась прежняя задумчивость'.

3 б. —

Отрицательный ряд

Анна Мариянинг чеҳрасида бояги маъюслик қолмади 'В лице Анны Марии не осталось прежней задумчивости';
Анна Мариянинг чеҳрасида бояги маъюсликдан асар ҳам қолмади (У. Умарбеков) 'В лице Анны Марии не осталось и следа прежней задумчивости'.

Таким образом, одной из причин нарушения бинарной оппозиции являются кванторы, привносящие общее отрицательное значение.

Слово *ҳали*, будучи полисемантическим, имеет здесь значение определенного периода времени, предшествующего акту речи, в который не совершается действие, выражаемое главным членом. В этом значении оно теряет самостоятельность и не отвечает на определенный вопрос. Поэтому указанная выше сема имеет признак сочетаемости только с отрицательными глаголами. В результате синтаксические конструкции, в составе которых употребляется слово *ҳали*, выходят из оппозиции. Для выделения значения отрицаемого члена после него употребляется частица *ҳам* (ям). Например: *Ҳали галланинг учдан бириям ўрилгани йўқ* (О. Ёкубов) 'Еще не скошена и треть всего урожая'; *Ҳали қоронғи (ҳам) тушмасдан, лампалари ўчнадиган... уйларда нималар содир бўлишини... билиш жуда қийин эди* (У. Умарбеков) 'Еще и не ночь, а уже лампы тушатся... трудно было узнать, что творится в домах'; *Ҳали олти ойга (ҳам) етмай оёғи жуда оғирлашиб, тоғда узоқ ўтириб қоладиган, бутун вужудини оғриқ тутиб қийнайдиган бўлди* (А. Мухтор) 'Не прошло еще и 6 месяцев, а уже ноги отяжелели, засиживалась недолго в горах, все тело ныло от боли'. Именно по этому признаку она противопоставляется другим семам со словом *ҳали*, которое, отвечая на вопрос *қачон* 'когда', выражает значения прошедшего или будущего времени и выполняет функцию обстоятельства времени. Сема с этими значениями имеет признак сочетаемости и с утвердительной и с отрицательной формами глагола. Например:

ҳали ўқиди 'чуть раньше читал';
ҳали ўқийди 'чуть позже будет читал'.

ҳали ўқимади 'чуть раньше не читал',
ҳали ўқимайди 'чуть позже не будет читать'.

См.: *Ҳали ревизиядан яхши чиқиб, бир душманларни уялтирайлик* (О. Ёкубов) 'Еще мы пристыдим врагов после успешной ревизии'. Следовательно, слово *ҳали* характеризуется многозначностью: когда оно составляет оппозитивный ряд, то выражает значения «чуть раньше»,

«чуть позже» и находится в отношении дистрибуции свободного варьирования со словами *бир оз олдин* 'чуть раньше', *бир оз кейин* 'чуть позже'; когда *ҳали* находится вне оппозиции, то оно выражает значение «еще», «пока». В случае эллипсиса этого слова временное значение данной конструкции не изменяется.

Иногда частица *ҳам* является обязательным элементом отрицательной конструкции. В частности, в предложении *битта ҳам теракка ўхшаган дарахт кўринмайди* (У. Умарбеков) частица *ҳам* выводит из оппозиции данную конструкцию. Она употребляется только в отрицательной форме, не обладая утвердительным рядом. В случае трансформации данной конструкции путем отбрасывания слова *ҳам* она входит в оппозицию по признаку «утвердительность — отрицательность». Ср.:

Утвердительный ряд

Битта теракка ўхшаган дарахт кўринди.

Отрицательный ряд

Битта ҳам теракка ўхшаган дарахт кўринмайди.

Битта теракка ўхшаган дарахт кўринмайди.

В сравнительных конструкциях типа *У Аҳмаддан катта (кичик)* 'Он старше (моложе) Ахмеда'; *У Аҳмаддан чиройли* 'Он красивее Ахмеда' и т. д. при наличии слова *унча* между основой сравнения (*катта* 'старше', *чиройли* 'красивее') и эталоном сравнения (*Аҳмад*) употребление данной конструкции в отрицательной форме является обязательным, т. е. если основа сравнения входит в привативную оппозицию по признаку утвердительности—отрицательности, то после адъюнкции слова *унча* она имеет только отрицательную форму. Ср.:

Утвердительный ряд

У Ориф акадан катта (А. Мухтор) 'Он старше Арифа-аки'.

Отрицательный ряд

У Ориф акадан катта эмас 'Он не старше Арифа-аки';

У Ориф акадан унча катта эмас 'Он не намного старше Арифа-аки'.

Отрицательность фразеологизмов может диктоваться лексическим значением определенного слова, употребляющегося в их составе. Например: *Текинга мушук офтобга чикмайди* (народная пословица) 'Зря кот не греется на солнышке'. Отрицательность данной конструкции теснейшим образом связана со словом *текинга* 'зря'. Если исключить слово *текинга* из состава данной конструкции, то она приобретает оппозитивные ряды. См.:

Утвердительный ряд

Мушук офтобга чиқади 'Кот выйдет к солнцу'.

Отрицательный ряд

Мушук офтобга чикмайди 'Кот не выйдет к солнцу'.

Употребление некоторых конструкций только в отрицательной форме определяется содержанием целого высказывания. Например: *Ярим ойдан кейин турмуш қаттиқ ўзгарди. Қора тўриқ ҳам энди гижингласди* (А. Мухтор) 'Спустя полмесяца жизнь совсем изменилась. И крошечная (лошадь) теперь была спокойной'. Содержание первой конструкции требует утвердительной формы второй конструкции.

Некоторые фразеологические сочетания и выражения, употребляясь либо в отрицательной, либо в утвердительной форме, находятся вне оп-

позиции. Так, например, ряд конструкций употребляется только в отрицательной форме. *Парво килма* 'не обращай внимания'; *Баъзида юраги ёнгани билан, Парво қилмас эди ҳеч қачон бунга* (А. Орипов) 'Хотя жгло сердце, он никогда не обращал на это внимания'; *Пинагини бузмаслик* 'не обращать внимания'; *Шохнинг имоси билан унинг оёғи остига бир тавоқ олтин тўқдилар. Устод пинак бузмади* (Мирмухсин) 'По намеку шаха к его ногам высыпали тарелку золота, учитель не обратил внимания'; *Ўзини билмай қолмоқ* 'Терять самообладание': *Бир неча йилдур ёрдин жудоман, Билмай ўзумни ҳар ёна бўлдум* (Машраб) 'Несколько лет я без милой бредил, теряя самообладание'; *орқаларига қарамай* 'без оглядки': *Улар аввал аста тисарилиб, сўнгра тирқираганча орқаларига қарамай қочдилар* (А. Мухтор) 'Сначала они медленно попятнулись, затем враспынную побежали без оглядки'.

Зум ўтмай
Ҳаёл ўтмай 'скоро'. Например:
Кўп ўтмай
Дам ўтмай

Жуда ниқтаганимда лўкиллаб
Жўра акага етар ва зум ўтмай,
яна орқада қолиб кетар эди
 (У. Умарбеков) 'Когда сильно подгонял, словно верблюдов, он догонял Джуру-аку и вскоре снова отставал'.

Бўлмаган гап 'ложь': *Фаҳмляяписизми, ўлиб йўлда қолиб кетаётганлар ҳаммаси бекнинг одамлари...*—*Бўлмаган гап* (А. Мухтор) '—Понимаете, все мертвые, остающиеся на дороге, люди бека... — Ложь'. *Ўзингиздан қоллар гап йўқ ўтар* 'Нечего скрывать от вас'. *Ўзларингиздан қоллар гап йўқ: Шу кеча-кундузда душман Курск — Белгород районларида кўч тўплаб, ҳужумга отланаяпти* (А. Қаҳҳор) 'Нечего скрывать от вас. В эти дни враг сосредотачивает силы и готовится к атаке в районе Курска — Белгорода'. *Қулоқ эшитмаган* 'Неслышанные'. Например: *Кўз кўриб, қулоқ эшитмаган ишлар* (А. Мухтор) 'Невиданные, неслышанные дела'. *Етти ухлаб тушга кирмаган* 'Не сшившиеся'. Например: ... *Кела-жагим етти ухлаб тушимга кирмаган воқеалар билан тўлишига умид боғлаган эдим* (У. Умарбеков) 'Думал, что мое будущее полно событий, не сшившихся мне' и т. д.

Следующие конструкции употребляются только в утвердительной форме: *Жонини олсин, Бошинг тоштон бўлсин, Оқ йўл бўлсин, йўл бўлсин, Хуш келибсиз, Бетинг чирисин. Дўзахга дўмбира бўлгур, Гўрида тинч ётсин, Тўнғиз кўпкир, Айнанай ўргилай, Гиргиттон кетай, Курбонинг бўлай* и т. д.

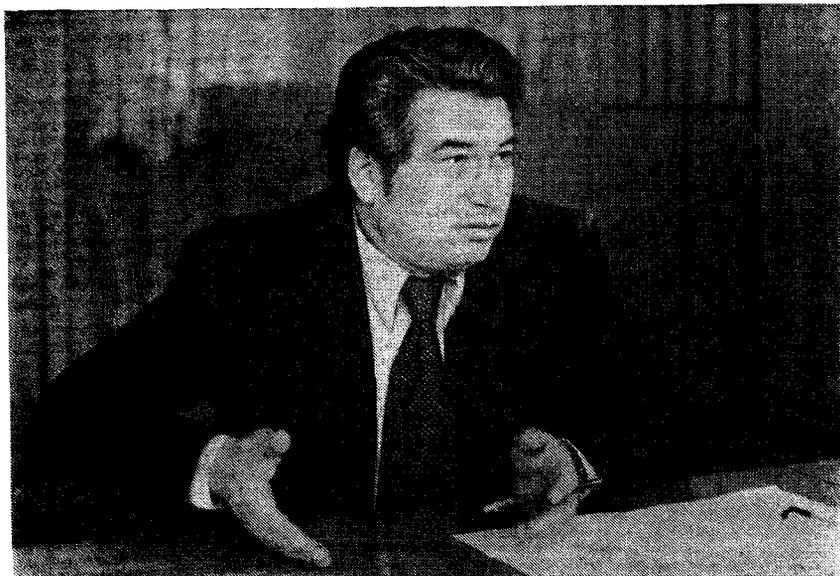
Все отмеченные конструкции исторически входили в привативную оппозицию по признаку утвердительности — отрицательности, образуя симметричные отношения. Постепенно эти конструкции, «окаменев», превращались в готовую языковую единицу, либо, утрачивая первичное значение и сохраняя только переносное значение, они нарушили эти симметричные структуры, и возникла их асимметрия, которая устраняется с помощью семантически соотносительных конструкций. Например: *Назарига илмади — Эътибор билан қаради, Ҳурмат қилди* и т. д. Однако это уже не грамматическая, а семантическая оппозиция, что свидетельствует о том факте, что порой асимметричность в структуре языка устраняется на основе семантических оппозиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Мы открываем новую рубрику «Актуальное интервью», которая будет предоставлена в распоряжение виднейших писателей, ученых и общественных деятелей. Они поделятся с читателями своими соображениями относительно роли и значимости тюркских языков в нашей многонациональной стране, проблем культуры малых народов, а также по многим другим актуальным вопросам. Наш гость—Чингиз Айтматов.

— Чингиз Торекулович, Вы — первый гость рубрики «Актуальное интервью», и мы, приветствуя Вас, выдающегося советского писателя, от имени редколлегии и редакции нашего журнала просим еще раз вернуться к тем практическим вопросам тюркологии, которые были и находятся в центре Вашего внимания, вокруг которых Вы неустанно полемизируете, добиваясь их эффективного решения.

— Тюркология — наука с неограниченными возможностями и несомненной перспективой. Не менее важным, на мой взгляд, является и факт издания, причем именно у нас в СССР, а не где-нибудь, такого авторитетного журнала, каким является «Советская тюркология». И то, что есть, существует наука, т. е. тюркология, то, что издается специальный тюркологический журнал, — все это призвано удовлетворять

культурным потребностям большого региона тюркоязычных народов, которые существовали уже издавна. Ведь это реальный, неоспоримый факт, что тюркоязычные народы имеют древнейшую историю, хотя окончательное формирование и развитие тюркологии как самостоятельной и многоотраслевой науки в основном следует отнести к советской эпохе. Конечно, она где-то там возникала, были первые шаги, был Махмуд Кашгари, а потом другие дореволюционные исследователи, — все это было, но в целом размах тюркологии, ее утверждение приходится на советский период. О журнале я уже не говорю, потому что само название «Советская тюркология» красноречиво свидетельствует о времени его издания. Конечно, эта эпоха, т. е. эпоха социализма, как это мы сегодня видим и понимаем, имела и имеет, видимо, много сложностей, противоречий, которые оставили определенный след и в деятельности наших тюркологов. Это естественно. Но при всем том мы должны принять то, что именно благодаря социализму существует эта наука, издается журнал, работают научные тюркологические учреждения. А дальше надо всем вместе думать о том, как дальше развивать эту науку, как сделать ее полезнее, что предпринять чтобы на страницах журнала появлялось побольше статей, отвечающих требованиям сегодняшнего дня, а ученые-тюркологи, выйдя за пределы своего кабинета, подключались к решению неотложных практических задач сложнейшей проблемы языкового строительства в нашей многонациональной стране. Проблем много, нерешенных вопросов — и в области языка, и в области истории, и в области литературоведения и фольклористики — много, и их решение, конечно же, прежде всего зависит от целеустремленности и научных возможностей ученых-тюркологов. А писатели моего типа могут, видимо, только лишь творчески влиять на них, и потому я с большим уважением отношусь к тем людям, которые посвятили себя тюркологической науке. Что касается тех проблем языковой жизни, которые заставляют меня задумываться, а без этого невозможно, потому что эти проблемы охватывают, я сказал бы, суть нашей жизни, и на которые у меня в течение долгих лет поисков и размышлений сформировались определенные взгляды, то о них я с большим удовольствием могу кое-что сказать.

Сегодня я вот о чем думаю. Обратите внимание на реально существующую парадоксальность: речь идет о тюркских языках, а многие тюркологические исследования и журнал издаются все-таки на русском языке. В мировой практике немало примеров, когда одни языки исследуются и изучаются через другие, более развитые и крупные. Например, такую роль для языков Индии играет английский язык. Аналогичную роль французский выполняет по отношению к африканским языкам, во всяком случае, к североафриканским. Я думаю, у нас сходная ситуация. И от этого никуда не уйдешь, и это надо принимать так, чтобы извлечь из сложившейся ситуации наибольшую выгоду. К сожалению, одного всем общедоступного тюркского языка, который мог бы все в себя вобрать и быть для всех в одинаковой степени близок, нет. Чего нет, того нет. Даже у киргизов и казахов, языки которых очень близки, научный обмен все-таки больше идет на русском языке, который, надо сказать, как бы то ни было, несет научную, объединительную функцию.

В наши дни языки претерпевают заметные изменения, причем не структурные или фонетические, а изменения контактные, в результате взаимодействия с другими языками, и мы пытаемся определить место

каждого тюркского языка, его функциональную сферу, опираясь на очень сильного партнера. Этот партнер — русский язык.

У нас очень часто говорили и говорят о двуязычии. Двуязычие нужно. После многочисленных дебатов, споров, иногда переходивших всякие культурные границы и доходивших до обостренного непонимания, мы, наконец, пришли к такому выводу. В настоящее время в нашем регионе тюркские языки наилучших условий своего существования достигнут лишь в партнерстве. Для этого требуется большая и сложная работа. Мы, вторые партнеры, должны думать, что и каким образом сделать, чтобы наши языки в постоянном сотрудничестве и взаимодействии не несли урона, а, наоборот, все больше впитывали в себя смысла и значений современного порядка. Существующие категории мысли должны формироваться в глубинах современных тюркских языков. Я думаю также, что нужно понимать и принимать уже сложившиеся исторические судьбы. Конечно, есть люди, которые предполагают, к чему может привести, чем закончится концепция двуязычия, есть сомнения, какие-то колебания. Но я другой альтернативы не вижу, и потому я сторонник билингвизма в конкретном регионе, в каждой республике. Пытаюсь представлять эти позиции и здесь, дома, и в центре, и в своих выступлениях и публикациях за рубежом. Не знаю, как вы — ученые — на это смотрите. Во всяком случае, жизненная практика показывает, что сейчас это наиболее верный путь. Социально-политическая обстановка такова, что она способствует именно такому ходу развития языковой культуры. Повторяю, мы должны добиться очень высокой степени развития внутренней культуры с тем, чтобы оказаться в двуязычной паре достойным партнером, — ведь очень легко постепенно утратить свои позиции, переключиться на один язык. Чтобы этого не произошло, надо приложить творческие, научные, идеологические и культурные усилия. Все теперь зависит от нас.

Мы так привыкли в годы культа личности, застоя к тому, что кто-то за нас решает, кто-то что-то должен за нас сказать. Не можем отойти от того, чтобы не ждать указаний, не бегать за всяким разрешением. Вчера на партсобрании я об этом говорил. Как раз речь шла о языках, национальной культуре, и я пытался внушить эту мысль: никто другой не обязан ломать голову и думать что делать, чтобы этому языку было удобно развиваться. Мы сами должны это делать. Но дело в том, что в настоящее время наблюдается слишком заметное переключение на другой язык. Вот сейчас я проезжал мимо Союза художников республики. Там стоит большая реклама работ нашего киргизского художника на русском языке. Рядом могла бы быть реклама на национальном языке, но ее нет. Сразу же возникает мысль: прежде чем перейти на другой язык, надо уметь назвать себя на национальном языке. И приходится на каждом шагу, везде и всюду напоминать об этом. Это напоминание встречается иногда доброжелательно, иногда же некоторые люди поворачивают его в другую плоскость, называя национализмом.

У вас в Азербайджане в этом отношении, я думаю, более благополучное положение, и в Узбекистане благополучно. Более слабое применение национального языка в Казахстане и у нас. Я это объясняю тем, что в недавнем прошлом у нас не было письменной культуры, самовыражения, больше развивалось устное творчество; передвижение, кочевой образ жизни не давали возможности развивать культуру, не было постоянно действующих школ, — это с одной стороны. С другой стороны, я думаю, большое негативное влияние оказало и то, что более старшее поколение было в этом отношении безответственным. Более того, многие были поражены недугом национального нигилизма. Они

и сейчас готовы отвергать богатства национального языка, растоптать их во имя якобы интернационализма. Но это уже не интернационализм, поскольку интернационализм предполагает взаимодействие, а не аннулирование существующих языков. Им, видимо, в свое время было выгодно так жить, и свои личные цели они могут ставить выше народных и национальных нужд и проблем. Мы с этим сталкиваемся и боремся, как можем. Все это происходит публично, и сам факт борьбы имеет положительное значение, так как люди начинают призадумываться над тем, что к чему.

— Вы правильно заметили, что у нас в республике положение с родным языком несколько благополучнее. Вместе с тем употребление азербайджанского языка в роли языка официальных документов, технической, экономической, философской и т. д. литературы ограничено, что, выражаясь Вашими словами, лишает его интеллектуального фермента...

— То, что Вы говорите, — это полбеды. Бывает так, что вся научная литература пишется только на одном — русском языке. До такого положения дело дошло у нас в Киргизии. Я никого здесь не виню. Русские представители в этом смысле не чинили нам никаких препятствий. Это наша нация виновата, малокультуре старшего поколения привело нас к этому. Сейчас мы пытаемся исправить создавшееся положение, хотя встречаемся с большими трудностями. Диссертации все пишут только на русском языке. И язык теряет внутренний интеллектуальный фермент. Мы должны хотя бы переводить все это, причем вовремя. Но и здесь некоторые лица пытаются обвинить нас в недооценке русского языка. Они совершенно не правы. Речь идет не о противопоставлении одного языка другому. Русский язык — один из таких языков, которые всегда будут существовать по своим законам. Мы же, взаимодействуя с ним, должны принимать сторону сосуществования. Сейчас народы ищут формы политического сосуществования в государстве, и мы должны находить формы двуязычного сосуществования. И наука, и Ваш журнал должны содействовать осознанию этой необходимости.

Вернемся к теме нашего разговора. Еще раз повторяю, я не специалист, т. е. не профессиональный языковед, хотя и неравнодушный, когда речь идет о языке и языках, человек. К отдельным тюркским языкам отношение у меня сложилось разное: я прекрасно знаю, естественно, свой родной язык — киргизский и еще казахский, потому что он очень схож с моим родным языком. Достаточно хорошо знаю татарский язык, так как мать у меня татарка, хорошо разбираюсь в узбекском, несколько труднее — в башкирском. Весьма парадоксально мое отношение к туркменскому языку: одни говорят — все понимаю, а у других не понимаю ничего. У меня есть друг — известный туркменский кинорежиссер Ходжа Нарлыев. Так вот, когда он говорит по-туркменски, я ничего не понимаю. Я несколько раз его просил: «Делай так, чтобы мы с тобой друг друга понимали». Что касается азербайджанского языка, то он мне более доступен и близок, потому что я более или менее хорошо владею турецким, разговаривал с его представителями, а когда был в Турции, даже как-то дерзнул выступить по радио на своем киргизско-турецком языке. К чему я все это говорю? Дело в том, что отдельные тюркские языки не так уж далеки друг от друга, просто между ними возникла какая-то преграда, и тоже по нашей вине, и поэтому они по отношению друг к другу попали в полосу отчуждения. Надо, чтобы эти языки потянулись друг к другу, чтобы взаимообмен терминами, словами между ними стал гораздо интенсивнее. Однако наше старшее поколение настолько замкнулось, что не хочет принимать этот взаимо-

обмен. Особенно это касается языков казахского и киргизского. Надо пытаться заимствовать, ведь здесь ничего дурного нет, это как взять у родного брата. Вчера на партийном собрании я сказал, что не надо подходить к этому аскетически, нищенски замыкаться и утверждать: это азербайджанское слово, а это узбекское. Более того, надо неустанно развивать эти обмены, причем развивать научно, учитывая веление нашего времени, а также историческую судьбу и специфику каждого отдельного языка тюркской семьи. Ведь всем известно, что, несмотря на древнее происхождение, отдельные тюркские языки развивались неравномерно, ибо оказались в разных социальных и исторических условиях. История, прошлое оставили свой отпечаток в судьбе каждого из них. Одни — назовем их центральными — продвинулись вперед, например, азербайджанский, — более развитый письменно, или узбекский. Другие в своем развитии отодвинулись назад, их можно назвать периферийными, — ведь отдаленность от ведущих культурных центров сказывается на состоянии языка.

И потом, что бы мы там ни говорили, надо учитывать и роль ислама, который, как и всякая религия, — одно из культурных достояний и несет в себе и отрицательные и положительные качества, и какие-то реакционные черты. К этому надо относиться диалектически, научно. Ведь независимо от нашего атеистического мировоззрения, никто из нас не вправе отрицать влияние ислама на литературу, культуру и язык тюркских народов. Можно привести сотни, тысячи примеров, которые наглядно демонстрируют, насколько оно ошутимо. Роль ислама в формировании, развитии и обогащении хотя бы лексического состава тюркских языков, их терминологии была огромной, и ее непременно надо учитывать. А то и сегодня находятся люди, которые готовы исключить из общения слова инсан — «человек», иман — «совесть» лишь потому, что они заимствованы из арабского. Это не только отрицание того или иного слова, это отрицание прошлого, ибо за этими словами — важные исторические, политические, экономические и другие причины их проникновения в тюркские языки. А отрицание прошлого, полностью или частично, — это деградация цивилизации.

— Сейчас мы очень много говорим о сосуществовании, партнерстве языков, о сохранении этнографии народов, особенно малых, хотя независимо от наших прогрессивных стремлений потеряно очень много. Отдельные виды растений и животных попадают в «красные книги», тогда как рядом на грани исчезновения находятся целые народы, носители очень древних и богатых традиций.

— Это, я считаю, изначальный недостаток современной культуры мышления, хотя немаловажную роль в этом играют экономические факторы. Вот пример. Я часто бываю в Европе и часто там встречаюсь с турками; особенно много их в Западном Берлине. И вот, когда я говорю с представителями старшего поколения, мы сразу находим общий язык. С более молодыми людьми, родившимися вдали от родины, я уже разговаривать не могу, ибо я не знаю немецкого, а они не знают своего языка, а если и знают, то поверхностно, применяя его в ограниченной, узкосемейной сфере. Происходит это потому, что общество не использует турецкий язык в своей внутренней экономической жизни. Вот так же и наши малые народы, оказываясь в исторически невыгодных условиях, постепенно утрачивают свою самобытность. Немалую роль в этом играют и средства информации. Например, когда телевидение ежедневно 90% своей информации дает на одном языке и только 10% — на другом, люди быстро привыкают к тому языку, который они слышат чаще, и уже неосознанно отдают предпочтение именно этому языку, постепен-

но отходя от своей национальной основы. Я однажды на пленуме Союза писателей сказал, что мы все время говорим о преимуществах социализма. Иногда эти преимущества действительно есть, а иногда они иллюзорны и лицемерны. Если мы социалистическое общество, то эти преимущества должны сработать, чтобы сознательно регулировать происходящие процессы. На Западе, в капиталистических странах, они неуправляемы, там все регулирует экономика, рынок. Каков рынок, таковы и культура и судьба языков. Взять хотя бы пример с турками. Мы же должны регулировать развитие языков сознательно; уделяя больше внимания, больше средств культурной работе, нам необходимо попытаться вернуть малым народам их самобытность, поднять у них внутреннее национальное самосознание. Этому должны содействовать и школы, и детсады, и телевизионные и радиопередачи, и театральные постановки.

— В своих произведениях Вы очень часто обращаетесь к тюркской мифологии. Чем вызван этот интерес?

— Мифология существует издавна. Выражая мудрость народа, она является его культурным достоянием. Относиться к этому исторически, не пренебрежительно я не считаю национализмом. Мифология не анахронизм, она есть, она нужна, но к ней надо подходить сознательно, разумно, культурно. При этом в литературе обращение к мифологии должно быть не самоцелью: оно должно вытекать из внутренней потребности произведения и органически сливаться с другими его компонентами. Лишь в этом случае миф сможет активно содействовать вскрытию корней рассматриваемого поступка. Именно этим и объясняется успех образа Манкурта...

— Образ Манкурта как бы аккумулирует в себе всю трагедию беспамятства. Ведь в своей погоне за научно-техническим прогрессом мы, наверное, многое не только приобрели, но и потеряли, не так ли?

— Безусловно. От своей первоосновы мы отошли слишком далеко, некоторые нравственные качества, опоры окончательно утрачены. Что утрачено, то утрачено. Сейчас же надо во что бы то ни стало сохранить оставшееся. И вот к этому Вы должны стремиться в новой рубрике Вашего журнала — «Наследие». Одним словом, Ваш, да и наш тоже, журнал «Советская тюркология» наряду с решением крупных научно-теоретических проблем должен активно способствовать преемственности поколений, сохранению высоких нравственных черт, присущих всем народам, включая и тюркские. Желаю Вам в Вашем благородном деле больших успехов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Многие этносы и соответственно их языки имеют два и даже более названий, часть из которых носит устаревший характер и практически неупотребительна в специальной литературе. Тем не менее в научных изданиях 60—80-х годов нередко приходится сталкиваться с регенерацией и довольно активным употреблением подобных архаизмов. Так, применительно к тувинцам устаревшими являются наименования типа *сойоны*, *сойоты*, *урянхайцы* [1. С. 322] и соотносительные с ними прилагательные (определяющие, в частности, языковую принадлежность) *сойонский*, *сойотский* и *урянхайский*. Однако в современной отечественной лингвистической (тюркологической и шире — алтаистической) литературе еще встречаются если не сами названные архаичные этнонимы, то соответствующие им этноязыковые определения.

В «Этимологическом словаре чувашского языка» отмечены слова *сойонский* (тувинский), *урянхайский* (тувинский) и собственно *тувинский* [2. С. 12—13]. Первое из этих наименований, по-видимому, отражает тюркскую языковую систематику, принятую в трудах В. В. Радлова (в том числе в его «Опыте словаря тюркских наречий»), а второе — знакомство с известной работой Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», о чем свидетельствуют примеры типа урянх. *паштак* 'шалун' [2. С. 169].

В списке сокращений названий языков, диалектов и говоров к первому тому «Этимологического словаря тюркских языков» даются (также без комментариев, но на этот раз и без соотношения с тувинским языком) названия *сойонский*, *сойотский*, а также *сянский* (сойонский) [3. С. 24]. Как свидетельствует конкретный языковой материал, определение «сойотский» относится к лексике из словаря М. А. Кастрена, а «сойонский» и «сянский» — к указанному словарю В. В. Радлова, причем первое из них, по-видимому, воспроизводит принятое в этом источнике немецкое название тувинского языка (Sojonisher Dialect), а второе — его русский эквивалент («сянское наречие») [4. С. 18]. В этом списке устаревших названий не встречается наименование *урянхайский*, что объясняется, возможно, тем, что труды Н. Ф. Катанова (в том числе «Опыт исследования урянхайского языка») вообще не входят в число постоянных источников данного этимологического словаря.

В недавно изданной «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков: Фонетика» имеются названия *сойонский* и *сойотский* [5. С. 62, 131, 136].

Употребление подобных этноязыковых архаизмов отражает, с одной

стороны, излишнюю, на наш взгляд, скрупулезность исследователей, а с другой — в большей или меньшей степени влияние зарубежных образцов, сознательно ориентированных на устаревшую (нередко еще дореволюционную) терминологию применительно к современным языкам. К числу таких работ может быть отнесен этимологический словарь М. Рясняна, где сокращение *soj*, обозначающее как сойонский (*sojotisch*), так и сойотский (*sojotisch*), использовано применительно не только к работам Радлова и Катанова, но и к современному «Тувинско-русскому словарю» (1955) [6. С. 14], являющемуся для Рясняна одним из основных источников по тувинской лексике.

В современных исследованиях, особенно по этимологии, приходится сталкиваться с тем, что слова тувинского языка приводятся не непосредственно по тувинско-русским словарям (или не только по ним), а по тому же словарю М. Рясняна, и при этом некритически копируется и их обветшалое языковое определение. Это прослеживается в коллективных «Исследованиях в области этимологии алтайских языков», где отмечены еще сравнительно редкие и неупорядоченные сокращения («сойот.», «сойотск.»), сопровождаемые, в частности, примерами из указанного словаря Рясняна. Характерно, что хотя в одном из таких примеров и дается помета «тув.» (тувинское), однако здесь же в скобках «разъясняется»: (сойотск.), поскольку так — у Рясняна [7. С. 39].

В более поздних «Алтайских этимологиях» тувинские материалы, воспринятые «через Рясняна», встречаются уже чаще, и для них имеется специальное сокращение «сой.» («сойонский»), фигурирующее в свиске [8. С. 224].

Возникает вопрос: что дает такое копирование устаревших этноязыковых наименований? На наш взгляд, их употребление не способствует научной точности. Ведь, поскольку эти наименования далеко не всегда соотносятся с современным определением *тувинский*, у читателя вполне может возникнуть представление, что речь идет, по меньшей мере, о двух разных языках (в частности, о тувинском и «сойонском»), тем более что в этом убеждены и некоторые исследователи. Например, в «Алтайских этимологиях» мы встречаем выражения типа «тув., сой. *үдэ* — 'проводить'» или «тув. *үре* — 'семя', 'зародыш', ... сой. *үге* — 'семя', 'зародыш'» [8. С. 58, 63].

По нашему мнению, это явная избыточность словоупотребления, поскольку в материалах В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова, а тем более М. Рясняна под устаревшими названиями, несомненно, имеются в виду тувинский язык, тувинские слова.

Особо следует сказать о словарных материалах М. А. Кастрена, маркированных *Sojotisch* (сокращенно *Soj.*). Хотя они и отражают определенные особенности тувинского языка (и в частности его тоджинского диалекта), но в них прослеживаются и хакасоязычные особенности, и можно говорить о каком-то смешанном тувинско-хакасском диалекте (более детально материалы рассматриваются в специальной работе [9. С. 181—190]).

Но даже такие специфические материалы предпочтительнее определять как тувинские (с указанием на то, что это материалы Кастрена. Так они были представлены, например, В. М. Илlichem-Свитычем [10. С. 178, 180 и др.]), а не как «сойотские».

Следует отметить и своего рода многозначность вышеприведенных наименований. До сих пор распространено мнение, что в прошлом на территории Тувы обитали самодоязычные «сойоты» и соответственно существовал «сойотский язык», принадлежавший к самодийской группе,

хотя в последние годы это мнение аргументированно опровергается [11. С. 32--35].

В последние годы вторичное название тувинского языка в форме *soyot* начало регулярно употребляться и в библиографии, в частности в известном библиографическом указателе „Новая советская литература по общественным наукам. Языкознание“ (впервые отмечено в № 8 данного издания за 1986 г. С. 32), что также совершенно не оправданно.

Исходя из сказанного, в современных научных трудах желательно отказаться от воспроизведения названных выше устаревших наименований.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
2. Егоров В. Г. Этимологический словарь тувинского языка. Чебоксары, 1964. Повторено в кн: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских народов. Чебоксары, 1986. Т. 3.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
4. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893. Т. 1.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
6. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
7. Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
8. Алтайские этимологии: Сб. научных трудов. Л., 1984.
9. Татаринцев Б. И. Языковые материалы по Туве в публикациях М. А. Кастрена// Учен. зап. ТувНИИ яз., лит. и ист. Кызыл, 1973. Вып. 16.
10. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Введение. Сравнительный словарь (в-К). М., 1971.
11. Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982. Разд. Проблема сойотского языка.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

TÜRK DILBİLİMİ KONFERANSI BILDIRILERI,
9—10 AGUSTOS 1984. BOGAZIÇI UNIVERSITY PUBLICATIONS,
1986

Доклады и сообщения, зачитанные на данной конференции, свидетельствуют об определенных качественных изменениях, происходящих в методах и приемах анализа, научной терминологии и понятийном аппарате турецких лингвистов, которые, опираясь на основные положения американского структурализма, в частности школ трансформационного анализа и теории структурного синтаксиса и грамматики зависимостей, а также западно-европейских продолжателей этих школ и направлений, добиваются заметных успехов в области изучения синтаксиса турецкого языка с применением функционального метода.

Почти все доклады прямо или косвенно связаны с синтаксисом, включая вопросы организации текста, применения теории и методов актуального членения, изучения разговорной и детской речи. Лишь два доклада посвящены вопросам фонетики турецкого языка.

Работа Бенгису Роны «Гармония (сингормонизм) турецкого языка: диссонирующее замечание» основана на экспериментальном исследовании неподготовленной спонтанной речи образованных жителей Анкары и Стамбула. Б. Рона обнаружила устойчивые отклонения турецкой разговорной речи от закона губной гармонии гласных. Это проявляется в виде регрессивной ассимиляции — в ослаблении или снятии огубления под действием негубной гласной следующего слога (как в пределах одного слова, так и на стыке слов): *koğkudan*, *bunu anlatak kolay*, *tutuk evi* — подчеркнутые гласные в быстрой спонтанной речи теряют огубление. Другим важным отступлением является снятие в разговорной речи уподобления по глухости/звонкости согласных в аффиксах прошедшего категорического времени и ряда падежей: *gildi*, *koşdu*, *ışden*, *çıkınca*, *bu tüpdeki gaz*. Б. Рона справедливо отмечает, что эти особенности не распространяются на устную реализацию письменных текстов и имеют место в определенных фонетических условиях.

В сообщении Хикмета Себюктекина «Турецкое словесное ударение: некоторые наблюдения» рассматриваются два подхода к анализу ударения: а) «ударно маркированный анализ», б) «погранично маркированный анализ», первый из которых восходит к представлениям Р. Лиза и Л. Свифта, а второй — к работам М. Добровольского и Е. Езкарагеца. По мнению Х. Себюктекина, эти два подхода не обеспечивают вполне адекватного понимания таких случаев, когда к основе, имеющей нефинальное ударение, прибавляются аффиксы. Отмечается возможность изменения позиции ударения в словоформе в зависимости от син-

таксического окружения, а также от ее длины (числа аффиксов и наличия частиц). Сообщение носит характер предварительных замечаний, пока не основывающихся на экспериментальных данных, которые, как представляется, способны прояснить многие вопросы. По нашему мнению, следует исходить из принципиального различия между ударением в отдельно взятом слове и/или словоформе и словесным (тактовым) ударением в речевой цепи.

Гюлиз Куруоглу в своем сообщении «Темпоральные соотношения в турецких условных предложениях» рассматривает семантику форм условной модальности и приходит к выводу о том, что эта семантика более связана с передачей модальных и видовых оттенков, чем собственно темпоральных. Данный вывод показывает, между прочим, точность термина «условная модальность», который у турецких лингвистов не используется. Отталкиваясь от сравнения значений соответствующих форм изъявительного наклонения, Г. Куруоглу отмечает, что если *dî* выражает законченное действие в прошлом или настоящем, в котором говорящий принимал прямое участие и которое стоит к нему как бы ближе с физической или психологической точки зрения, то *mîş* выражает результирующее состояние, чуждословность и имеет оттенок чего-то удаленного, незнакомого говорящему. В формах условной модальности и картина существенно меняется; здесь *dî* уже не указывает на непосредственность восприятия, а предполагает тесную и прямую «близость» между говорящим и темой сообщения, тогда как форма на *mîş*, наоборот, в этих же условиях (т. е. при условной модальности) означает оттенок предположительности или гипотетичности указывает на то, что у говорящего очень мало информации о состоянии дел, он чувствует себя «психологически удаленным» от них.

Кроме того, по мнению и наблюдениям Г. Куруоглу, другим отличием *mîş* от *dî* в условных предложениях является то, что *mîş* здесь передает значение перфектности: *Yarın beşte Leyla'ya uğrayacağız. Çalışmasını bitirmişse onu da alıp tiyatroya gideceğiz* 'Завтра в пять зайдем к Лейле. Если она закончила свою работу, то возьмем и ее и пойдем в театр'. Как видно, употребить *dî* здесь нельзя, так как действие относится к будущему, т. е. *mîş* выражает относительную законченность. Затрагивая функцию формы на *acak* в условных предложениях, Г. Куруоглу отмечает, что эта форма выражает имеющееся в настоящем намерение или наличие какого-то плана, причины к совершению действия (например: *Yarın sınavı gireceksen bugün derslerini iyi çalış* 'Если ты завтра думаешь идти на экзамен, то сегодня позанимайся хорошо'), а если соответствующего плана или намерения нет, то употребляется форма на *ır* (например: *Yarın buraya gelirse ona herşeyi anlatacağım* 'Если он завтра сюда пойдет, я ему все расскажу').

Весьма интересным и полезным для специалистов, преподавателей и практически использующих турецкий язык является сообщение Сабахата Тура Санса «*Dîg* в современном турецком языке», где делается вывод о том, что *dîg*, не будучи лишь «невинным» показателем третьего лица, как в именном, так и в глагольном сказуемом выступает в роли показателя модальности, обозначающего генерализацию, уверенность, вероятность, различного вида оценки говорящего, его предположения и пр. (Здесь также подтверждается правильность используемого в советской туркологии термина «модальность на *dîg*»).

Наблюдения Сабахата Тура Санса над конкретными фактами турецкого языка показывают, что а) в именных предложениях, содержащих сообщение о факте, *dîg* передает значение «долгосрочной достоверности», постоянства, подчеркивая описательную, дефиниционную

окраску высказывания; б) в глагольном сказуемом на *miştir* снятие *tir* приводит к утере значения «описательной утвердительности» и появлению совсем другого значения; в) форма на *ıyog* является вторым наиболее определенным показателем передачи «факта» (первым является показатель «зарегистрированного» или «лично засвидетельствованного» прошлого — *di*), однако с присовокуплением *dir* соответствующие предложения уже передают не сам факт, а модальность — возможность, необходимость (например: *Ali bizi bekliyoğdur. Acele edelim* 'Али нас уже (вероятно) ждет. Давай быстрее!'); г) форма на *acak* передает «сильное» предположение, почти предсказание, а добавление *dir* приближает это предположение или предсказание к выражению необходимости (например: *Işık o aynaya, o aynadan da ikinci aynaya yansıyacaktır* 'Свет отразится в том зеркале, а из того — во втором зеркале'); д) форма *meli* имеет двойное значение — возможность или необходимость (например: *Çorba sıcak olmalı* 'Суп, должно быть, горячий; Суп должен быть горячим'); е) *dir* остается лишь значение необходимости; е) аффикс *dir* никогда не следует за *di*, так как последний является наиболее определенным показателем «факта», который уже никак нельзя умалить, *dir* в именном предложении соответствует *ig* в глагольном.

Важными являются также наблюдения автора над появлением рассматриваемых форм в тексте; так, если говорящий начинает повествование с *dir*, то он склонен продолжать его и используя *ig*; если же он начал с использования нулевого показателя в именных сказуемых, то за этим последует употребление *ıyog* в глагольных.

Сообщение Мюшеррефа Деде «Каузация в турецком языке» посвящено рассмотрению двух типов конструкций: а) перифрастической каузативной конструкции (...e sebep olmak) и б) морфологической каузативной конструкции (понудительный залог). Семантическое различие между ними сводится к тому, что морфологическая конструкция передает прямую каузацию, интенцию: *Adam çocuğı öldürdü* 'Человек убил ребенка', перифрастическая же конструкция передает непрямую каузацию, каузацию без интенции: *Adam çocuğın ölmesine sebep oldu* 'Человек явился причиной смерти ребенка'. Рассматривается вопрос о наличии нескольких аффиксов понудительного залога. При одном исполнителе двойной понудительный залог может иметь значение «насиленно заставить»: *Karıyı çocuğа açtırttim* 'Я заставил (возможно, помимо его воли) ребенка открыть дверь'. При тройной каузации имеется обычно значение интенсивной двойной каузации, т. е. функция третьего аффикса понудительного залога заменяется передачей интенсивности. Сравнивается также аффиксальное выражение возвратности и употребление конструкции с *kendi*. Глаголы с аффиксом *in* (рефлексив) не могут быть каузированы (принимать аффиксы понудительного залога), в то время как глаголы с *kendi* — могут.

К вышеизложенному примыкает тема сообщения Айхана Аксу Коча «Роль переходности в процессе формирования языковой способности», где соответственно определению П. Хоппера и С. Томпсона переходность характеризуется как связь, цементирующая все высказывание, и имеет функциональную значимость для организации речи, которая может быть выявлена при помощи коммуникативно-информативной категории «фон/передний план». Перспектива высказывания (субъективный уровень) на грамматическом уровне представлена категорией переходности, а на коммуникативном — категорией «фон/передний план». Исходя из особенностей детской речи, А. Коч приходит к выводу,

что у детей при описании информации «переднего плана» больше используются пассивные конструкции (62%), чем активные (38%).

Дан И. Слобин и Айшегюль Талай в своем сообщении «Развитие прагматического использования местоимений в роли подлежащего в детской речи на турецком языке» приходят к выводу, что к двухлетнему возрасту у детей уже формируется способность использовать конструкции с нулевым выражением подлежащего (выражено лишь в аффиксе сказуемого), а также с местоимением-подлежащим как в пре-, так и в постпозиции. Центральный момент исследования составляет анализ коммуникативных функций, соответствующих этим трем возможностям. С нашей точки зрения, это сообщение интересно также и в том отношении, что выявляет особенности употребления личных местоимений в функции подлежащего в турецкой разговорной речи; в отличие от письменной речи, для употребления местоимения здесь необходимы дополнительные причины (выделение, смена темы повествования и пр.). Материалы сообщения, насколько можно судить, подтверждают это.

В сообщении Эргуванлы Тайлана «Некоторые аспекты отрицания в турецком языке» рассматриваются синтаксические, семантические и коммуникативные соотношения между двумя отрицательными конструкциями: *görmeyeseğim* и *göresek değilim*. За исходные приняты термины, используемые С. Тура: «внутреннее отрицание», т. е. аффикс *ta*, являющийся глагольным отрицанием, и «внешнее отрицание», т. е. *değil*, выступающее как отрицание всего предложения. Последнее является более маркированным, имеет больше ограничений при употреблении, обладает меньшей частотностью. Так, с *değil* могут употребляться формы на *mis*, *ıyog* и *asak*, но не на *dı*, *ig*, *melı*, а (*ayım*, *asın* и т. д.). При наличии двойного отрицания некоторые из последних могут употребляться с *değil*: *madı değil*, *maz değil*. С *değil* не могут употребляться предложения, содержащие вопросительное местоимение. Интересно, на наш взгляд, замечание о том, что конструкции с *değil* как более маркированные появляются в детской речи позже конструкций с отрицанием *ta*.

Сообщение Фериде Эркю «Прагматика речи и синтаксическое описание в турецком языке» посвящено вопросам актуального членения и порядка слов. Проблема соотношения грамматических (глубинных) и коммуникативных (поверхностных) факторов и их выражения в том или ином порядке слов решается на основе того, что оба эти фактора независимы друг от друга. Обусловленные контекстом коммуникативные правила и ограничения накладываются на функционирование соответствующих грамматических структур. Справедливо отмечается, что тема и рема не могут вычленяться исключительно лишь на основании анализа грамматических отношений и синтаксических позиций. Конечно, в ряде случаев прослеживается, например, тенденция совпадения синтаксического субъекта с темой или совпадение темы с инициальной позицией во фразе, однако эти совпадения не носят общего характера.

Вместе с тем с некоторыми подходами, на наш взгляд, трудно согласиться. Прежде всего, попытка решить указанные вопросы без четкого отграничения разговорной речи от речи письменной представляется заранее обреченной на неудачу, так как в этих типах речи действуют как раз противоположные порядки следования коммуникативных компонентов — объективный порядок (тема+рема) в письменной и так называемый субъективный (рема+тема) в разговорной речи. Автор сообщения вынужден прибегнуть еще и к понятию активации, которое применительно к турецкому языку должно обозначать слова,

вынесенные на позицию после сказуемого и выражающие информацию. «находящуюся в сознании слушателя в момент произнесения высказывания». Но то, что «находится в сознании слушателя», (известно ему) и есть тема сообщения. Поэтому в диалоге: —Oh, Ted bugün işe gelmedi. — Ne olmuş **Ted'e** — «О, Тед сегодня не пришел на работу! — Что случилось с Тедом?» подчеркнутое слово **Ted'e** выражает тему (так же, как и в первой реплике, где это слово стоит в инициальной позиции). Разницу в коммуникативном построении двух приведенных реплик (первая из которых отражает фактически правила нейтрально-письменной разновидности языка), как представляется, следует искать не в введении новых понятий теории актуального членения, а в учете принципиальных различий анализируемых типов речи. Диаметральные противоположные закономерности прослеживаются в письменной и разговорной речи и при выражении ремы. Если в письменной речи наиболее значимое слово (фокус сообщения) находится перед сказуемым, то в наиболее типичных (спонтанных) разговорных высказываниях фокус и сама рема находятся в начале фразы [1. С. 51].

Недифференцированный подход к актуальному членению в письменной и разговорной разновидностях языка приводит к ошибочному, на наш взгляд, замечанию Омера Демирджана в сообщении «Функций сочетания (взаимосвязи) элементов в турецком языке и средства их выражения». По его мнению, во фразах типа **Bitir** artık bu işi 'Заканчивай уж эту работу!' подчеркнутое слово **bitir** является якобы одновременно и темой и ремой (по нашему мнению, здесь **bitir** — тема, **bu işi** — рема [2]).

О. Демирджан в качестве средств выражения связей между различными составляющими элементами языка выделяет следование друг за другом, ударение, интонацию, аффиксацию, постпозицию и союзы. Говоря о речевой мелодике, О. Демирджан выделяет повышение голоса, выражающее идею незаконченности, и его понижение, являющееся показателем законченности фразы. Интересен анализ средств турецкого языка, обеспечивающих единство текста. В качестве таких средств, помимо союзов, рассматриваются аффиксация и интонация. О. Демирджан приходит к выводу, что гипотаксис почти полностью обслуживается аффиксацией, а паратаксис в большинстве случаев — показателями в форме отдельных слов.

Сообщение Гюль Ишик Алкач «Глагольные категории в турецком языке с точки зрения структурного синтаксиса» опирается на работы Л. Теньера. Предпринята попытка описать глагольные категории в терминах актантов, позиций, узуса и трансформаций. За глаголом признается доминирующая роль в организации высказывания. Рассматриваются типы предложений с различным составом ядерных членов, различные типы определителей (например, функционирование прилагательных как в роли определений при имени, так и в роли обстоятельств при глаголе и пр.).

Близким к теме предыдущего доклада является сообщение Шейды Езиль «Структурные формы предложения в турецком языке с точки зрения грамматики зависимостей». Автор также исходит из представления о глаголе как центральном элементе, который управляет через систему своих валентных связей всем построением предложения. Помимо ядерных компонентов, определенное внимание уделяется и анализу фразовых определений.

В заключение хотелось бы коснуться двух общих моментов.

Первый из них связан с тем, что в трех сообщениях, посвященных изучению детской речи, помимо собственно анализа выдвигаемых авто-

рами положений, содержится весьма ценная информация о конкретных этапах становления языковой способности. Во всех трех сообщениях рассматривается речь детей в возрасте от двух до пяти лет. Отмечается, что с самого раннего возраста (до двух лет) дети владеют гармонией гласных, показателями переходности глаголов, активно используют прямой и обратный порядок слов. К двухлетнему возрасту уже сформировано согласование в лице и числе между подлежащим и сказуемым, хотя дети от двух до трех лет часто еще путают личные местоимения и аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица. В двухлетнем возрасте дети еще не владеют показателями аспектов возможности и невозможности действия. В трехлетнем возрасте идет освоение абстрактных временных категорий (путают *dün* и *uagin*). Овладение формами распространенного предложения и полипредикативных конструкций продолжается еще и в четыре года, когда использование в речи детей причастий и деепричастий сопряжено с трудностями и ошибками. Позже всего развиваются навыки построения связного текста. Так, в трехлетнем возрасте реакция на ситуацию, попытка описать ее состоит лишь из одного краткого высказывания и лишь в более старшем возрасте — из двух и более высказываний. В трех-, четырехлетнем возрасте еще отсутствует различие информации на главную и фоновую. Навык построения текста (различение главной и фоновой информации, описание в опоре на временную последовательность событий и пр.) появляется лишь в возрасте четырех с половиной—пяти лет.

Второй момент связан с быстрым развитием турецкой лингвистической терминологии. Турецкие лингвисты ориентируются при этом не на заимствование терминов, а на создание своих собственных. Интересны такие термины, как *eyleyen* 'актант', *bağımlılaştırma* 'гипотаксис', *eşleme* 'паратаксис', *konu* 'тема', *odak* 'рема', *değerlilik* 'валентность' и др.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Щека Ю. В.* Об основных закономерностях порядка слов в турецкой разговорной речи // Вестн. МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 13. Востоковедение. 1979. № 3.

² Приведенная фраза является типичной и простейшей, поэтому она допускает актуальное членение и как бы вне контекста.

Ю. В. Щека

РЕЦЕНЗИИ

УЗБЕК ХАЛҚ ШЕВАЛАРИ МОРФОЛОГИЯСИ

ТОШКЕНТ: ФАН, 1985. 280 с.

Книга состоит из краткого введения и десяти разделов, восемь из которых посвящены описанию морфологии отдельных частей речи, в девятом систематизированы словообразующие и формообразующие аффиксы, а в десятом излагается история изучения морфологии узбекских народных говоров.

В первом разделе (А. Ишаев) рассматривается выражение категории множественности, принадлежности и падежа в узбекских народных говорах. Отмечается, что

если в узбекском литературном языке из-за неразвитости сингармонизма аффиксы не имеют фонетических вариантов, то в морфологической системе говоров, в зависимости от звукового состава основы, употребляются варианты аффиксов, передающие различные грамматические значения, в том числе и множественного числа. При этом приводится 31 вариант полных и усеченных показателей множественного числа. В данном разделе подробно описываются также парадигмы притяжательных аффик-

сов по говорам. Особо рассматриваются соотношения категории множественности и принадлежности, их сочетаемость; приводится особая графическая схема (с. 29), демонстрирующая эти соотношения.

Разделы, посвященные морфологии прилагательных, числительных и местоимений, написаны канд. филол. наук Т. Садыковым. По наблюдениям автора, в ряде говоров, в отличие от узбекского литературного языка, где четко разграничены аффикс *-ли*, образующий прилагательное, и аффикс *-лик*, образующий существительное, последний образует также и прилагательное. Превосходная степень качества в узбекских говорах, как и в литературном языке, выражается аналитически, но если в литературном языке для этого используется лишь префиксальная частица *энг*, то в говорах список таких частиц достаточен велик (*энг, жуда, роса, тоза* и др.). Анализ числительных показывает, что система числительных в говорах и их распределение по разрядам в основных чертах сходны с таковыми в узбекском литературном языке: это количественные числительные, порядковые, так называемые штучные, разделительные, дробные, собирательные, приблизительные и т. п.

В разделе о местоимениях описываются местоимения личные, указательные, вопросительные, возвратное местоимение «үз» и выступающее в той же функции местоимение «худ», а также определительные, собирательные, отрицательные и неопределенные местоимения.

Глава о глаголе (Ш. Насыров) включает в себя сведения о категориях наклонения,

времени и залога. В ней подробно представлены формы настоящего, настояще-будущего, прошедшего и будущего времени, среди которых особо выделяется форма будущего времени на *-жак*, в сравнительно недалеком прошлом употреблявшаяся в узбекском литературном языке, но ныне почти утраченная. Завершается раздел описанием форм возвратного, страдательного, взаимно-совместного и понудительного залогов.

Значительная часть раздела о наречиях (К. Мухаммаджанов) посвящена их образованию, в том числе наречий места, возникшим в результате слияния указательных местоимений со словами *ер, ёқ* и др.

Разделы, посвященные послелогам и союзам, встречающимся в узбекских говорах, написаны К. Мухаммаджановым в соавторстве с М. Турабовой. Авторы характеризуют семантико-грамматические особенности и типы послелогов, союзов (с. 222—237). В разделе о словообразующих и формообразующих аффиксах Ш. Ш. Шаабдурахманов приводит весьма полный и обстоятельный список этих аффиксов с указанием их функций и с примерами из различных говоров, к которым даны параллели из узбекского литературного языка. В последнем разделе книги (Д. Абдурахманов) дается критический обзор изученности морфологической системы узбекских говоров начиная с 20-х годов нашего столетия.

В монографии приводятся также материалы из других тюркских языков: казахского, татарского, чувашского, якутского, туркменского, азербайджанского и т. д.

Х. Данияров, Б. Юлдашев

ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ОТВ. РЕД. КАНД. ФИЛОЛ. НАУК У. А. АЙТБАЕВ. АЛМА-АТА:
НАУКА, 1986. 168 с.

Во вступительной статье А. Т. Кайдарова и У. А. Айтбаева рассматриваются основные этапы истории создания казахской научной терминологии, раскрываются сложность и неровность работы в этой области в 20—30-х годах.

В статье У. Айтбаева «Терминологическая характеристика различных временных периодов» освещается разработка терминологии, непосредственно связанной с культурным строительством, с ликвидацией неграмотности, изданием первых учебников и учебно-методических пособий, с созданием отраслевой терминологии в связи с развитием науки и техники, с возникновением в республике новых социальных институтов и общественных отношений, развитием языка печати и радио, переводом на казахский язык произведений классиков марксизма-ленинизма.

М. Балакаев и Ш. Сарыбаев в статье «Термины спорта» полагают, что эти тер-

мины должны включать в себя слова, созданные на основе ресурсов казахского языка, заимствований названий международных видов спорта (шахматы, бадминтон, футбол, гандбол, бокс), названий спортивных снарядов (трамплин, турник, штанга, коньки, шайба), категорий спортсменов (гимнаст, атлет, альпинист). В ряде случаев термины на *ист* (футболист, гандболист, теннисист и т. д.) рекомендуют передавать посредством исконно казахского аффикса *-шы/ші*: *футболшы, гандболшы, теннисші* и т. д. Этот же аффикс *-шы/ші* предлагается использовать при образовании терминов на *-ер*: боксер—*боксышы*; на *-смен*: спортсмен—*спортшы*, рекордсмен—*рекордышы*; на *-ец*: динамовец—*динамошы*, и т. д. По мнению авторов, удачными являются такие полукальки, как *ушсайыс* 'троеборье', *бессайыс* 'пятиборье', *онсайыс* 'десятиборье', *капсайыс* 'многоборье'. В статье приводится немало примеров более или

менее приемлемых переводов сложных терминов, состоящих из двух или трех компонентов типа *еркін күрес* 'вольная борьба', *қазіргі бессайыс* 'современное пятиборье', *жекелей біріншілік* 'личное первенство', *ядро серпу* 'толкание ядра' и т. п.

Что касается термина «толкание ядра», то *ядро серпу* — перевод семантически неточный, так как означает не «толкание», а «отброс ядра» после разжатия чего-либо. Примеров такой неточности в статье достаточно много. Авторы, на наш взгляд, не всегда четко разграничивают понятия слово-термин и не термин. Такие выражения спортивного лексикона, как «свободный удар», «угловой удар», «плотная опека» и т. п., могут передаваться в разных языках с совершенно различной степенью терминологичности. Устоявшиеся международные термины «финиш» и «старт», давно уже ставшие общеупотребительными, М. Б. Балакаев и Ж. Сарыбаев предлагают закрепить в казахском языке взаимозаменяемыми *мәре* и *сәре*. Подобные притязания нам кажутся неосновательными.

Весьма своеобразна статья К. Б. Жарикбаева «Пути и принципы развития казахской психологической терминологии».

Сравнивая передачу терминологической лексики в казахских учебниках и учебных пособиях по психологии как в переводной, так и в оригинальной литературе разного периода, К. Б. Жарикбаев отмечает наиболее удачные адекватные для выражения основных понятий предмета на родном языке студентов-казахов. В целях упорядочения терминологии автором предложены способы передачи основных психологических терминов и понятий в казахском языке.

В целом полезная статья ошибочна в постановке главного вопроса — определение основных терминов самой дисциплины и в отграничениях их от специфичных слов, употребляемых не только в психологии, но и в других науках. Так, например, автор говорит, что термин «умение» (?) бытует в казахском языке в девяти вариантах и ни один из них правильно не передает его смысла (с. 41). К числу подобных, не поддающихся адекватной передаче по-казахски терминов, он относит следующие слова: припоминание, подкорка, подсознательное, бессознательное (растормаживание) и др. Далее он подчеркивает роль русского языка как средства межнационального общения и

пишет, что «термины психологии мы заимствуем из русского языка не потому, что невозможно перевести их на казахский, а потому, что они уже общеприняты, понятны на всех языках... Нам думается, что вышеуказанные психологические термины являются распространенными среди исконных психологических терминов казахского языка в нашей речевой практике и не окажутся „чужими“» (с. 42). Таким образом, К. Жарикбаев предлагает все перечисленные выше слова использовать без перевода как общепринятые термины.

Среди статей сборника можно выделить также статьи А. Абдурахманова «Из опыта упорядочения терминов», А. Есенгулова «Займствованные термины и пути их образования», Р. А. Урекеновой «Освоение казахским языком русских терминов путем калькирования». Представляют непосредственный практический интерес постановкой вопроса о терминологии статьи С. Е. Елабаева «Основные принципы образования терминологии по математике», И. Гугамановой «Становление и развитие казахской химической номенклатуры». Молодые исследователи Т. Г. Аппакова, С. Н. Жетписов, Р. Т. Сарыкулова проделали весьма полезную работу, осветив различные аспекты подачи терминов в лексикографических трудах. Исследования всех трех авторов тесно связаны с насущными задачами терминологии как в теоретическом отношении, так и в научно-практическом.

Оставляют желать лучшего статьи Б. Калиева «Некоторые особенности терминов растений и их подача в словарях», А. Жакупова «Общее в названиях верблюдов в казахском и монгольском языках». Авторы, прежде всего, не уяснили сущности понятия «термин» и его отличия от слов профессиональной лексики. Их наблюдения в одинаковой мере можно отнести к лексикологии, к лексикографии, к диалектологии, но никак не к терминологии. К тому же русское название статьи Б. Калиева не соответствует казахскому оригиналу.

Несмотря на отдельные погрешности, сборник представляет значительный интерес, так как публикуемые в нем статьи информируют читателя о работах казахских ученых в области упорядочения казахской терминологии в течение ряда последних лет.

Е. Ж.

АННОТАЦИИ

Ф. С. БАЯЗИТОВА. ГОВОРЫ ТАТАР-КРЯШЕН В
СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

М.: НАУКА, 1986. 248 с.

Анализ языковых особенностей татар-кряшен позволил автору книги выделить 5 говоров: 1) заказанских кряшен; 2) кряшен Нижнего Прикамья; 3) нагайбаков; 4) чистопольских кряшен; 5) подберезинских кряшен. Кроме того, выделены 7 подговоров в говоре заказанских кряшен и 4 подговора в говоре татар Нижнего Прикамья. Языковой материал рассматривается в сравнении с данными по другим говорам татарского языка, а также по другим тюркским и финно-угорским языкам, особенно при исследовании лексики этнографического характера. Излагаются краткие сведения о татарах-кряшенах, история изучения рассматриваемых говоров, прослеживается процесс формирования говоров и подговоров.

Одна из глав книги посвящена описанию фонетических, морфологических, лексических и этнолингвистических особенностей говоров кряшен. Автор, не ограничиваясь приведением сравнительного материала и простым сопоставлением языковых фактов, старается высказать собственные соображения по тем или иным спорным вопросам.

В разделе «Лексические и этнолингвистические особенности» исследуется лексика, общая с говорами среднего и мишарского диалектов татарского языка. Древний пласт лексики, который встречается в памятниках древнетюркской письменности и в ряде сов-

ременых тюркских и финно-угорских языков, по мнению автора, свидетельствует о древних этногенетических контактах крещеных татар с чувашским, ногайским, марийским, удмуртским и другими народами.

Особое внимание уделяется дифференциации лексики кряшен по тематическим группам. При этом анализируются слова, обозначающие родственные отношения, названия одежды и украшений, головных уборов, наименования верхней и нижней одежды, обуви, термины и слова, относящиеся к обрядам и обычаям; названия дней недели и месяцев. Интересен факт сравнения названий дней недели в говорах кряшен и других диалектах татарского (и чувашского) языка.

В разделе «Книги на „кряшено-татарском“ языке как лингвистический источник» автор прослеживает основные фонетические, морфологические и лексические особенности сборника стихотворений Я. Емельянова в сравнении с говорами крещеных татар и татарским литературным языком.

Книга завершается кратким заключением и приложением, где даны транскрибированные тексты по отдельным говорам, большинство которых носит этнографический и фольклорный характер.

Л. Арсланов

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

О МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИКА

А. Н. КОНОНОВА

В феврале 1988 г. в секторе тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР состоялось открытие Мемориальной библиотеки академика А. Н. Кононова, которую его семья передала в дар ЛО ИВ АН СССР.

Библиотека Андрея Николаевича представляет собой огромное и прекрасно подобранное собрание книг по общему и тюркскому языкознанию и литературоведению, общему востоковедению, востоковедной текстологии, истории тюркских народов, истории отечественной науки. Многие книги в ней практически уникальны, существуя в нашей стране в одном-двух экземплярах. Примечательно, что часть книг из библиотеки А. Н. Кононова хранит на себе экслибрисы с такими почитаемыми каждым тюркологом именами, как К. Г. Залеман, А. Н. Самойлович, а поля, интерфолированные листы

их испещрены пометами как ученых миновавшего, так и самого Андрея Николаевича. Поэтому Мемориальная библиотека А. Н. Кононова — это еще и своеобразная связь времен, связь поколений ученых. Такие книги невозможно держать в руках без волнения, а работа с ними должна оказывать помимо всего прочего и незаменимое воспитательное воздействие на молодых ученых.

Хочется поблагодарить семью Кононовых за этот дар востоковедам-тюркологам. Думается, что это — естественное продолжение жизненных принципов самого Андрея Николаевича, который всячески способствовал развитию любимой науки и поддерживал все то хорошее, что имело отношение к тюркологии.

М. С. Ф.

О 60-ЛЕТИИ С. Г. КЛЯШТОРНОГО

На состоявшемся 4 февраля 1988 г. расширенном заседании сектора тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР тюркологическая и — шире — востоковедная общественность г. Ленинграда отметила 60-летие со дня рождения и 30-летие на учено-педагогической деятельности заведующего сектором тюркологии и монголистики ЛО ИВ АН СССР С. Г. Кляшторного. В рамках заседания состоялась небольшая научная сессия, на которой с докладами выступили коллеги и ученики юбиляра. Показательно, что часть этих докладов, которые читали Ю. А. Петросян, Т. И. Султанов, М. С. Фомкин, была посвящена

вопросам этнического и национального самосознания тюркских народов. Видимо, можно говорить об актуализации этой тематики в тюркологических исследованиях.

В приветственных выступлениях ученых — как ленинградских, так и представлявших научные коллективы союзных республик — отмечалось, что Сергей Григорьевич — видный советский тюрколог, который своими многолетними и плодотворными исследованиями внес значительный вклад в развитие востоковедения. Круг научных интересов С. Г. Кляшторного обширен. Он соединяет в себе талантливого историка и источниковеда, безукоризненного историографа и интерпретатора исторического тек-

ста. Он известен и как увлеченный искатель и собиратель тюркских древностей, открывший для науки немало новых эпиграфических памятников древнетюркской эпохи.

С. Г. Кляшторный — не только неутомимый труженик науки, перу которого принадлежит около 170 печатных трудов, но и умелый организатор, в частности — памятных всем тюркологам всесоюзных тюркологических конференций в Ленинграде.

Выступавшие особо подчеркивали, что Сергей Григорьевич ведет также большую работу по подготовке научных кадров для братских союзных республик. Его заслуги как воспитателя молодого поколения тюр-

кологов и научного руководителя уже достаточно определяются тем, что многие из его учеников ныне стали известными специалистами-историками и достойно представляют в республиках ленинградскую школу советского востоковедения.

Как характерные качества Сергея Григорьевича отмечались его подлинная влюбленность в науку, строгая требовательность к себе и другим, умение по-деловому решать организационные вопросы, смелая научная инициатива — все то, что определяет настоящего ученого.

М. С. Фомкин

СОВЕЩАНИЕ ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДРАМИ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

По приказу Минвуза СССР на базе Казанского университета с 25 января по 3 февраля 1988 г. проходило совещание заведующих кафедрами родных языков и литератур университетов и педагогических институтов тюркоязычных автономных республик и областей РСФСР. В работе совещания приняли участие заведующие кафедрами Казанского, Башкирского, Чувашского, Кабардино-Балкарского, Дагестанского, Якутского государственных университетов, Башкирского, Стерлитамакского, Карачаевского, Абаканского, Горно-Алтайского, Елабужского и Казанского государственных пединститутов — 21 человек, в том числе 12 профессоров — докторов наук.

На совещании состоялось обсуждение и обмен опытом по широкому кругу вопросов учебно-методической и научно-исследовательской работы кафедр, подготовки кадров, повышения их квалификации, составления учебников и учебных пособий, организации научно-исследовательской работы студентов, непрерывной педагогической и других видов практики, интенсификации учебного процесса. Большое внимание было обращено на связь обучения с практикой и помощь вузов средней общеобразовательной школе в составлении программ, учебников и учебных пособий, работе в базовых школах и организации целевого отбора абитуриентов. В центре внимания участников совещания оказались поиски путей повышения уровня подготовки специалистов по национальной филологии. Одновременно и в связи с этим совещание высказало тревогу по поводу повсеместно наблюдаемого снижения уровня знаний по родному языку и литературе в школе.

Участники совещания прослушали доклады заведующих кафедрами общественных наук по важнейшим направлениям социально-экономических преобразований, происходящих в стране, по идеологическим

вопросам. Была организована пресс-конференция с участием министра просвещения республики, ректора Казанского пединститута, директоров школ.

Заведующие кафедрами посетили Ленинский мемориальный комплекс и музей истории Казанского университета, библиотеку им. Лобачевского, побывали на экскурсии в Ленино-Кокушкино и музее татарского народного поэта Г. Тукая.

Участникам совещания была предоставлена возможность посетить базовую татарскую школу-интернат № 10 Казанского университета, где учащимся 9 класса была прочитана учебная лекция преподавателем кафедры татарской литературы Ф. А. Ганиевой. Состоялось посещение школьного музея им. М. Джалиля в школе № 10 и музея соратника Джалиля по борьбе в фашистских застенках детского писателя Абдуллы Алиша в русской школе № 55.

Совещание приняло рекомендации, направленные на перестройку деятельности кафедр, решение ими задач по подготовке кадров для национальной школы, вытекающих из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об «Основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране».

Учитывая роль родных языков и литератур в идейном и нравственном воспитании, а также задачи улучшения преподавания родных языков и литератур в школе и вузе, участники совещания внесли предложение о необходимости учреждения всероссийского журнала «Родной язык и литература в национальной школе».

Для улучшения качества научной и учебно-методической работы на отделениях национальной филологии вузов тюркоязычных автономных республик и областей РСФСР и объединения усилий имеющихся кадров участники совещания сочли также необходимым создать головной совет по на-

циональной филологии на базе одного из университетов, возложив на него обязанности координировать и направлять работу по созданию общих программ, учебников и учебных пособий по курсам родных языков и литератур, общетюркологическим дисциплинам, улучшению и унификации учебных планов этих отделений.

Совещание обратилось с ходатайством в Минвуз СССР об организации центра подготовки научных и научно-педагогических кадров по тюркологии для вузов РСФСР на базе Казанского государственного университета с привлечением к этой работе ведущих тюркологов.

Совещание приняло ряд рекомендаций, направленных на улучшение издательских возможностей кафедр родных языков и литератур по созданию учебников, органи-

зации всероссийского конкурса студенческих научных работ по тюркской филологии, повышение квалификации преподавателей, укрепление связей между кафедрами родных языков и литератур.

Участники совещания сочли также необходимым поднять престиж изучения родных языков и литератур в школе, увеличить количество часов на их преподавание, обратить внимание Министерства просвещения РСФСР на необходимость улучшения организации изучения родных языков и литератур в национальных школах, расположенных вне автономных республик и областей.

Отчет о работе совещания-семинара и принятые рекомендации направлены в Минвуз СССР.

Д. Г. Тумашева

ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА УЗБЕКИСТАНА»

В Сырдарьинском госпединституте им. Г. Гуляма 27—29 мая 1987 г. прошла республиканская научно-теоретическая конференция «Ономастика Узбекистана», проведенная совместно с Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбекской ССР. Открывая конференцию, проректор СГПИ А. Дж. Джанибеков говорил о важнейших задачах, стоящих перед тюркской, в том числе узбекской ономастикой.

Ономастика Узбекистана имеет многовековую историю. В средние века ее изучению уделяли внимание арабские (Истахри, Мукаддаси, Ибн Хаукаль, Якут Хамави и др.), а также среднеазиатские ученые (Беруни, Наршахи, М. Кашгари, Хафиз Абру, Бабур и др.). В их сочинениях впервые упоминается, а иногда и объясняется большое количество топонимов и антропонимов региона.

В трудах востоковедов дореволюционного периода также немало ценных сведений по ономастике Узбекистана.

Наиболее результативно стала развиваться эта область в русле узбекского языкознания в целом в годы Советской власти, особенно в последние десятилетия.

Ряд диссертационных работ по ономастике был защищен в 70—80-х годах. В этих исследованиях рассматриваются грамматическая структура имен собственных, их этимология.

В 3-х секциях конференции было заслушано 50 докладов. Доклад В. Т. Молчанова (Львов) «Предварительные наблюдения над южно-сибирскими и среднеазиатскими этнопонимами», посвященный географическим именам Горного Алтая (Бабачак/Бабичак/Бабача/Бабучек/Бова/Бава) был по-

строен в форме полемики с известным немецким тюркологом Менгесом.

В докладе Л. Г. Гулиевой (Баку) «Сопоставление лексических основ азербайджанской и славянской топонимики» отмечалось, что расширение сопоставительных исследований коснулось ономастики. Автор использовал статистический метод исследования, дающий эффективные результаты в топонимике.

Х. Д. Данияров и Б. Ю. Юлдашев (Самарканд) в докладе «О взаимопереходе этнонимов, топонимов и об историческом значении их сохранения» отметили, что топонимы Мирзачула подверглись изменениям (порой необоснованным), что, с одной стороны, объяснимо, ибо связано с социально-экономическими преобразованиями, с другой стороны, можно было бы сохранить старые, с историко-этнографической точки зрения ценные названия, например: *Дарвоза кир, Куюк (Китик) тепа, Кёра, Куй боткан, Жетурув, Иржар, Кирк кана, Амир Кочкан* и др. Далее авторы предложили для упорядочения названий местностей и недопущения в дальнейшем разнобоя в этом деле создать лингвотопонимическую комиссию при Совете Министров или Президиуме Верховного Совета УзССР, которая имела бы на местах свои подразделения и пункты для регулирования всех вопросов, связанных с историческим изучением данной проблемы.

В докладе А. Л. Хромова (Душанбе) речь шла о согдийских текстах, найденных в начале XX в. на территории Восточного Туркестана (архив согдийских документов, обнаруженный в 1932—1933 гг. в крепости на горе Мунг в Таджикистане), а также многочисленных согдийских надписях, от-

крытых советскими и зарубежными учеными в процессе археологических раскопок. Они содержат значительный ономастический материал, позволяющий получить представление о характере согдийской антропонимии.

Докладчик отметил, что в структурно-словообразовательном плане согдийская антропонимия имеет значительное сходство с антропонимией, зафиксированной в текстах Авесты и письменных памятниках, созданных на среднеиранских языках.

Доклад А. А. Абдурахманова (Алма-Ата) был посвящен этимологии некоторых топонимов южного Казахстана, пограничного с Узбекистаном. На указанной территории среди этимологически затемненных названий немало топонимов древнетюркского происхождения. Среди них также встречаются топонимы, отражающие пребывание в этих краях в раннем и позднем средневековье части древних огузских племен. К таким географическим названиям относятся: *Жүйнек (Юэнек), Келес, Казыкүрт, Карнак, Машат, Отырар, Сайрам, Суяб, Сыгынак, Талас, Чимкент, Шорнак* и др. Сюда же можно отнести географические названия *Байраққум, Баиндыр, Чайкурык, Шаульдыр*.

Б. У. Уринбаев (Самарканд) в своем докладе анализировал ойконим *Сагарж*, отметив, что отдельные исследователи этимологию этого слова связывают с китайским *sīčǔ* (сычжи), *si-č'i* 'граница' и на этом основании утверждают, что *сагарж* означает 'пограничное место', 'пограничная крепость'. Другие ученые считают, что топоним *Сагарж* происходит от *саг* и *ильджа*. Первый элемент *саг* — тюркское 'правая' и *ильжа* — арабское 'имение'. По мнению автора, *Сагарж* означает 'имение на правом берегу реки'.

В докладе Т. Нафасова «Древнеиранские слова с гидронимами южного Узбекистана» рассматривалась гидронимия (ЮУ) древнеиранского происхождения в составе наименований различной морфологической структуры, а именно в неадаптированной структуре (*Синчоб, Зарчоб, Сурхоб, Обияк, Кешруд, Жажруд, Арна*), в адаптированной структуре (*Рудак, Гиржоб, Сурхон, Тангас, Шержон* и др.). Ряд географических терминов — *даре, чашма, кариз, чох, обгох, шох, банд* и другие употребляются в регионе на уровне апеллятивной и ономастической лексики.

Ю. М. Ибрагимов (Нукус) в докладе «Прозвища в узбекских говорах Каракалпакии» отметил, что в антропонимии тюркских народов, в частности узбеков, проживающих в регионе Каракалпакской АССР, широко распространены прозвища, употребляющиеся параллельно с именами собственными. Например, часто в качестве прозвища используется первое слово, произнесенное ребенком: *Нэнэй, Лэлэ, Тэтэн* и др. Когда ребенок начинает учиться ходить, говорить, его называют: *Чотланлай, Чан-*

дыр (крепкий), *Мэштэк*. Автор указал и на другие особенности возникновения прозвищ в ККАССР в сопоставлении с прозвищами в языках других тюркских народов.

В докладе Ш. М. Саадиева (Баку) рассматривались этнопонимы, имеющие связь с названиями народов, их этногенезом. Автор выявил наиболее типичные особенности этнопонимов (*Чыркуд, Ханэрэб, Чолэрэб, Талыштуру* и др.).

М. Таджихалилов (Тбилиси) в докладе «О некоторых тюркских этнонимах на территории юго-восточной Грузии» дал анализ этнопонимов, бытующих в качестве ойконимов. Он отмечает, что в исторической литературе *Тэклэ/Тэкли* фигурирует как название одного из племен, относящихся к сельджукиским тюркам.

В докладе М. А. Мамедова (Гулистан) «Об этнониме Канлы или Узбой/Узбек» на материале разносистемных языков было показано, что названия этих этносов связаны с водой. Многие исторические факты действительно подтверждают, что этнические объединения *Канлы* или *Узбой/Узбек* жили в среднем течении Сырдарьи. Термин *канлы*, по мнению докладчика, иноязычно-го происхождения, т. к. *узузов* в других регионах Средней Азии именовали *Канлы*, а самонаименование *Узбой* означает 'людей с берегов реки'.

Н. Я. Мингаев (Гулистан) в докладе «Топонимия Мирзачуля» рассмотрел влияние физико-географических факторов на топонимическую систему региона. Так, в гидронимах Мирзачуля имеются топокомпоненты *шур, ачи, туз (Шурузак, Аччикуль, Тузкан)*. Автор указал, что, как и в любой топонимической системе, в топонимии Мирзачуля большое место занимают антропотопонимы и этнопонимы.

«Отражение некоторых этнонимов в азербайджанской и узбекской топонимии» — так назывался доклад Н. Х. Мамедова (Баку). Одной из актуальных проблем современной ономастики, отмечалось в докладе, является изучение причин отражения одного и того же этнонима в топонимии различных этнолингвистических регионов.

Т. К. Чороев (Ташкент) в докладе «О некоторых спорных названиях Баласагуна X—XIII вв.» анализировал топонимы с компонентом *Орду (Чем Орду, Кара Орду и Эл Орду)*, которые либо ошибочно, либо гипотетически приписывались и приписываются городу Баласагун — одной из караханидских столиц X—XII вв. (Баласагун локализуется в Чуйской долине Киргизской ССР, но, по мнению большинства ученых, он был расположен на месте городища Бурана, южнее современного г. Токмак).

В докладе А. Бурьева (Ташкент) «Топонимические материалы в „Географии“ Хафиз-и Абру» указывалось, что этот памятник содержит значительное количество названий как макро-, так и микрообъектов регионального характера. Научного издания этого труда нет, поэтому для его изучения

большое значение имеют дошедшие до нас рукописные списки. Однако в текстах рукописей имеются существенные различия. Например, материал, касающийся географии Средней Азии, сохранился только в Оксфордской рукописи Беделянской библиотеки.

В «Географии» Хафиз-и Аbru приведены также и сведения сугубо топонимического характера. Это касается как правописания топонимов, так и их этимологии. Например, Амударья описана как река *Балх* (нахр-и Балх), но в то же время отмечено, что арабы называют ее *Джейхун*, а в Хорасане она известна как *Амуя* (аб-и Амуя) — по названию одноименного населенного пункта, расположенного на ее переправе. Подобные этимологические справки приведены и для топонимов Самарканд, Шахрисабз, Бадхиз, Мургаб и др.

М. Раджабов (Гулистан) посвятил свой доклад лексико-семантическим особенностям топокомпонента *тай*. Указав, что в ономастической литературе о топокомпоненте *тай* имеется немало работ, он отметил, что тем не менее нет полных сведений как о лексико-семантических особенностях топониманта, так и о семантической структуре и грамматических функциях морфемы.

Известно, что топокомпонент *тай* широко распространен в словарном составе узбекского языка. Автор ограничился рассмотрением термина родства *тога*. Этот термин — исторически двусложное образование, которое расчленяется на *тай+ога*. *Тай* букв. 'родина матери', *ога* 'дядя'. Таким образом, *Тога* 'дядя по матери'. В подтверждение своего мнения автор приводит

примеры из киргизского языка. *Тай аке* 'дядя по отцу', *Тай эже* 'тетя по матери', *Тай ота* 'дедушка по матери'.

Х. Х. Абдуллаев (Гулистан), анализируя некоторые географические названия Мирзачуля, рассмотрел такие топонимы, как *Бури-хона* (волчье логово), *Иулбасар-хона* (логово тигров), *Катта-саг* (большая низменность, или продолжение поймы реки Сырдарья), *Кир/Гир-аул* (букв. аул около обрыва) и многие другие.

В докладе *Ф. Б. Иноятовой* (Ургенч) «Узбекские имена в Хорезме» на большом числе примеров была раскрыта динамика употребления узбекских личных имен в данном регионе.

Большой интерес вызвали и другие доклады.

Конференция приняла рекомендации, среди которых:

организовать комитет и его руководящий орган — бюро по изучению ономастики Узбекистана;

организовать сбор ономастических материалов по всей территории республики и создать ономастическую картотеку;

приступить к созданию краткого этимологического словаря топонимов Узбекистана; организовать сбор материалов по узбекской антропонимии, этнонимии, народных географических терминов, микротопонимов; провести районирование изученной ономастики республики и др.

Было принято решение о проведении в 1989 г. в г. Карши (Узбекская ССР) очередной ономастической конференции.

Х. Абдуллаев, М. Мамедов

PERSONALIA

ИВАН АНДРЕЕВИЧ АНДРЕЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполняется 60 лет со дня рождения видного чувашского лингвиста, профессора, доктора филологических наук Ивана Андреевича Андреева.

И. А. Андреев родился в деревне Ходяково Аликовского района Чувашской АССР в бедной крестьянской семье. В 1944 — 1946 гг. учился в Калининском педучилище. После окончания Чувашского педагогического института (1950) он преподает чувашский и русский языки в Ядринском и Цивильском педучилищах, одно время работает в Канашском учительском институте. В 1953 г. И. А. Андреев становится первым аспирантом при Чувашском педагогическом институте известного тюрколога и чувашоведа, профессора В. Г. Егорова. Одновременно с обучением в аспирантуре он заочно получает вторую специальность — по русскому языку и литературе.

В 1957 г. И. А. Андреев избирается на должность заведующего сектором языка Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. В 1962 г. он защищает диссертацию на соискание

ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Причастие в чувашском языке».

Через восемь лет (1970) И. А. Андреев, работая в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова, успешно защищает и докторскую диссертацию — на тему: «Структура простого предложения в современном чувашском языке». С 1975 г. он — бессменный заведующий кафедрой чувашского языкознания, а с 1983 г. — декан историко-филологического факультета ЧГУ.

Основные научные интересы И. А. Андреева, бесспорно, относятся к сфере грамматики чувашского языка.

Им были освещены грамматическая и коммуникативная структура простого предложения (причем последняя на основе удачного приложения к материалу чувашского языка так называемой теории актуального членения предложения), четко определены критерии различения главных и второстепенных членов предложения в монографии «Вопросы чувашского синтаксиса» (ч. 1—2).

И. А. Андреев так же плодотворно занимается вопросами описательной диалектологии чувашского языка, участвует в работе диалектологических экспедиций. Серия его научных публикаций посвящена нерешенным и спорным вопросам чувашской орфографии и пунктуации. При его непосредственном участии в качестве составителя или редактора вышли в свет крупнейшие двуязычные словари чувашского языка последнего времени.

На протяжении ряда лет ученый занимается чувашской антропонимией как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Им изданы исследование «Личные имена» (1983), а также списки чувашских дохристианских имен для «Справочника личных имен народов РСФСР» (1979) и «Справочника личных имен народов СССР».

И. А. Андреев — опытный педагог, методист и организатор науки. Под его руководством подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций по чувашскому языку.

А. П. Хузангай

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- С. Н. Иванов (Ленинград). О методологических вопросах грамматики 3
 М. С. Полинская, В. Ю. Чернин (Москва). Терминология родства у крымчаков 15

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА

- Х. Короглы (Москва). К тюркско-венгерским фольклорным связям 24
 Дж. Нагиев (Баку). Югославское издание «Китаби Деде Коркуд» 30
 Л. С. Самедова (Баку). Перевод романа «Герой нашего времени» на азербайджанский язык в дореволюционном Азербайджане 41
 У. Кумисбаев (Алма-Ата). Низами и казахская литература 50

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Б. А. Абилхасимов (Алма-Ата). Некоторые вопросы изучения истории казахского литературного языка 58
 Е. Х. Жубанов (Алма-Ата). О природе казахского наддиалекта и проблемах истории литературного языка 63
 А. Ш. Садыхов (Баку). Способ выражения прямой и косвенной речи в прозаических памятниках азербайджанского языка 68
 Ф. С. Хакимзянов (Уфа). История татарского литературного языка 78
 И. А. Абдуллин (Казань). Некоторые аспекты источниковой базы истории литературных языков 82
 В. Х. Хаков (Казань). О методах и источниках составления историй тюркских литературных языков 86
 С. М. Исаев (Алма-Ата). К вопросу о периодизации истории казахского литературного языка 92

НАСЛЕДИЕ

- А. Тагирзаде (Баку). Халид Саид Ходжаев 96
 Х. С. Ходжаев (Баку). «Дивани-Лугати Тюрк» Махмуда Кашгарского 97
 Л. К. Филиппов (Саратов). О работе Н. Г. Чернышевского «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии» 104

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- А. Н. Нурманов (Андижан). Синтаксические конструкции, находящиеся вне оппозиции 110

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Беседа с Ч. Айтматовым 114

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- Б. И. Татаринцев (Кызыл). О некоторых этноязыковых наименованиях в современной научной литературе 120

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

- Ю. В. Щека (Москва). Türk Dilbilimi Konferansi Bildirileri 123

РЕЦЕНЗИИ

- Х. Данияров, Б. Юдашев (Самарканд). Узбек халк шевалари морфологияси 128
 Е. Ж. (Алма-Ата). Проблемы казахской терминологии 129

АННОТАЦИИ

- Л. Арсланов (Елабуга). Ф. С. Баязитова. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении 131

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- М. С. Ф. (Ленинград). О мемориальной библиотеке академика А. Н. Кононова 132
 М. С. Фомкин (Ленинград). О шестидесятилетии С. Г. Кляшторного 132
 Д. Г. Тумашева (Казань). Совещание заведующих кафедрами родных языков и литератур 133
 Х. Абдуллаев, М. Мамедов. (Гюлистан) Первая республиканская научно-теоретическая конференция «Ономастика Узбекистана» 134

PERSONALIA

- А. Я. Хузангай (Чебоксары). Иван Андреевич Андреев 137

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- S. N. Ivanov* (Leningrad). On the methodological questions of grammar 3
M. S. Polinskaya, V. Yu. Chernin (Moscow). Relationship terms of the Krymchaks 15

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.

- Kh. Korogly* (Moscow). Towards the Turkic-Hungarian folklore relations 24
J. Nagiyev (Baku). The Yugoslav edition of «Kitabi Dede Korkud» 30
I. S. Samedova (Baku). The Azerbaijanian translation of the novel «The Hero of Our Time» in the pre-revolutionary Azerbaijan 41
U. Kumisbayev (Alma-Ata). Nizami and the Kazakh literature 50

DISCUSSIONS

- B. A. Abilkhasimov* (Alma-Ata). Some questions from the history of the Kazakh literary language 58
Ye. Kh. Zhubanov (Alma-Ata). On the nature of the Kazakh superdialect and problems of the history of the literary language 63
A. Sh. Sadykhov (Baku). Modes of expression of direct and indirect speeches in the Azerbaijanian prosaic monuments 68
F. S. Khakimzyanov (Ufa). History of the Tatar literary language 78
I. A. Abdullin (Kazan). Some source aspects of history of the literary languages 82
V. Kh. Khakov (Kazan). On the methods and sources used in the compiling histories of the Turkic literary languages 86
S. M. Isayev (Alma-Ata). Towards the question of historic periodization of the Kazakh literary language 92

INHERITANCE

- A. Tagirzade* (Baku). Khalid Said Khojaye 96
Kh. S. Khojaye (Baku). Mahmud Kashgari's «Divanu Lugati Turk» 97
L. K. Fillipov (Saratov). About the «Explanation of Tatar names of villages of the Saratov province» by N. G. Chernyshevsky 104

MATERIALS AND REPORTS

- A. N. Nurmanov* (Andizhan). Syntactic constructions outside the opposition 110

ACTUAL INTERVIEW

- Interview with Ch. Aitmatov 114

LETTER TO THE EDITORIAL OFFICE

- B. I. Tatarintsev* (Kyzyl). About some ethnolinguistic names in the modern scientific literature 120

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

OBSERVATIONS

- Yu. V. Scheka* (Moscow). Türk Dilbilimi Konferansı Bildirileri 123

REVIEWS

- Kh. Daniyarov, B. Yuldashev* (Samarkand). Узбек халқ шевалари морфологияси 128
Ye. Zhubanov (Alma-Ata). Проблемы казахской терминологии 129

ANNOTATIONS

- L. Arslanov* (Yelabuga). Ф. С. Баязитова. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении 131

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- M. S. F.* (Leningrad). About the Academician A. N. Kononov's memorial library 132
M. S. Fomkin (Leningrad). On the 60-th anniversary of S. G. Klyashtorni 132
D. G. Tumasheva (Kazan). Conference of heads of chairs of native languages and literatures 133
Kh. Abdullayev, M. Mamedov (Gulistan). The first republican scientific conference «Onomastics of Uzbekistan» 134

PERSONALIA

- A. P. Khuzangai* (Cheboksary). Ivan Andreyevich Andreyev 137

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*.

Корректоры *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 21.04.88 г. Подписано к печати 19.08.88 г. ФГ 05136. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2 Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 3313. Тираж 2470. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», Матбуат проспекти, 529 квартал.

**О Т К Р Ы Т А
П О Д П И С К А
Н А Ж У Р Н А Л
«С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я»**

НА 1989 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ:

СТАТЬИ ШИРОКОГО НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ;

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, ЭТНОЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ, РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ;

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И Т. Д.

В ЖУРНАЛЕ ОТКРЫТЫ НОВЫЕ РУБРИКИ — «НАСЛЕДИЕ» И «АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ».

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

НА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 6 руб. 60 коп.

Подписка принимается:

ОРГАНАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ПОЧТАМТАМИ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70927.

В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ.